

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 2 · 2018 · АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Панина. А.С.* Глаголы падения в японском языке 3

Литературоведение

- Ершова Ю.С.* Индонезийское течение састра ванги в контексте
современной женской прозы стран Востока 14

История

- Бочковская А.В.* Дом вдали от дома: последователи Нанака на
Андаманах 29
- Никольская К.Д.* «Деньги не пахнут». Индийская версия 40
- Шлыков П.В.* Трансформация роли Турции в борьбе с междуна-
родным терроризмом на Ближнем Востоке 53
- Петров И.А.* Языковая ситуация в городских центрах независимой
Индии (на примере Хайдарабада) 75
- Шарова А.Б.* Утида Масао. Возвращение имени 87
- Бурыгин А.А.* Идеология Исламского государства как пример пре-
вратного использования мусульманской религии в политических
целях 101

Linguistics

- Panina A.S.* Verbs of Falling in Japanese 3

Literature Studies

- Ershova Yu.S.* Indonesian Literary Trend *Sastra Wangi* in the Context of Modern Oriental Women's Prose 14

History

- Bochkovskaya A.V.* A Home Away From Home: Guru Nanak's Followers at the Andamans 29
- Nikolskaia K.D.* Money Does Not Stink. Indian version 40
- Shlykov P.V.* The Transformation of Turkey's Role in the Struggle with International Terrorism in the Middle East 53
- Petrov I.A.* The Language Situation in the Urban Centres of Independent India (A Case of Hyderabad) 75
- Sharova A.B.* Uchida Masao. Returning the Name 87
- Burygin A.A.* The Ideology of the Islamic State as an Example of the Misuse of the Muslim Religion for Political Purposes 101

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.С. Панина

ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
103031, Москва, Рождественка, д. 12

В статье рассматривается семантическое поле падения в современном японском языке. Непроизводные глаголы, составляющие основу этого поля, — *ochiru* «падать с высоты», *furu* «падать (об осадках)», *taoreru* «опрокидываться», *korobi* «опрокидываться в движении», *korogaru* «падать; катиться». Поле разделено на зоны падения с высоты и опрокидывания, но глагол опрокидывания *taoreru* в форме длительного вида описывает и лежание вертикальных предметов, упавших сверху. Основные противопоставления связаны с типом падающего объекта: предметы (*ochiru*) vs. осадки (*furu*), предмет немаркированный по одушевленности (*taoreru*) vs. одушевленный (*korobi*). Есть и более тонкие особенности: *furu* способен использоваться по отношению к предметам, если исходная точка выше головы наблюдателя; для *korobi* важна не столько одушевленность, сколько способность к самостоятельному движению.

Ключевые слова: глаголы падения; лексическая типология; лексическая семантика; японский язык.

Введение

Определить падение как таковое — задача, выходящая за рамки данной статьи. Из числа базовых ситуаций, включаемых в это поле в исследованиях Московской лексико-типологической группы [Reznikova, Vyrenkova, 2015²; Кузьменко, Мустакимова, 2015³], центральными будем считать «собственно падение с высоты» (*на*

Панина Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН (e-mail: paninaas@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке РФФИ, грант 17-06-00184а «Комплексное лексико-типологическое исследование поля падения и смежных концептов».

² Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach. Working papers, series: Linguistics. M., 2015.

³ См.: Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров.

Ньютона упало яблоко) и «опрокидывание на плоскости» (*дерево упало*): предмет неконтролируемо движется вниз под воздействием силы тяжести, не имея опоры вовсе или не контактируя с ней движущимися частями.

Смежными являются ситуации, куда падение входит как компонент. Это «разрушение» (*здание рухнуло*) и «отделение части» (*деталь отвалилась; волос выпал*); в фокусе внимания в данном случае находится потеря контакта. Жидкости и сыпучие вещества — непрототипические объекты для падения — не имеют устойчивой формы, поэтому логично ожидать, что их перемещение (*литься, сыпаться*) будет концептуализироваться иначе, чем падение предметов. Особняком стоят и осадки: каждая капля или снежинка падает прототипическим способом, но ситуация в целом очень специфична.

В японском языке довольно много глаголов, обозначающих собственно падение. Прежде всего это *ochiru* «падать с высоты», *furu* «падать с высоты (преимущественно об осадках)», *taoreru* «опрокидываться», *korobu* «опрокидываться при движении», *korogaru* «падать; катиться». От них образуются сложные глаголы, такие как *korogari-ochiru* «скатываться», *taore-fusu* «падать ничком» и т.п.

Поскольку падение в норме заканчивается ударом об опору, звук удара может стать характеристикой всего события, как в русских глаголах типа *шмякнуться*. В японском языке этого не наблюдается, звук и отчасти характер движения выражают идеофоны:

(1) *Te kara wan ga suberi-ochi, <...> jimen ni, koton to ochita.*
«Из руки выскользнула пиала и <...> со стуком упала на землю»; *koton* — идеофон стука [BCCWJ⁴].

Здесь мы не будем рассматривать идеофоны, а ограничимся глаголами.

Источником языкового материала послужили словари, несколько повестей и BCCWJ — Сбалансированный корпус современного письменного японского языка. Автор благодарен доценту Э. Асадзума (ун-т Кэйо) за помощь в интерпретации примеров.

1. *Ochiru* «падать»

Ochiru — самый частотный из японских глаголов падения. Он описывает падение дискретного предмета с высоты и не затрагивает

опрокидывание; глаголы опрокидывания *taoreru* и *korobu* не толкуются через него в словарях.

(2) *Fune kara kaichū ni ochiru.*
«Упасть с корабля в море» [Waei⁵].

Жидкости и осадки (3а, б) не являются типичными объектами для *ochiru*. Японский лексикограф Т. Кунихиро, из чьей работы взят пример (3б), утверждает, что *ochiru* следует указывать в статье слова *ame* «дождь» наряду с основным глаголом осадков *furu*, который будет рассмотрен ниже, но в большинстве словарей это сочетание не дается.

(3а) *Seki o koete ochiru mizu ga <...> chiisa-na mizuoto o tatete-iru.*
«Вода, падающая через дамбу, издает тихий плеск» [BCCWJ].

(3б) *Kyū-ni ame ga ochite-kita.*

«Дождь посыпался внезапно» [Кунихиро, 2008⁶: 110].

Кроме того, *ochiru* способен описывать падение-разрушение (4) наряду с базовым глаголом *kuzureru* «разрушаться»:

(4) *Yane o sasaeru hashira ga zurete-ori, <...> naosanai to yane ga ochiru kamoshirenai*

«Столб, подпирающий крышу, сместился, и если его <...> не починить, крыша может рухнуть (букв. упасть)» [BCCWJ].

В работе [Morita, 1977]⁷ утверждается, что *ochiru* может выражать отделение части. Ё. Морита приводит слово *ha* «зуб», для которого в корпусе встретились только сочетания с глаголом *nukeru* «выниматься» (см. раздел 6), и несколько сочетаний, которые кажется правильнее отнести к метафорам.

По своему аспектуальному классу *ochiru* относится к моментальным глаголам и не способен описывать длящийся процесс падения. В форме длительного вида он обозначает итоговое состояние — лежащий предмет:

(5) *Undōjō nado ni suigara ga ochite-iru koto mo atta.*
«Бывало и так, что на спортплощадке лежали окурки» [BCCWJ].

Словообразовательные возможности *ochiru* очень велики. Есть целое семейство композитов, где *ochiru* в качестве второго компонента обозначает падение, а корень, стоящий на первом месте, уточняет образ действия: *hagare-ochiru* «отваливаться» (краска и т.п.) < *hagareru* «отставать», *kuzure-ochiru* «рушиться» < *kuzureru*

Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». М., 2015. С. 149–160.

⁴ *Gendai nihongo kakikotoba kinkō kōpasu Shonagon*. URL: www.kotonoha.gr.jp/shonagon/

⁵ Shin waei daijiten. Tokyo, 2003. Электронное издание.

⁶ Кунихиро Тэцуя. Идеальный толковый словарь. М., 2009. С. 109–110.

⁷ Morita Yoshiyuki. Kiso nihongo imi to tsukaikata. Tokyo, 1977. P. 134.

«разрушаться»; *suberi-ochiru* «соскальзывать» < *suberu* «скользить» и многие другие. По сравнению с ними сочетания с *ochiru* качестве первого компонента немногочисленны и чаще бывают идиоматичными, например *ochi-tsuku* «успокаиваться» < *tsuku* «прикрепляться».

2. *Furu* «падать сверху»

Глагол *furu* описывает все виды осадков (только для росы и инея используется *oriru* «опускаться»). Без подлежащего он обычно подразумевает дождь.

(6) *Mizore ga futte-iru.*

«Идет снег с дождем» [Waei].

Можно было бы считать этот глагол чисто метеорологическим, если бы не примеры с другими падающими объектами:

(7a) *Hikōki no kage mo katachi mo nai no ni, bakudan ga futte-kita no da.*

«Упала бомба, хотя никаких самолетов видно не было» [BCCWJ].

(7b) *Onnanoko ga sora kara futte-kuru.*

«С неба летит девочка»⁸.

Усмотреть в них метафору не позволяют фразы типа (8), где действие происходит в помещении. Все их роднит с осадками то, что исходная точка находится выше головы наблюдателя.

(8) *Kaidan no ue kara, manekineko ga futte-kita. <...> Futaba no ganmen o neratte-iru.*

«Сверху лестницы прилетела статуэтка кошки. <...> Нацелена в лицо Футабе» [BCCWJ].

Производных от *furu* мало, и они связаны с осадками — например, *furi-tsumori* «ложиться» о снеге < *tsumori* «накапливаться».

Форма длительного вида *furu* всегда обозначает длящийся процесс, как в примере (6).

3. *Taoreru* «опрокидываться»

Ситуацию опрокидывания на плоскости описывают в японском языке два глагола, первый из которых — *taoreru*. Словари толкуют его как «переход в горизонтальное положение, утратив способность стоять» [Daijisen⁹; Ruigo¹⁰].

(9a) *Bin ga taoreru.*

«Бутылка опрокидывается» [Waei].

(9b) *Ookaze de ine ga taoreta.*

«Рис полег (букв. опрокинулся) из-за сильного ветра» [Waei].

В исследовании [Miyajima, 1972]¹¹ предлагается считать, что люди выступают как частный случай предметов: «По-видимому, нет необходимости делать различие с точки зрения семантики между *Bō ga taoreru* “[Вертикально стоявшая] палка падает” и *Hito ga taoreru* “Человек падает”».

Там же выделяется отдельное значение «наклоняться». Подобные примеры встретились и в корпусе; в горизонтальное положение в них переходит не весь предмет или организм, а только его часть, и это нормальная ситуация, в отличие от падения:

(10) *Shinsatsu yō no isu wa <...> idō-shi, semotare ga taoreta.*

«Кресло для осмотра пришло в движение, <...> его спинка откинулась» [BCCWJ].

Длительный вид *taoreru*, как и у *ochiru* «падать», обозначает не процесс, а результат:

(11) *Ki ga taorete-iru.*

«Лежит дерево» [Waei].

Привлекают внимание примеры, где форма длительного вида *taoreru* описывает результат падения с высоты. Героини новостной заметки (12) бросились с многоэтажного дома, существительное *rakka* означает именно падение сверху, но для их положения на земле использован глагол *taoreru*:

(12) *Rojō ni josei futari ga taorete-iru no o, rakka oto ni kizuita chikaku no inshokuten in ga mitsuke...*

«Двух женщин, лежащих (букв. опрокинувшихся)

на мостовой, обнаружил работник соседнего ресторана, услышавший звук падения» [BCCWJ].

Носители отмечают, что так же будет описано и дерево, упавшее, например, с обрыва — длительный вид *taoreru* закреплен за аномальным лежанием всех крупных вертикально ориентированных предметов.

Применительно к падению людей *taoreru* валентен на часть тела, которая первой соприкасается с поверхностью:

(13) *Bakufū ni sū mētoru futtonde, migi no kata kara taore...*

«От взрывной волны отлетел на несколько метров и упал на правое плечо» [BCCWJ].

⁸ Miyazaki H., Kameoka O. *Shōsetsu tenkū no shiro Laputa*. V. 1. Tokyo, 1986. P. 106.

⁹ Daijisen. Tokyo, 1997. Электронное издание.

¹⁰ Kadokawa ruigo shinjiten. Tokyo, 1989. Электронное издание.

¹¹ Miyajima Tatsuo. *Dōshi no imi yōhō kijutsuteki kenkyū*. Tokyo, 1972. P. 411–412.

Словообразование с участием *taoreru* скудно; можно назвать глагол *taore-fusu* «падать лицом вниз» < *fusu* «ложиться».

4. *Korobu* «опрокидываться в движении»

Korobu — еще один менее частотный, чем *taoreru* глагол опрокидывания. Корень *koro* означает качение, и словари дают для *korobu* второе значение «катиться», однако уже в относительно старой работе [Miyajima, 1972] отмечено, что оно устарело. В качестве глагола падения *korobu* выделяет в ситуации важный аспект: так падают «люди и животные, споткнувшись» [Ruigo] или «при движении вперед» [Tsukaiwake]¹²; именно он использован в одном из японских переводов «Евгения Онегина» для фразы *На красных лапках гусь тяжёлый* / <...> *Ступает бережно на лёд, / Скользит и падает*» (а убитый на дуэли Ленский описывается глаголом *taoreru*)¹³.

При этом одушевленность как таковая не обязательна, она коррелирует с самостоятельным движением, но двигаться могут и неодушевленные предметы:

(14) *Mawatte-ita koma ga korobu.*

«Крутившийся волчок **падает**» [Koizumi, 2000¹⁴].

Korobu — событийный глагол, как *ochiru* и *taoreru*, а не процессуальный, как *furu*. Несмотря на это в форме длительного вида он не обозначает лежание, возможно, потому, что большинство его субъектов поднимаются и движутся дальше. Эта форма вообще не очень употребительна, но удалось найти пример, где длительный вид *korobu* обозначает серию повторяющихся событий:

(15) *Hajimete sukī o haita toki, aruku tabi ni koronde-ita watashi.*

«Я, которая **падала** при каждом шаге, когда впервые надела лыжи» [BCCWJ].

Аналогично глаголу *taoreru*, *korobu* имеет валентность на приземляющуюся первую часть тела:

(16) *Ago kara koronde-shimatta.*

«**Упал** [и ударился] подбородком» [Waei].

В словообразовании *korobu* почти не участвует, можно назвать разве что сложный глагол *ne-korobu* «повалиться» < *neru* «лежать».

5. *Korogaru* «падать, катиться»

Глагол *korogaru* не делает различия между падением с высоты и опрокидыванием. Он образован от того же корня, что *korobu*, и сохранил оба значения: и «катиться», и «падать». Они связаны метонимией: прототипическая для *korogaru* ситуация падения — такая, когда предмет, упав, некоторое время катится. При этом с примерами типа (17a), где хочется считать *korogaru* описывающим всю ситуацию, соседствуют употребления типа (17б), где падение выражено отдельно глаголом *ochiru*, а на долю *korogaru* остается качение:

(17a) *Otoko no te kara hanareta dosu ga, oto o tatete jimen ni korogaru.*

«Кинжал, выбитый из руки мужчины, с шумом отлетает (букв. **катится**) на землю» [BCCWJ].

(17б) *Naifu wa otoko no te kara ochi, furōringu no yuka ni korogatta.*

«Нож **выпал** из руки мужчины и **покатился** по паркетному полу» [BCCWJ].

В целом же фаза качения может быть редуцирована. Относительно примера (18a) носители отмечают, что хотя стакан не может остаться совсем неподвижным, достаточно минимального движения. Герой примера (18б) не скатывается с кровати; глагол *korogaru*, а не *taoreru*, использован в этой фразе, вероятно, потому что персонаж вкладывает в падение дополнительный импульс.

(18a) *Shindō de koppu ga korogatta.*

«От [подземных] толчков упал (букв. **покатился**) стакан» [Koizumi, 2000: 202].

(18б) *Jishitsu e hikiagete beddo ni korogatta.*

«Ушел в свою комнату и бросился (букв. **покатился**) на кровать» [BCCWJ].

Длительный вид *korogaru* как глагола качения означает процесс, но в значении падения эта же форма аналогично *ochiru* и *taoreru* означает «лежать». Она содержит отрицательную оценку и может применяться к предметам, неспособным катиться:

(19) *Ashimoto ni wa 6 pon no suigara ga korogatte-iru.*

«Под ногами **валяются** шесть окурков» [BCCWJ].

Сложных глаголов, образованных от *korogaru*, мало, наиболее употребительный — *ne-korogaru* «ложиться» < *neru* «ложиться».

В этом же словообразовательном гнезде имеется глагол *korogeru*, трактуемый словарями как вариант *korogaru*. В корпусе он почти не встретился.

¹² Ruigo tsukaiwake jiten. Tokyo, 1998.

¹³ Onēgin. Sekai bungaku taikai. V. 26. Tokyo, 1962. P. 34, 47.

¹⁴ Koizumi Tamotsu et al. Nihongo dōshi yōhō jiten. Tokyo, 2000. P. 203.

6. Смежные ситуации (жидкости, отделение частей, погружение)

Падение жидкостей и сыпучих веществ покрывает глагол *koboreru* «проливаться, просыпаться». В словаре [Daijisen] он толкуется через *ochiru* «падать», но обозначает, строго говоря, не столько падение, сколько ситуацию, когда часть вещества, находившегося в емкости, оказывается снаружи:

(20a) *Bīru wa dobodobo sara no ue ni ochite-iki, shōshō tēburu ni koboreru.*

«Пиво с шумом **падает** в тарелку и немного расплескивается на стол» [BCCWJ].

(20b) *Mitsu no saikoro ga hitotsu de mo chawan kara koboreru to...*

«Если хоть одна из трех игральных костей **вывалится** из чашки» [BCCWJ].

В форме длительного вида *koboreru* — аналогично событийным глаголам падения — означает результат:

(21) *Jimen ni kome ga koborete-iru.*

«На земле **рассыпан** рис» [Waei].

Для жидкостей есть также глаголы *tareru* «свисать; стекать» и *shitataru* «капать». *Tareru* может описывать как капли, так и струйку; «свисать» — его основное значение, от которого, согласно работе [Miyajima, 1972: 86], «стекать» образовано метафорическим переносом, поскольку струя похожа на длинные предметы. *Shitataru* восходит к *tareru* и обозначает только капли.

(22a) *Kuchi no hashi kara tareta yodare.*

«Слюна, **текущая** из угла рта» [BCCWJ].

(22b) *Rōsoku no rō ga pota-pota to tsuchi no ue ni shitataru.*

«Воск от свечи каплями **льется** на землю» [BCCWJ].

Широко употребляются также композиты с *ochiru* «падать» — *kobore-ochiru* «выливаться, высыпаться» от *koboreru* «проливаться, просыпаться» и *nagare-ochiru* «стекать» от общего глагола движения жидкостей *nagareru* «течь»:

(23) *Kami o tsutatte kao ni nagare-ochiru suiteki.*

«Капли воды, **стекающие** на лицо по волосам» [BCCWJ].

Отделение частей, растущих из-под поверхности, выражает глагол *nukeru* «выниматься», декаузатив от *nuku* «вытаскивать». У него нет валентности конечной точки, и в целом примеры не дают оснований считать его глаголом падения. Именно им обозначается выпадение волос и зубов:

(24) *Mōhatsu ga nuketari, tsume ga waretari suru.*

«То **выпадают** волосы, то трескаются ногти» [BCCWJ].

Опадающие цветы и листья как множественный объект описывает в одном из своих значений глагол *chiru* «рассредоточиваться»:

(25) *Kaze de sakura ga chitte-iru.*

«От ветра **облетает** [цветущая] вишня» [BCCWJ].

Словарь [Daijisen] в качестве синонима к нему дает *ochiru* «падать» (они не родственны, несмотря на созвучие), но в корпусе не удалось найти примеров с начальной или конечной точкой, так что трактовка *chiru* именно в качестве глагола падения тоже спорна.

Погружение в слой вещества не затрагивается глаголами падения. Для жидкостей есть глагол *shizumu* «тонуть». Погружение в слой сыпучих веществ способен обозначать глагол *umaru*, декаузатив от *uteru* «закапывать»:

(26) *Shinsetsu ni sukī ga umatte suberinikui.*

«Идти трудно, лыжи **проваливаются** в свежий снег» [Waei].

Заключение

Центральную часть поля падения в японском языке составляют пять производных глаголов: *ochiru* «падать с высоты»; *furu* «падать (об осадках)»; *taoreru* «опрокидываться»; *korobu* «опрокидываться в движении»; *korogaru* «падать; катиться».

Поле разделено на зоны падения с высоты и опрокидывания. Единственный глагол, не делающий различия между ними, *korogaru*, располагается на стыке полей падения и качения и объединяет их в рамках ситуации «упасть и покатиться». Доминантой поля в терминах Московской лексико-типологической группы является *ochiru* — помимо собственно падения с высоты, он частично захватывает осадки и падение-разрушение, но не проникает в зону опрокидывания. Напротив, глагол опрокидывания *taoreru* в форме длительного вида описывает и лежание вертикальных предметов, упавших сверху.

Противопоставления внутри зон падения и опрокидывания, как может показаться на первый взгляд, зависят от типа падающего объекта: предметы (*ochiru*) vs. осадки (*furu*); предмет немаркированный по одушевленности (*taoreru*) vs. одушевленный (*korobu*). Однако на самом деле их соотношение менее прямолинейно: *furu* способен, помимо осадков, использоваться по отношению к предметам, если исходная точка выше головы наблюдателя; для *korobu* важна не столько одушевленность, сколько способность к самостоятельному движению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». М., 2015. С. 149–160.
2. Кунихиро Тэцуя. Идеальный толковый словарь. М., 2009.
3. Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach (Семантика падения: типологический подход). Working papers, series: Linguistics. M., 2015.
4. BCCWJ — *Gendai nihongo kakikotoba kinkō kōpasu Shonagon* [Сёнагон: сбалансированный корпус современного письменного японского языка]. URL: www.kotonoha.gr.jp/shonagon/
5. Daijisen. Tokyo, 1997. Digital edition.
6. Koizumi Tamotsu et al. *Nihongo dōshi yōhō jiten* [Словарь узуса глаголов японского языка]. Tokyo, 2000.
7. Miyajima Tatsuo. *Dōshi no imi yōhō kijutsuteki kenkyū* [Дескриптивное исследование семантики и узуса глаголов]. Tokyo, 1972.
8. Morita Yoshiyuki. *Kiso nihongo imi to tsukaikata* [Базовая японская лексика: семантика и употребление]. Tokyo, 1977.
9. Ruigo — *Kadokawa ruigo shinjiten* [Новый словарь синонимов изд-ва «Кадокава»]. Tokyo, 1989. Электронное издание.
10. Tsukaiwake — *Ruigo tsukaiwake jiten* (Словарь выбора синонимов). Tokyo, 1998.
11. Waei — *Shin waei daijiten* [Новый большой японско-английский словарь]. Tokyo, 2003. Электронное издание.
2. Kunihiro Tetsuya. *Ideal'nyj tolkovyj slovar'* [An Ideal Explanatory Dictionary]. Moscow, 2009.
3. Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. *Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach*. Working papers, series: Linguistics. Moscow, 2015.
4. BCCWJ — *Gendai nihongo kakikotoba kinkō kōpasu Shonagon* [Shonagon: The Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese]. URL: www.kotonoha.gr.jp/shonagon/
5. Daijisen. Tokyo, 1997. Digital edition.
6. Koizumi Tamotsu et al. *Nihongo dōshi yōhō jiten* [Japanese Verbs Usage Dictionary]. Tokyo, 2000.
7. Miyajima Tatsuo. *Dōshi no imi yōhō kijutsuteki kenkyū* [Meaning and Usage of Verbs, A Descriptive Study]. Tokyo, 1972.
8. Morita Yoshiyuki. *Kiso nihongo imi to tsukaikata* [Basic Japanese Vocabulary. Meaning and Usage]. Tokyo, 1977.
9. Ruigo — *Kadokawa ruigo shinjiten* [Kadokawa New Thesaurus]. Tokyo, 1989. Digital edition.
10. Tsukaiwake — *Ruigo tsukaiwake jiten* [Distinctive Thesaurus]. Tokyo, 1998.
11. Waei — *Shin waei daijiten* [New Comprehensive Japanese-English Dictionary]. Tokyo, 2003. Digital edition.

Anna S. Panina

VERBS OF FALLING IN JAPANESE

Institute of Oriental Studies

12 Rozhdestvenka, Moscow, 103031

The paper examines the semantic domain of falling in modern Japanese. The domain is comprised of two verbs of falling down, *ochiru* and *furu*; two verbs of falling over, *taoreru* and *korobu*; and one of falling and rolling, *korogaru*. They differ in their preferred type of trajector (objects for *ochiru*, rain etc. for *furu*; animate for *korobu*, unspecified for *taoreru*). Some finer characteristics can also be seen: for *furu* other trajectors than rainfall are acceptable if they come from above the viewpoint. For *korobu* the trajector must be self-propelling. For vertical objects the resulting prostrate state is covered by *taoreru* even if the fall itself comes under *ochiru*.

Key words: verbs of falling; lexical typology; lexical semantics; Japanese language.

About the author: Anna S. Panina — researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: paninaas@gmail.com).

REFERENCES

1. Kuzmenko E.A., Mustakimova E.G. Glagoly padenija v leksiko-tipologičeskoj perspektive (Verbs of Falling: A Lexico-Typological Perspective). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov 2015*. Moscow, 2015. 149–160.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ю.С. Ершова

**ИНДОНЕЗИЙСКОЕ ТЕЧЕНИЕ *САСТРА ВАНГИ*
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ
ПРОЗЫ СТРАН ВОСТОКА***Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»**119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье дается описание женской прозы (*састра ванги*), которое набирало популярность с конца XX столетия и сейчас стало одним из центральных явлений в литературе Индонезии. Анализ предпринимается с учетом результатов современных гендерных исследований и изучения положений феминистской литературной критики. Дается характеристика серьезной прозы *састра ванги*, позволяющая отграничить ее от модной развлекательной женской литературы *chick-lit*. Процессы, аналогичные развитию *састра ванги*, происходящие в словесности многих стран, рассматриваются в работе на примере индийской, турецкой и китайской литературы. Это позволяет вписать современную индонезийскую женскую прозу в региональный контекст.

Ключевые слова: современные индонезийская проза; женская проза; *састра ванги*; гендерные исследования; феминизм; восточная литература.

Рубеж XX–XXI вв. стал переходным периодом для Индонезии. С падением режима «Нового Порядка» президента Сухарто в 1998 г. открылись новые пути для развития либерализма. В частности, это нашло отражение в значительном росте активности женщин в политической, социальной и культурной областях. Усиление роли женщин происходило практически во всех сферах жизни, включая литературное творчество. Женское литературное движение набирало мощь с конца прошлого столетия и сейчас стало одним из центральных явлений в современной индонезийской прозе.

В последние десятилетия в науке в целом заметно возросло внимание к гендерным исследованиям. Свидетельством развития гендерной теории может служить большое количество работ, написанных

западными и отечественными авторами¹. Гендерная проблематика изучается и индонезийскими исследователями, избирающими в качестве центральных тем положение женщины в обществе, а также вопрос о вкладе женщин в социальное развитие, в том числе в области культуры и словесности².

В рамках гендерных исследований по литературе актуальным становится рассмотрение женского творчества как части литературного процесса и феминисткой литературной критики, получившей широкое распространение. С этим явлением как разновидностью теории феминизма связаны надежды на создание «альтернативной», а именно женской картины бытия, в основе которой лежит женский взгляд на мир и происходящие в нем процессы, а также собственный жизненный опыт женщин. Подобные попытки можно наблюдать в современной женской прозе Индонезии.

В индонезийской литературе женское течение (так называемая *састра ванги*, т.е. «ароматная», «благоухающая» или даже «парфюмерная» литература) представлена огромным количеством произведений с разнообразной тематикой. Когда мы говорим о женской прозе, невольно возникают ассоциации с дамскими любовными романами или с развлекательными произведениями, написанными специально для женщин (см. ниже о явлении *chick-lit*), но этим женское творчество далеко не ограничивается. Еще один привычный стереотип в восприятии женской прозы заключается в поиске феминистского подтекста, однако и это верно лишь отчасти, так как содержание произведений современных писательниц отнюдь не исчерпывается феминистской тематикой. Писательницы *састра ванги* создают произведения на любую тему, которая их волнует, будь то положение женщины в обществе, семья, любовные отношения или проблемы философии и науки, а также многое другое.

Сейчас Индонезия переживает настоящий бум женской литературы. Это не значит, что женщин-писательниц раньше не было совсем, но они больше воспринимались в качестве авторов популярных развлекательных и любовных романов. Массовое появление женщин-писательниц сыграло большую роль в развитии современной

¹ Среди них следует отметить таких авторов, как Элейн Шоуолтер, Элен Сиксу, Гизела Экер, Тереза де Лауретис, Юлия Кристева, Люси Иригарэ, Ирина Жеребкина и др.

² Среди новейших исследований на данную тему выделяется обстоятельный труд Янти Мухтар «Развитие индонезийского женского движения в период Нового Порядка»: *Muchtart Y. Tumbuhnya Gerakan Perempuan Indonesia Masa Negara Orde Baru*. Jakarta: Institut KAPAL Perempuan, Februari 2016. 199 h.

Ершова Юлия Сергеевна — преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: juliaseptember@yandex.ru).

индонезийской литературы и определении основных тенденций этого развития. В литературе ярко обозначилась феминистская направленность, что проявилось в том числе через освещение прежде закрытых для публичного обсуждения сфер действительности.

В 1998 г. вышел роман Айю Утами «Саман» (*Saman*). Это событие положило начало новому периоду в истории современной индонезийской литературы, связанному с течением *састра ванги*, получившим широкое распространение в 2000-х годах. Романы Утами «Саман» (*Saman*) и «Ларунг» (*Larung*) (2000) представляют собой подлинное воплощение идеи свободы творчества в условиях Индонезии. Темы, ранее считавшиеся здесь табуированными, выносятся из частной сферы жизни в общественную. Направление *састра ванги* окончательно утвердилось в индонезийской литературе после публикации романа Деви Лестари «Супернова: Кшатрия, Принцесса и Падающая звезда» (*Supernova: Ksatria, Puteri, dan Bintang Jatuh*) (2001) и сборника рассказов Джена Р Маэсы Айю «Они говорят, я обезьяна» (*Mereka Bilang, Saya Monyet*) (2001).

Састра ванги, сама по себе выступая как новое явление для литературы, также открывает новые имена. В русле этого течения работают многие писательницы: кроме Айю Утами (*Ayu Utami*) и Джена Р Маэсы Айю (*Djenar Maesa Ayu*), с которых все начиналось, это также Дэви Лестари (*Dewi Lestari*), Фира Басуки (*Fira Basuki*), Дина Ракхайю (*Dinar Rahayu*) и многие другие. Это молодые активные женщины в возрасте около тридцати лет, занимающие разное общественное положение, принадлежащие к разным этническим и религиозным общинам. Их относительно молодой возраст и смелые идеи определили своеобразие их литературных трудов.

Произведения женщин-писательниц, принадлежащих к *састра ванги*, всегда открыты для новых, некогда табуированных тем: секса и насилия (в том числе насилия в семье), полигамии, измены, отношений вне брака и вообще свободных отношений. Так, например, главными героями романа Деви Лестари «Супернова: Кшатрия, Принцесса и Падающая звезда» (2001)³ становится пара гомосексуалистов Димас и Рубен, а также Дива, элитная проститутка, которая одновременно выступает в своей второй ипостаси — Суперновы, Мессии современности, пророчицы новой эпохи, которая появляется и существует виртуально. Любой человек может написать Супернове электронное письмо, задать вопрос и получить ответ на него. Супер-

нова существует там, где есть виртуальный мир интернета. Димас и Рубен, являясь вымышленными самой Лестари персонажами, в свою очередь решают написать роман и сочиняют историю о запретной любви Ферре и Раны.

По сюжету романа в романе, молодой и успешный карьерист Ферре живет одной работой. Среди поклонниц он считается секс-символом: высокий пост в транснациональной корпорации, большой доход, красивая внешность и обаяние. Никто не знает, что блестящий фасад скрывает одиночество. Все меняется, когда герой встречает молодую и красивую, также успешную в карьере Рану. Все довольно банально: герои полюбили друг друга с первого взгляда, но Рана замужем. Ее муж Арвин — не злодей и не тиран, а тоже молодой, красивый, успешный, глубоко любит жену, мечтает о тихой семейной жизни, о детях. Ферре также сходит с ума от любви к Ране. Кульминация наступает, когда Арвину становится известно о связи жены. Он принимает решение отпустить ее, так как видит, что она неподдельно счастлива с Ферре. Со своей стороны, Ферре ревнует Рану к мужу. Не выдержав давления, Рана серьезно заболевает, а когда опасность минует, выбирает остаться с мужем, который доказал ей свою любовь, тогда как Ферре лишь страстно желал обладать ей. Для Раны становится очевидным, что связь с последним была ошибкой.

Не менее смелым является другое значимое произведение *састра ванги* — роман Секар Айю Асмари «Запретная дверь» (*Pintu Terlarang*) (2004)⁴, в котором автор затрагивает тему измены в семейных отношениях, психических заболеваний и насилия в семье. Роман имеет сложную композицию и состоит из трех сюжетных линий, которые соединяются в самом конце. Одной из таких линий является история, рассказанная от лица девятилетнего ребенка, с которым обращаются жестоко. Родители издеваются над ним даже за незначительные промахи, внушая ему, что все это — проявление родительской любви. История заканчивается тем, что измученный ребенок крадет нож из школьной столовой. Вечером ему кажется, что предметы вокруг нашептывают ему, чтобы он использовал этот нож, и он совершает, в конце концов, убийство обоих родителей.

В главах, представляющих собой историю журналистки Ранти, повествование снова ведется от первого лица. Она очень увлечена своей последней статьей о мужчине, который сошел с ума из-за жестокого отношения к нему родителей. Ранти встречается с мо-

³ Роман опубликован под псевдонимом Ди: Dee. *Supernova: Ksatria, Puteri, dan Bintang Jatuh* / Penulis, Dee. Cet. 7. Bandung, 2006. 286 hlm.

⁴ Sekar Ayu Asmara. *Pintu Terlarang*. Penerbit PT Gramedia Pustaka Utama, Jakarta, 2009. 265 hlm.

лодым вдовцом Дионом, у которого есть ребенок — пятилетний Эдо. Однажды она приходит к нему домой и обнаруживает, что Дион жестоко обращается с сыном, так как считает его виноватым в смерти своей жены, умершей при родах. Диона арестовывают, а Эдо доставляют в больницу, но ребенок оказывается настолько измученным, что умирает.

Третья сюжетная линия — история о скульпторе по имени Гамбир — является центральной в этом романе. Повествование ведется от лица автора. Гамбиру двадцать семь лет. Его жена Талида — карьеристка, одержимая манией самосовершенствования. Так же жаждет успеха Гамбир: добившись славы и признания, он зазнается, забывая, кем он был до того, как стал знаменит. Через образы супругов автором подчеркивается ничтожность материального благополучия, показаны нездоровая одержимость обладания вещами и бездуховность в отношениях.

Важную роль в романе играют три тайны брака Талиды и Гамбира. Первая тайна — дверь в студии, где Гамбир создает свои скульптуры, — он лепит беременных женщин. Ему запрещено открывать ее и обсуждать с женой (она носит ключ от этой двери у себя на шее). Вторая — сексуальные отношения Талиды с друзьями Гамбира, поощряемые его матерью. Третья тайна — соглашение супругов с клиникой, где Талида сделала искусственное прерывание беременности. По этому договору супруги получали плоды после аборт, сделанных в клинике другими женщинами, и Гамбир помещал их в свои скульптуры, чтобы они выглядели более естественными и живыми.

Когда Гамбир узнает о связях жены с его друзьями, он убивает их всех, а затем снимает с шеи Талиды ключ от запретной двери. Когда же он, наконец, открывает ее, его ослепляет белый яркий свет, и в студию врывается ураганный шум, поглощающий все вокруг. Это становится моментом соединения всех сюжетных линий романа: Гамбир оказывается в камере психиатрической клиники. Он и есть тот самый сумасшедший мужчина, в детстве подвергавшийся жестокому обращению со стороны родителей и убивший их. Именно о нем писала свою статью журналистка Ранти.

Стиль письма, язык и сами явления, обсуждаемые в произведениях *састра ванги*, часто шокируют читателей, не соответствуя принятому в обществе мнению о том, что женщины — хранительницы нравственности и морали. Авторы более не делают акцента на традиционных женских добродетелях, представляют достаточно мрачную картину на месте прежней счастливой любви и семейной

идиллии, которые теперь не служат однозначным ориентиром. Этот идеал во многом утратил привлекательность, возможно, не столько оттого, что он плох, сколько оттого, что для современных писательниц он не реалистичен. Их мироощущение свободно и вместе с тем трагично. На пути к идеалу слишком много препон — жестокость, отчуждение, корысть в обществе и семье. Перестав ориентироваться на прежний идеал, авторы рисуют свободных и самодостаточных героинь. Журналистка Рана идет на внебрачную связь и самостоятельно выбирает, с кем из двоих мужчин ей остаться. Легкомысленная Талида не ощущает себя связанной какими-то обязательствами перед мужем. Поставленные во главу угла свобода и сильная позиция женщины в семье и жизни в целом для писательниц самоценны, счастливая развязка в этом случае необязательна и даже не вполне уместна. В результате Рана остается с благородным нелюбимым супругом, а Талида и вовсе гибнет.

Не все образцы *састра ванги* высокохудожественны. Некоторые критики даже говорят о второсортности этой литературы, отсутствии интеллектуальности, а ее популярность связывают только с развлекательностью и чувственностью. Однако представительницы этого течения добиваются признания и финансового успеха, их активная деятельность становится важным моментом в вопросе гендерного равенства в Индонезии.

В результате феномен *састра ванги* вызывает ожесточенные споры между консервативно и либерально настроенными группами граждан, этот разрыв становится все более радикальным и явным. Противостояние носит не столько политический характер, сколько социальный и религиозный. Вопрос о положении женщины в современном индонезийском обществе является одним из самых дискуссионных. Также часто поднимается проблема равноправия полов. Роль женщин в современных общественных процессах вызывает много споров. Но какие бы взгляды не возобладали в общественных дискуссиях, существует один несомненный факт: женщины-литераторы положили начало кардинальным реформам в литературе⁵.

Одной из основных в женской прозе становится тема секса, порой раскрываемая не без вульгарности, в соответствии с установкой авторов на протестную эпатажность. Таким произведениям свойствен ярко выраженный дух феминизма, который сочетается с идеями

⁵ О гендерном равенстве в современной женской прозе Индонезии см. в статье: Suryakusuma J. Can literature act as a vanguard for gender equality? / J. Suryakusuma — The Jakarta Post, 29.12.2006. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2006/12/29/can-literature-act-vanguard-gender-equality.html> (accessed on 21.12.2016)

индивидуализма и эгоизма. Многие литературные произведения, относящиеся к *састра ванги*, превозносят женскую сексуальность как важный аспект жизни многих современных молодых индонезийцев, считающих себя высокообразованными и экономически независимыми⁶.

Традиционно сексуальные отношения предполагают доминирование мужчины: он — субъект, женщина — объект. Как мы видели на приведенных выше примерах, в индонезийской литературе нового типа это отвергается, женщина также занимает положение субъекта в системе. Можно воспринимать данный процесс как переворот в патриархальном обществе и переход к доминированию женщины. Однако не все писательницы делают акцент на теме сексуальных отношений в своих произведениях. Многие из них косвенно продолжают поддерживать мужское доминирование. И все же в целом литература *састра ванги* изображает женщин, в значительной степени уходя от образов покорных жен, часто жертв патриархального уклада, характерных для литературы предыдущих периодов. Героини предстают в новых образах хозяек мира и собственных судеб.

Вряд ли можно говорить о том, что проблема положения женщин в современном индонезийском обществе решена до конца, поскольку женское самовыражение — в одежде, политических взглядах и т.п. — продолжает контролироваться и подчиняться политическим, религиозным и культурным традициям. Однако сопротивление женщин традиционному порядку очевидно принесло им успех по меньшей мере в сфере литературы и искусства.

С конца XX в. литература Индонезии активно развивалась, совершив настоящий прорыв, в том числе происходило расширение ее жанрового спектра. Появились разнообразные течения региональной, исламской, детской литературы, так называемая *chick-lit* — молодежная женская проза — и многое другое. Последний популярный жанр отличается от более серьезной *састра ванги*, хотя у них часто выделяют общие черты. О правомерности сравнения *састра ванги* с произведениями, созданными в рамках *chick-lit*, идет дискуссия. Достаточное количество произведений *састра ванги* имеет в своей

основе глубокие размышления на социальные и религиозные темы, хотя в них порой усматривают недостаток нравственности. Женская молодежная литература *chick-lit* представляет собой занимательные и часто изложенные в ироничном стиле истории о женщинах, столкнувшихся с современными проблемами в работе или социальной жизни. Повествование в этих произведениях всегда помещено в городскую среду, в них рассказывается о молодых работающих женщинах в возрасте двадцати-тридцати лет, которые интересуются модой, покупками, сексом и поиском своего идеального мужчины. В отличие от романтизированной художественной литературы 1970–1980-х годов, эта новая молодежная беллетристика легко читается; обложки всегда оформлены в пастельных тонах и имеют иллюстрации в стиле Барби. Литература *chick-lit* впервые возникла в Великобритании, когда Хелен Филдинг опубликовала роман «Дневник Бриджит Джонс» в 1996 г. За этим последовала публикация произведения Мелиссы Бэнк «Руководство для девушек по охоте и рыбной ловле» (2000). Обе книги были переведены на индонезийский язык в 2003 г., и эта новая тенденция была подхвачена местными авторами. Часто в качестве примера приводят серию произведений Фиры Басуки (*Fira Basuki*) и Альбертины Эндах (*Alberthine Endah*).

Критики и феминистки скептически смотрят на популярность литературы *chick-lit*. Гадис Аривиа (*Gadis Arivia*), известная феминистка и основательница «Женского Журнала» (*Women's Journal*), считает данное явление в условиях Индонезии утопией. Индонезийские женщины все еще стесняются обсуждения гендерных вопросов. Молодежная женская проза в значительной степени игнорирует идеологические и социальные реалии дискриминации по половому признаку, поэтому некоторые феминистки утверждают, что эта литература предает идеалы и цели их движения.

Тем не менее, несмотря на критику *chick-lit*, многочисленные читательницы увлечены подобными историями, и популярность жанра возрастает. В отличие от романтических произведений, в которых женские персонажи всегда изображены «идеальными» — красивыми, покорными и готовыми признать патриархальное господство, — женская литература повествует о женщинах среднего класса, белых воротничках, борющихся за сохранение своей работы и карьеры. Они ближе к жизни — не так прекрасны, не настолько умны, хотя помешаны на физическом совершенстве. Героини этих произведений с их «несовершенством» часто очень похожи на своих читательниц, что делает художественную реальность ближе к жизни. Именно этим во многом объясняется успех *chick-lit*. Однако подобная литература

⁶ О *састра ванги* также см.: Arimbi D.A. Reading Contemporary Indonesian Muslim Women Writers. Representation, Identity and Religion of Muslim Women in Indonesian Fiction. ICAS / Amsterdam University Press, Amsterdam, 2009. 234 p.; Фролова М.В. Женская проза Индонезии конца XX — начала XXI вв.: авторы и произведения // Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. 2016. № 2 (16) II. Март. М., 2016. С. 39–53.

близка лишь современным молодым индонезийцам, проживающим в мегаполисах [Arimbi, 2009: 83–84].

Важно подчеркнуть, что процессы, аналогичные индонезийскому литературному течению *састра ванги*, встречаются в словесности многих стран. В частности, весьма яркие примеры наблюдаются в литературе хинди, где существует направление, носящее название «женское письмо». Его появление в 1970-е годы изменило отношение к авторам-женщинам, благодаря успеху таких писательниц, как Кришна Собти, Манну Бхандари, Мамта Калия и Уша Приямвада.

Начиная с эпохи Нового времени «женский вопрос» занимал в индийской литературе центральное место. Сюда относились темы положения женщины в семье и обществе, ранних браков, обряда *sati* (самосожжения вдовы на погребальном костре мужа) и вторичного замужества вдов, женского образования и эмансипации. Эти и некоторые другие проблемы, так или иначе связанные с участием женщины в общественной жизни, стали важнейшими для литературы хинди. Ввиду этого возник новый тип героини, отвечающий современным условиям и меняющимся представлениям о роли и месте женщины в социуме, — образованная и независимая, она стремится выйти за рамки, изначально созданные для нее обществом. Героинями новых романов становятся самодостаточные, свободолюбивые женщины, протестующие против патриархальных традиций и обычаев. Это во многом связано с ростом уровня образованности среди индийских женщин разных социальных слоев [Гаврюшина, 2007: 144–158].

Для индийской литературы в качестве примера стоит рассмотреть творчество Арундати Рой, которая получила Букеровскую премию за свой литературный дебют — роман «Бог мелочей» (*The God of Small Things*) (1996).

Роман рассказывает о межкастовой любви в условиях традиционного общества. Главными героями романа становятся семилетние близнецы Рахель и Эста. Их мать — христианка Амму, родила детей в порицаемом всеми браке с индуистом, союз с которым закончился разводом. Сюжет строится вокруг гибели англичанки Софи-моль, кузины близнецов; параллельно этим событиям развивается любовная линия Амму и столяра Велютты, неприкасаемого, которого по ошибке обвиняют в смерти девочки. Близнецы под давлением полиции подтверждают его вину. По прошествии многих лет они продолжают расплачиваться за это, и их судьбы нельзя назвать счастливыми.

У романа «Бог мелочей» есть автобиографические черты: мать Арундати Рой, христианка, против воли семьи вышла замуж за бенгальца-хинду, и этот брак впоследствии распался. Несмотря на то что в романе появляется большое количество бытовых, социальных и культурных реалий Южной Индии, сама автор считает, что «Бог мелочей» — это история не об Индии и индийцах, а роман о человечестве. Писательница выходит на уровень общечеловеческих проблем. «Глубоко уходящий корнями в индийскую почву, “Бог мелочей” повествует об универсальных проблемах, внятных читателям по всему миру. Рой удается придать локальному конфликту традиционного общества универсальное общечеловеческое содержание. То, что роман написан по-английски, все же не представляется случайностью» [Челнокова, 2010: 147–148]. Жизнь в традиционном обществе оказывается как бы законсервированной, «в мире властвует анархия и антисинтез, все распадается на части, и именно эти части — мелочи — оказываются главными» [Челнокова, 2010: 148]. В романе «Богом мелочей» или «Богом утрат» Амму называет любящего ее, несправедливо обвиненного в преступлении и погибшего Велютту.

Говоря о современной литературе Турции, следует отметить, что постмодернизм здесь играет западной и восточной традицией: это и повышенное внимание к массовой западной культуре, и в то же время цитации из собственного наследия. В современных произведениях поднимаются важные для страны вопросы, национальная проблематика.

Женская литература в Турции берет начало еще в творчестве средневековых поэтесс. В новое и новейшее время женскую прозу Турции представляют такие писательницы, как Элиф Шафак, Латифе Текин, Пынар Кюр, Лейла Эрбиль и др.

Элиф Шафак поднимает проблему поиска турками своей идентичности. Кроме того, она показывает, что женская и мужская идентичность не совпадают в рамках одного этноса. Также писательница обращается к болезненным темам турецко-армянских и турецко-американских отношений.

В романе «Отец и бастард» (2006) Элиф Шафак создает мир без мужчин: четыре поколения семьи состоят из одних женщин, так как их мужья умирают очень рано, поэтому единственного сына и брата — мальчика Мустафу — очень опекают, возлагая на него все надежды. Из-за суеверия, что в этой семье смерть охотится за мужчинами, мальчику не стригли волосы до восьми лет и одевали, как девочку. Юношей его отправляют за границу, надеясь, что там его не постигнет печальная участь всех мужчин рода. Но спустя почти

двадцать лет, вернувшись в родной дом, он все равно умирает, якобы от сердечного приступа, а на самом деле его отравила собственная сестра, заподозрившая его в кровосмесительных связях. Таким образом, Элиф Шафак разрушает идею семьи как опоры традиционного общества [Сулейманова, 2010: 255–258].

Усиление феминистических настроений в странах Востока способствовало тому, что женщины обратились к литературе, давшей им пространство для обсуждения таких тем, как социальный статус женщины, ее место в политической борьбе, а также брак и семейные отношения. Эти темы уже довольно давно начали волновать и китайских писательниц. Среди представительниц женской прозы в китайской литературе следует отметить Бин Синь и Дин Лин, стоявших у истоков течения (1920–1930-е годы прошлого столетия), а также Чжан Цзе, Те Нин и др. Характерные черты женской литературы сохранились и в творчестве последующих поколений авторов.

Более современный пример китайской женской прозы — полубиографический роман Вэй Хой «Крошка из Шанхая», изданный в 1999 г. «Крошка из Шанхая» стала сенсацией и вызвала горячие споры, вскоре роман был запрещен, так как критики усмотрели в нем пропаганду западной культуры и раболепие перед ней. Однако книга продолжала расходиться по стране, появились переводы на другие языки.

Главная героиня, от лица которой ведется повествование, — двадцатипятилетняя китаянка Ники, или Коко, как называют ее друзья в честь знаменитой Коко Шанель. Коко, выпускница университета, работает официанткой. Она издала книгу и теперь ищет вдохновение для написания второй. Девушка разрывается между двумя любовниками. От отношений с молодым человеком по имени Тиан Тиан она не получает ни эмоционального, ни физического удовлетворения, однако с ним у нее установилась крепкая духовная связь. Напротив, с немцем Марком, который живет и работает в Шанхае, Коко связывает именно чувственная страсть. Героиня не может сделать выбор в пользу кого-то одного. Тиан Тиан живет на деньги матери и имеет серьезные проблемы с наркотиками. У Марка есть официальная семья на родине. В итоге Марк возвращается в Берлин, а Тиан Тиан умирает от передозировки наркотиков. Главная героиня на протяжении всего романа пытается разобраться в себе и понять, кто же она и чего хочет от жизни.

Роман Вэй Хой вызвал не только споры по поводу его содержания, но и активные обсуждения вопроса, относится ли он к течению *chick-lit* или может по праву занять место в серьезной мировой литературе

[Koetse, 2008]. «Крошка из Шанхая», безусловно, имеет внешние признаки произведения *chick-lit*, от оформления обложки в «девчачьем» стиле до наличия типичных признаков подобной литературы (молодая героиня в поисках любви, решающая карьерные вопросы; сюжет, построенный вокруг ее любовных переживаний; огромное внимание к сексуальной составляющей отношений и т.д.). В то же время в романе открыто изображаются актуальные проблемы современного китайского (да и вообще любого) общества и молодежи, что не характерно для романов, созданных в рамках течения *chick-lit*.

Примеры из литератур разных стран Востока показывают единство основных тенденций внутри женской прозы, — переключку тем, поставленных проблем, пафос отрицания традиционных ценностей и мужского господства, эпатажность и яркую эмоциональность.

Возвращаясь к течению *sastra wangi* в индонезийской литературе, необходимо отметить, что не все писательницы считали лестным для себя быть причисленными к нему, хотя это создавало их популярность и способствовало коммерческому успеху. Джена Р Маэса Айю, одна из главных представительниц течения, не согласна с определением *састра ванги*, усматривая в нем дискриминацию, так как отсылкой к «парфюмерности», ассоциирующейся с женственностью, оно ставит половую принадлежность авторов выше тех тем, которые они поднимают в своих произведениях. Можно согласиться, что трудно назвать «парфюмированной» литературу (том числе творчество самой Джены Р Маэсы Айю), которая исследует такие важные проблемы, как домашнее насилие, патриархальное господство над женской сексуальностью и т.д. Писательницы *састра ванги* утверждают, что анализ вопросов, поднятых в их произведениях, освещает проблемы социальной сферы, например, государственную политику принуждения и несправедливость социального разрыва между богатыми и бедными, насилие в отношении детей со стороны взрослых и супружескую неверность [Arimbi, 2009: 81–82].

Женская проза приобретает большую популярность, в том числе благодаря тому, что открыто освещает обозначенные выше темы, и это встречает огромный спрос со стороны читателей обоих полов. Также женщины-писательницы течения *састра ванги* используют в своих прозаических произведениях традиционно популярные сюжеты и мотивы, например, любовные. Однако их творчество доказывает, насколько шире этих рамок возможности, открытые для современных авторов: они могут неограниченно раздвигать интертекстуальное пространство, в том числе посредством привлечения научного и философского дискурса. Примером может служить

первый роман Деви Лестари из серии «Супернова», который был рассмотрен в этой статье ранее. Герои романа с легкостью оперируют физическими терминами, искусно используя их для объяснения жизненных событий, что несколько не затрудняет процесс чтения и понимания произведения.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что молодые писательницы поколения 2000-х годов в своих произведениях обращаются ко многим актуальным вопросам, в том числе показывают важность проблемы равенства полов, что отвечает запросам современного индонезийского общества. Женская литература, безусловно, вносит свой вклад в осмысление этих вопросов.

Современная индонезийская женская проза продолжает бурно развиваться, создавая тематическое разнообразие художественных произведений и свои собственные художественные нормы и эстетику, которые заслуживают отдельного исследования. В этом отношении она органично вписывается в общий контекст женской прозы стран Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврюшина Н.Д. «Мне нужна луна»: индийская женщина вчера и сегодня // Женщина Востока в литературе и обществе. М., 2007. С. 144–158.
2. Де Лауретис Тереза. Технология гендера / Пер. А. Патрикеева // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Пер. с англ.; под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М., 2005. С. 378–417.
3. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии: Учебное пособие. СПб, 2007. 312 с.
4. Лемешко Ю.Г. Современная литература Китая / Авт.-сост. Ю.Г. Лемешко. Благовещенск, 2012. 324 с.
5. Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции. М., 2010. 240 с.
6. Сулейманова А.С. Постмодернизм в современной турецкой литературе // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб, 2010. С. 233–259.
7. Фролова М.В. Женская проза Индонезии конца XX — начала XXI вв.: авторы и произведения // Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. 2016. № 2 (16) II. Март. 2016. С. 39–53.
8. Челнокова А.В. Постмодернизм в индийских литературах // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб, 2010. С. 123–171.
9. Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. М., 2009. С. 112–131.
10. Экер Г. Введение / Пер. И. Борисовой // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Пер. с англ.; под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М., 2005. С. 284–294.
11. Ярская-Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб, 2001. С. 17–48.
12. Arimbi D.A. Reading Contemporary Indonesian Muslim Women Writers. Representation, Identity and Religion of Muslim Women in Indonesian Fiction. Amsterdam, 2009. 234 p.

13. Suryakusuma J. Can literature act as a vanguard for gender equality? / J. Suryakusuma. The Jakarta Post, 29.12.2006. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2006/12/29/can-literature-act-vanguard-gender-equality.html>
14. Koetse M. Shanghai Baby: Beyond China. A Chinese novel banished to the West. Bachelor Thesis Literary Studies. University of Amsterdam, 2008 (Original in Dutch, English version 2012). URL: <http://www.manyakoetse.com/wp-content/uploads/2012/12/shanghai-baby-beyond-china-by-manya-koetse.pdf> (accessed on 21.12.2016).
15. Muchtar Y. Tumbuhnya Gerakan Perempuan Indonesia Masa Negara Orde Baru. Jakarta, Februari 2016. 199 h.

Yulia S. Ershova

INDONESIAN LITERARY TREND *SASTRA WANGI* IN THE CONTEXT OF MODERN ORIENTAL WOMEN'S PROSE

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Present paper provides a survey of Indonesian women's prose (so called *sastra wangi*) that has been gaining power since the end of the XX century and nowadays has become one of the central phenomena of modern Indonesian literature. In connection with the subject of discussion some information on gender studies and feministic literary criticism is given. *Sastra wangi* possesses distinctive features which distinguishes it from purely entertaining *chick-lit*. The similar processes go on in literature of many countries as we can see on examples from Indian, Turkish and Chinese writing. That is why modern Indonesian women's prose can and must be viewed in the context of Asian and African women's oeuvre in general.

Key words: modern Indonesian prose; women's prose; gender studies; feminism; Oriental literature.

About the author: Yulia S. Ershova — PhD student, lecturer at the Department of philology of South-East Asia, Korea and Mongolia, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: juliaseptember@yandex.ru).

REFERENCES

1. Chelnokova A.V. *Postmodernizm v indiskikh literaturakh* [Postmodernism in Indian literature]. St. Petersburg, 2010, pp. 123–171. (In Russ.)
2. De Lauretis T. *Tekhnologiya gendera* [Technologies of gender]. Moscow, 2005, pp. 378–417.
3. Eker G. *Vvedenie* [Introduction]. Moscow, 2005, pp. 284–294.
4. Frolova M.V. *Zhenskaya proza Indonezii kontsa XX — nachala XXI vv.: avtory i proizvedeniya* [Women's prose in Indonesia in the late XX — early XXI century: the authors and works]. Stephanos. Retsenziruemyi mul'tiyazychnyi nauchnyi zhurnal, no. 2 (16), 2016, pp. 39–53. (In Russ.)
5. Gavryushina N.D. «Mne nuzhna luna»: indiskaya zhenshchina vchera i segodnya» [“I need a moon”: Indian woman yesterday and today]. Moscow, 2007, pp. 144–158. (In Russ.)

6. Lemesko, Yu.G. 2012. *Sovremennaya literatura Kitaya* [Modern Chinese literature]. Blagoveshchensk. (In Russ.)
7. Repenkova, M.M. *Vrashchayushchiesya zerkala: postmodernizm v literature Turtsii* [Revolving mirrors. Postmodernism in the Literary of Turkey]. Moscow, 2010. (In Russ.)
8. Shabert, I. *Gender kak kategoriya novoi istorii i literatury* [Gender as a category of new history of literature]. Moscow, 2009, pp. 112–131.
9. Suleimanova A.S. *Postmodernizm v sovremennoiturskoi literature* [Postmodernism in modern Turkish literature]. St. Petersburg, 2010, pp. 233–259. (In Russ.)
10. Zhrebkina I. *Sub'ektivnost' i gender: gendernaya teoriya sub'ekta v sovremennoi filosofskoi antropologii* [Subjectivity and gender: gender theory of the subject in modern philosophical anthropology]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
11. Yarskaya-Smirnova E. *Vozniknovenie i razvitie gendernykh issledovaniy v SShA i Zapadnoi Evrope* [The beginning and development of gender studies in the USA and Europe]. St. Petersburg, 2001, pp. 17–48. (In Russ.)
12. Arimbi D.A. *Reading Contemporary Indonesian Muslim Women Writers. Representation, Identity and Religion of Muslim Women in Indonesian Fiction*. Amsterdam, 2009.
13. Koetse M. *Shanghai Baby: Beyond China. A Chinese novel banished to the West*. Bachelor Thesis Literary Studies. University of Amsterdam. 2012. URL: <http://www.manyakoetse.com/wp-content/uploads/2012/12/shanghai-baby-beyond-china-by-manya-koetse.pdf> (accessed on 21.12.2016)
14. Muchtar Y. *Tumbuhnya Gerakan Perempuan Indonesia Masa Negara Orde Baru*. Jakarta, 2016.
15. Suryakusuma J. *Can literature act as a vanguard for gender equality?* Jakarta, 2006. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2006/12/29/can-literature-act-vanguard-gender-equality.html> (accessed on 21.12.2016).

ИСТОРИЯ

А.В. Бочковская¹

ДОМ ВДАЛИ ОТ ДОМА: ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НАНАКА НА АНДАМАНАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Появление сикхов на Андаманских и Никобарских островах было обусловлено притоком панджабцев в англо-индийскую армию с середины XIX в. Более чем наполовину укомплектованные сикхами военные и полицейские подразделения обеспечивали функционирование «Черной воды» — печально знаменитой андаманской тюрьмы. Визуальными маркерами сикхского присутствия в главном административном центре архипелага Порт-Блэре стали храмы-гурдвары — Полицейская и Новая (она же — гурдвара Дивана Сингха Калепани).

В конце 1960-х годов правительство Индии решило привлечь на Никобарские острова отставных военнослужащих-панджабцев, по большей части сикхов, присутствие которых позволило бы закрепить индийское влияние и пресечь браконьерскую деятельность в южной части архипелага. Так, в 1970-х годах на острове Большой Никобар появился свой «мини-Панджаб».

На протяжении всей жизни на Андаманах сикхи старались в полном объеме «воспроизводить» оставшуюся на материке родину (*ghar* / «дом») и ее традиции. В отличие от своих братьев, некогда переселившихся в Бенгалию, Ассам и иные отдаленные от Панджаба районы, андаманские последователи Нанак были избавлены от необходимости отстаивать собственную идентичность во взаимодействии и/или противоборстве с местной социокультурной средой.

Ключевые слова: Индия; Андаманские и Никобарские острова; сикхи; гурдвара; Диван Сингх Калепани.

Последователей гуру Нанак (1469–1539) — основателя сикхизма — можно встретить практически в любой части Южной Азии, а также далеко за ее пределами. Не являются исключением Анда-

Бочковская Анна Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna.bochkovskaya@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Религиозные системы Востока: традиции и современность».

манские и Никобарские острова — одна из союзных территорий Республики Индия, расположенная в Бенгальском заливе и в силу своего пестрого этноконфессионального состава нередко называемая «мини-Индией». На Андаманы приходится 550 из примерно 570 островов, составляющих единую административную единицу союзного подчинения с населением 380 тыс. человек (2011²); 20 южных островов входят в состав Никобарской группы.

Большая часть сикхов сегодня проживает в индийской части исторического Пятиречья — в штатах Панджаб (16 млн человек; 58% от общей численности населения штата) и Хариана (1,2 млн; 4,9%), а также в территории союзного подчинения Дели (570 тыс; 3,4%)³, и на этом фоне численность андаманских последователей Нанак выглядят более чем скромно. Местное сикхское сообщество (в основном военнослужащие и полицейские, в меньшей степени — торговцы и земледельцы) насчитывает около 1,3 тыс. человек или 0,34% населения союзной территории, что намного ниже среднеиндийского показателя (1,7%)⁴.

Для изучения специфики сикхской общины на Андаманах методологически важен подход исследователей, которые обращались к проблемам малых религиозно-этнических групп, географически оторванных по тем или иным причинам от «материнской» общины в Южной Азии⁵. В связи с этим интерес представляют работы бенгальского историка Х. Банерджи и панджабского социолога Б.П. Сингха, посвященные особенностям формирования и современному состоянию сикхских сообществ на Востоке и Северо-Востоке страны (в первую очередь, в Бенгалии, Ассаме и Бихаре)⁶, а также

² Census of India 2011. Andaman & Nicobar. Series 36, Part XII-A. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/dchb/3500_PART_A_DCHB_ANDAMAN%20&%20NICOBAR%20ISLANDS.pdf

³ Census of India 2011. Religions. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html

⁴ Census of India 2011. Andaman & Nicobar. Op. cit.

⁵ Применительно к сикхам — работы историка Х. Банерджи, социологов С.С. Джодхки и Б.П. Сингха.

Проблематика сикхской диаспоры за пределами Южной Азии вынесена за рамки статьи.

⁶ Banerjee H. The Other Sikhs: A View From Eastern India. ND, 2004; Banerjee H. The Other Sikhs: Asomiya-Sikhs of Brahmaputra Valley // Indian Historical Review. 2010. N 37 (2). P. 235–258; Banerjee H. The Other Sikhs: Punjabi-Sikhs of Kolkata // Studies in History. 2012. N 28(2). P. 271–300; Banerjee H. Sikhs Living Beyond Punjab in India // The Oxford Handbook of Sikh Studies / Ed. by Pashaura Singh, Louis E. Fenech. Oxford, 2012. P. 534–544; Singh Birinder P. Mazhabi Sikhs of Shillong and Guwahati (India). Sikh Formations. 2016. P. 1–20. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17448727.2016.1147172>.

на Декане (в Махаращтре)⁷. Оказавшиеся за пределами Пятиречья «другие сикхи» (по определению Х. Банерджи) представляют собой устойчивые и достаточно замкнутые социумы, которые нередко именуют кастами. В их среде особо выделяют группы/касты сикхов-бихарцев (Bihari Sikhs), проживающих не только в Бихаре, но и в соседних районах, в частности, в Бенгалии, а также сикхов-дакхини (Dakhini Sikhs, букв. «южные») — в Махаращтре⁸. Будучи исторически интегрированными в «принимающие общества», и те, и другие в значительной степени стремятся дистанцироваться от них, как и от сикхов — более поздних переселенцев в Бенгалию и Махаращтру. Подобная сложная система взаимоотношений свойственна практически каждой группе «других сикхов». Х. Банерджи и Б.П. Сингх обращают внимание на важность междисциплинарного подхода при изучении подобных малых групп, предполагающего привлечение современных данных социологии и антропологии наряду с региональными вернакулярными источниками⁹ — помимо традиционного обращения к панджабским (тексты, агиографические описания) и британским (цензусы, документальные свидетельства и пр.) ресурсам.

Исследование истории андаманских сикхов также подразумевает обращение к разноплановым источникам, но вернакулярные материалы в их число не входят: специфика этого сообщества заключается в том, что, в отличие от «других сикхов», проживающих далеко от «дома»¹⁰, т.е. Панджаба, но на материке, андаманские сикхи в результате своего перемещения на малонаселенные острова в Бенгальском заливе не оказались в сформировавшейся социокультурной среде (по типу бенгальской, ассамской, телугу и др.), с которой надо

⁷ Singh Birinder P. Sikhs in the Deccan and North-East India. Oxon, NY, 2018.

⁸ Внутри них, в свою очередь, выделяются подкасты: к примеру, содхбанси (или сингх-аграхари) в среде сикхов-бихарцев, сикхи-халса среди сикхов-дакхини и пр. (Banerjee H. Sikhs Living Beyond Punjab in India. P. 535–536).

Формирование этих двух групп «других сикхов» исторически обусловлено появлением в Патне (Бихар) и Нандеде (Махаращтра) двух *такхтов* (*takht* — букв. трон, престол), олицетворяющих светское начало в сикхской общине и связанных с ключевыми событиями в ее истории — рождением и кончиной последнего сикхского гуру Гобинда Сингха (1666–1708). Три других *такхта* находятся в Панджабе.

⁹ Так, в исследовании сикхских сообществ в Бенгалии и Ассаме Х. Баннерджи опирается на обширный пласт литературных материалов на бенгальском, ассамском и ория, а также на устные свидетельства.

¹⁰ Всеобъемлющая, в том числе эмоциональная, связь сикхов с Панджабом проявляется в определении его как своего дома (*ghar*) или страны (*des*) — вне зависимости от фактического места их проживания (Banerjee H. Sikhs Living Beyond Punjab in India. P. 535–536).

было так или иначе взаимодействовать. На Андаманских и Никобарских островах, коренное население которых составляли племена¹¹, переселенцы — прежде всего, оказавшиеся там в разное время и в силу разных обстоятельств тамилы, бенгалцы, телугу, панджабцы и др.¹² — создавали собственные, полностью изолированные от аборигенов общины, стараясь в полном объеме «воспроизводить» оставшуюся на материке родину и ее традиции¹³.

Гурдвары Порт-Блэра: визуализация сикхского присутствия на островах

Появление панджабцев-сикхов на Андаманах было предопределено двумя обстоятельствами: завоеванием этих островов англичанами, начавшимся в конце XVIII в., и аннексией Панджаба в 1849 г., следствием которой стал приток сикхов в англо-индийскую армию с последующим формированием в ней сикхских подразделений¹⁴.

Первые британские форпосты — военно-морская база и колония-поселение были основаны на Андаманах в 1789 г.; колония просуществовала лишь до 1796 г.¹⁵ Сипайское восстание 1857–1859 гг. заставило англичан обратить более пристальное внимание на архипелаг как удачное место для ссылки наиболее опасных преступников, и вскоре в административном центре Порт-Блэра на острове Южный Андаман появилась печально известная «сотовая» тюрьма под названием Кала-пани («Черная вода»)¹⁶. Расположенная на расстоянии 1300 км от столичной Калькутты и отлично укрепленная «Индийская Бастилия» представляла собой «идеальное» место для заточе-

ния, несанкционированно покинуть которое считалось практически невозможным. Для выживания там требовались неимоверные усилия: тюрьма отличалась крайне жесткими условиями содержания, а очень жаркий и влажный тропический климат островов оставлял содержащимся в одиночных камерах узникам минимальные шансы на возвращение. В связи с этим туда отправляли в первую очередь приговоренных к большим срокам заключения уголовников, а также лиц, осужденных по политическим мотивам¹⁷. Среди последних в 1910–1920-х годах насчитывалось немало панджабцев-сикхов¹⁸ — членов партий Гхадар (действовала в Индии в 1913–1919) и Акали-дал (обр. в 1920 г.), движения Бабар-акали (1921–1926 гг.) и др.

По мере расширения пенитенциарного комплекса в 1896–1906 гг. было сооружено новое здание тюрьмы, состоявшее из семи корпусов с 696 одиночными камерами¹⁹. Для обеспечения деятельности «Черной Воды» англичане направляли военные и полицейские подразделения, в том числе более чем наполовину укомплектованные сикхами, которым с XIX в. поручалось выполнение сложных миссий далеко от берегов Индостана²⁰. Для отправления их религиозных обрядов в район Абердин-базар Порт-Блэра была сооружена гурдвара, которая стала именоваться Полицейской (Police Gurdwara). В числе ее посетителей, помимо военнослужащих, также были сикхи-торговцы, прибывавшие на Андаманы вслед за военными подразделениями и обеспечивавшие несших службу земляков-панджабцев и собратьев по вере всем необходимым. Таким образом, Полицейская гурдвара стала первым визуальным маркером сикхского присутствия на архипелаге.

Вторая историческая гурдвара Порт-Блэра носит имя «андаманского титана»²¹ Дивана Сингха Калепани/Калапани (1897–1944) — военного врача-сикха, служившего в англо-индийской армии. Диван Сингх активно участвовал в индийском национально-освободительном движении; он также прославился как поэт, стихи которого носили выраженную антибританскую направленность²². Будучи

¹¹ Коренные жители Андаманских и Никобарских островов (этнические негритосы) включают около десяти малочисленных племен: андаманы, онге, джарава, сентинельцы, никобарцы и др. Сентинельцы вплоть до сегодняшнего дня относятся к так называемым неkontaktным народам.

¹² Murthy R.V.R. Andaman and Nicobar Islands: A Geo-political and Strategic Perspective. ND, 2007. P. 71–75.

¹³ О «воспроизведении»/«перформансе» родины бенгальскими переселенцами-индусами, оказавшимися на Андаманах после раздела Индии в 1947 г., см.: Lorea C.E. Bengali Settlers in the Andaman Islands // International Institute for Asian Studies Newsletter. 2017. N 77. P. 4–5.

¹⁴ Singh Khushwant. A History of the Sikhs. Vol. II: 1839–2004. ND, 2008 (1999). P. 111–114.

¹⁵ Об истории колонизации Андаманских и Никобарских островов англичанами см. Vaidik A. Imperial Andamans: Colonial Encounter and Island History. NY, 2010.

¹⁶ *Kālā pāṇī* (хинди «черная вода» / «темные воды») — символ окружающего океана; для индуса пересечение его означает высшую степень осквернения и/или уход в небытие.

Об истории андаманской тюрьмы см.: Choudhury P.R.S. Cellular Jail. Cells Beyond Cells. Delhi, 2016.

¹⁷ С 1937 г. под воздействием общественного протеста в Индии англичане перестали ссылать политических заключенных в тюрьму на Андаманах.

¹⁸ Choudhury P.R.S. Op. cit. P. 37.

¹⁹ Ibid. P. 20–24.

²⁰ Первый сикхский батальон, впоследствии вошедший в сикхский пехотный полк англо-индийской армии, был создан англичанами в 1846 г. еще до аннексии Панджаба.

²¹ Dhillon M.S. A Titan at the Andamans: Dr. Diwan Singh Kalepani (a biography). Chandigarh, 1994.

²² Творчество Дивана Сингха относят к так называемому сатирически-романтическому стилю. Ему принадлежат два сборника произведений, написанных

патриотом Панджаба, он основал на Андаманах «Паджабское общество» (*Pañjābī sabhā*) для пропаганды и популяризации родного языка и культуры.

Прибыв в 1927 г. в Порт-Блэр на должность тюремного врача, он не ограничился формальными рамками в своей деятельности и оказывал медицинскую помощь и поддержку всем — и заключенным, и тем, кто жил на поселении²³. Диван Сингх не принимал неприязненного отношения сикхского сообщества к бывшим осужденным-сикхам, посещавшим единственную гурдвару Порт-Блэра, и настаивал на том, что храм гуру должен быть открыт для всех, но убедившись в тщетности своих усилий, в 1937 г. инициировал строительство второй гурдвары²⁴. Строившийся на индивидуальные пожертвования храм стали именовать Новой гурдварой; в ее сооружении принимали участие не только сикхи, но и другие религиозные общины города — индулы, мусульмане, христиане. По окончании строительства их представители вошли в комитет по управлению гурдварой: в нем насчитывалось 12 сикхов, 10 индулов, два мусульманина и один христианин²⁵.

Парадоксальное, казалось бы, проявление секуляризма в создании сикхского храма и управлении им можно объяснить тем, что благодаря деятельности Дивана Сингха его андаманские сподвижники рассматривали секуляристский подход к созданию гурдвары и управлению ей как проявление эгалитаризма, исторически присущего сикхскому учению. Немаловажную роль играла и общая обстановка на островах: там не отмечалось религиозного, прежде всего индуло-мусульманского противостояния — в отличие его неуклонного роста на материке в первой трети XX в.²⁶. К концу 1930-х годов на фоне мощного подъема антибританских настроений в Индии андаманская тюрьма, как и сам архипелаг, стала одним из политических символов борьбы за свободу, не имевшим религиозных коннотаций.

Во время Второй мировой войны Андаманские и Никобарские острова оказались под японской оккупацией (1942–1945). В 1943 г.

на языке панджаби белым стихом: *Vagade pāñī* («Струящиеся воды», 1938) и *Āntim lahirā* («Последние волны», опубликован посмертно — в 1962).

²³ В зависимости от тяжести совершенного преступления узники «Черной воды» могли через определенное количество лет покинуть камеру и, продолжая работать на принадлежавших тюрьме предприятиях, жить в установленных местах по соседству.

²⁴ *Singh Ikkal N.* Dr Diwan Singh Kalepani (Makers of Indian Literature). ND, 1996. P. 32–36

²⁵ *Ibid.* P. 39.

²⁶ *Murthy R.V.R.* Op. cit. P. 78.

Диван Сингх был арестован и посажен в тюрьму за отказ сотрудничать с японцами; после шести месяцев пыток он был казнен. Вместе с ним были арестованы еще 65 панджабцев — членов андаманского «Паджабского общества»; большинство их также погибли. В 1948 г., вскоре после обретения Индией независимости, Новая гурдвара, ставшая символом сопротивления, стала официально носить имя Дивана Сингха. В современном Панджабе его считают национальным героем и именуют *шахидом* — мучеником за веру: в 2013 г. недалеко от Чандигарха (столицы штата Панджаб) был открыт музей, большая часть экспозиции которого посвящена деятельности Дивана Сингха на Андаманах²⁷.

Обе исторические гурдвары в центре Порт-Блэра — действующие. Круг их посетителей по-прежнему формируется главным образом сикхами-военнослужащими: Андаманские и Никобарские острова представляют собой приграничную территорию, где расположены различные подразделения Вооруженных сил Индии. Соответственно, максимальное количество посещений гурдвар приходится на выходные и дни *гурпурабов* — сикхских праздников и памятных дат²⁸. Кроме того, в Порт-Блэре действуют еще две маленькие гурдвары, расположенные в окраинных частях города.

«Мини-Панджаб» в Бенгальском заливе

В независимой Индии численность сикхов на Андаманских и Никобарских островах менялась незначительно, и все члены общины по-прежнему проживали исключительно в Порт-Блэре. Но несколько десятилетий назад на Большом Никобаре — самом южном острове Никобарского архипелага — появился свой «мини-Панджаб»: в конце 1960-х годов правительство Индии во главе с Индирой Ганди²⁹ решило привлечь на Большой Никобар лиц, присутствие которых позволило бы «закрепить» индийское влияние и пресечь браконьерскую деятельность в этой части островной группы. Особое внимание

²⁷ Shaheed Dr. Diwan Singh Kalepani Museum. URL: <http://www.drdivansinghkalepani.org/>

²⁸ По оценке администрации гурдвар (личное общение, 20–21 января 2017 г.) сикхское население Порт-Блэра составляет около 1800 человек, но, возможно, эта цифра завышена.

²⁹ Индира Ганди (1917–1984) была первым из двух премьер-министров Индии, когда-либо посещавших Андаманские и Никобарские острова. В ходе своего визита на архипелаг в феврале 1984 г. именно она впервые назвала его «мини-Индией», подчеркивая сложносоставной — полиэтнический и поликонфессиональный — характер этой территории союзного подчинения. В том же году самая южная точка архипелага была названа в ее честь — Индира-поинт.

было обращено на отставных военнослужащих: желающим переселиться на остров предоставлялось по четыре гектара пахотной земли, а также средства на покупку тракторов и прочей техники для занятий сельским хозяйством [The Tribune. 29.12.2005.]. Это оказалось весьма привлекательным для панджабцев-джатов (исходно — земледельцев), не имевших в собственности земельных участков, и в начале 1970-х годов на Большом Никобаре в районе Кэмпбелл-Бей появилось несколько панджабских деревень, где поселились более 100 семей, по большей части сикхи. Благодаря этой инициативе, согласно переписи 2001 г., общее количество последователей учения Нанака на Андаманских и Никобарских островах почти удвоилось по сравнению с 1971 г. и составило около 1600 человек³⁰.

Как и сикхи Порт-Блэра, никобарские сикхи в полном объеме «реплицировали» Панджаб: быстро построенная гурдвара стала центром культурной жизни общины, где отмечались все сикхские знаменательные даты, включая главный весенний праздник — *бай-сакхи*. Культивируя островные земли, единственным продуктом которых ранее были лишь плоды кокосовой пальмы, панджабцы внедрили свои культуры (рис, горчицу, кукурузу) и сохранили рацион питания: традиционные блюда *makkī dī roṭī* (кукурузные лепешки) и *sarsō dā sāg* (паста из листьев горчицы) вносили вклад в воспроизведение панджабского образа жизни на далеких от Пяти-речья островах в Бенгальском заливе.

Колоссальным потрясением для никобарских сикхов, как и для всех жителей союзной территории, стало разрушительное цунами в декабре 2004 г., в результате которого на острове погибло около полутора тысяч человек, были уничтожены почти все жилые постройки на береговой полосе шириной до 200 м, а пахотные земли оказались затопленными морской водой. После декабрьской трагедии обитателям никобарских поселений власти, наряду с выплатой компенсаций, предоставили право выбора — остаться на островах или вернуться на материк. Часть сикхов уехали в Панджаб, но некоторые предпочли заново обустраивать жизнь на архипелаге, уже ставшем для них родной землей, — как и для сотен их предшественников. В возрождении поселений на Большом Никобаре большую помощь оказывала негосударственная международная организация «Юнайтед сикхс»: серьезно разрушенная гурдвара была восстанов-

лена уже спустя два месяца³¹ и в ней смогли найти приют многие пострадавшие от цунами семьи, а работа возобновившей работу бесплатной трапезной-*лангар* заметно облегчила существование сотен никобарцев, причем не только сикхов.

Несмотря на последствия трагических событий 2004 г., перепись 2011 г. показала, что доля сикхов на Большом Никобаре остается выше средней по союзной территории и составляет 3,8%³². Тем не менее в последние полтора десятилетия сикхи все охотнее покидают как Большой Никобар, так и Порт-Блэр, направляясь в поисках лучшей жизни на материк — прежде всего в Панджаб, также в Дели, Мумбаи и другие индийские мегаполисы; а при возможности — и в другие страны³³.

* * *

Таким образом, «другие сикхи», с XIX в. проживающие на архипелаге в Бенгальском заливе, существенным образом дополняют демографическую картину островной «мини-Индии», где перемешаны различные этносы, языки и религии.

В колониальные времена была очевидна дистанция между сикхами-военнослужащими и полицейскими, с одной стороны, и остальными членами сикхского сообщества, с другой — следствием ее стало появление Новой гурдвары в Порт-Блэре. После формального закрытия тюрьмы в 1945 г. различие между гурдварами сошло на нет. В 1970-х годах картину сикхского присутствия на архипелаге дополнил «мини-Панджаб» в южной островной группе. Его географическая изолированность и замкнутость предопределила отсутствие конфликтов вновь приехавших сикхов со старожилами. В уникальной — по сравнению с общеиндийской — обстановке этнолингвистической и религиозной терпимости последователям Нанака на Андаманах никогда не приходилось бороться за сохранение идентичности или «встраиваться» в существующую социокультурную систему. При этом никто из них не забывал и не забывает о Панджабе — своем далеком «доме», связи с которым никогда не рвались.

³¹ United Sikhs. URL: <http://www.unitedsikhs.org/PressReleases/PRSRLS-28-02-2005-00.htm>

³² URL: <http://indikosh.com/subd/707110/great-nicobar>

³³ URL: <http://www.livemint.com/Leisure/bCr0GpLRbAL603xnOjVT5J/Fear-and-survival-in-Great-Nicobar.html>

³⁰ Census of India 2001. URL: http://censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/C_Series/Population_by_religious_communities.htm; также см.: Murthy R. V.R. Op. cit. P. 95.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сингх И.Н. Повесть об Андаманах. М., 1984. 272 с.
2. Banerjee H. The Other Sikhs: A View From Eastern India. ND, 2004. 279 p.
3. Banerjee H. The Other Sikhs: Asomiya-Sikhs of Brahmaputra Valley // Indian Historical Review. 2010. N 37 (2). P. 235–258.
4. Banerjee H. The Other Sikhs: Punjabi-Sikhs of Kolkata // Studies in History. 2012. N 28(2). P. 271–300.
5. Banerjee H. Sikhs Living Beyond Punjab in India // The Oxford Handbook of Sikh Studies / Ed. by Pashaura Singh, Louis E. Fenech. Oxford, 2012. P. 534–544.
6. Census of India 2011. Andaman & Nicobar. Series 36, Part XII-A. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/dchb/3500_PART_A_DCHB_ANDAMAN%20&%20NICOBAR%20ISLANDS.pdf
7. Census of India 2011. Religions. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html
8. Choudhury P.R.S. Cellular Jail. Cells Beyond Cells. Delhi, 2016. 144 p.
9. Dhillon M.S. A Titan at the Andamans: Dr. Diwan Singh Kalepani (a biography). Chandigarh, 1994. 484 p.
10. Jodhka S.S. Sikhs in Contemporary Times: Religious Identities and Discourses of Development // Sikh Formations: Religion, Culture, Theory. 2009. N 5(1). P. 1–22.
11. Lorea C.E. Bengali Settlers in the Andaman Islands // International Institute for Asian Studies Newsletter. 2017. N 77. P. 4–5. URL: <https://iias.asia/the-newsletter/article/bengali-settlers-andaman-islands-performance-homeland>.
12. Murthy R.V.R. Andaman and Nicobar Islands: A Geo-political and Strategic Perspective. ND, 2007. 203 p.
13. Singh Birinder P. Mazhabi Sikhs of Shillong and Guwahati (India). Sikh Formations. 2016. P. 1–20. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17448727.2016.1147172>.
14. Singh Birinder P. Sikhs in the Deccan and North-East India. Oxon, NY, 2018. 239 p.
15. Singh Ikbāl N. Dr Diwan Singh Kalepani (Makers of Indian Literature). ND, 1996. 98 p.
16. Singh Khushwant. A History of the Sikhs. Vol. II: 1839–2004. ND, 2008 (1999). 547 p.
17. Vaidik A. Imperial Andamans: Colonial Encounter and Island History. NY. 2010. xvii, 282 p.

Anna V. Bochkovskaya

A HOME AWAY FROM HOME: GURU NANAK'S FOLLOWERS AT THE ANDAMANS

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Punjabi Sikhs' presence at the Andaman and Nicobar Islands can be traced back to the XIXth century. The number of Sikh units in the Anglo-Indian army increased after the annexation of Punjab (1849); Sikh army and police were effectively employed to operate the Andamans-based ill-famous Kala Pani (Black Water) jail. Naturally, the Police Gurdwara of Port-Blair soon became a visual marker of Sikh presence at the archipelago. In 1937, the 'New' Gurdwara was set up; it was later renamed Dr Diwan Singh Kalepani Gurdwara to commemorate Diwan Singh's contribution to the nation liberation movement in India as well as his humanitarian and educational activities at the Andamans.

In the late 1960s, the Indian government decided to invite ex-servicemen (primarily, Punjabi Sikhs) to settle at the Nicobar Islands to protect them from poaching and to show India's presence in that part of the Bay of Bengal. Subsequently, 'Mini-Punjab' emerged at the Great Nicobar Island in the 1970s.

Throughout the history of their presence at the Andamans, Sikhs did their best to 'perform' their motherland in a faraway land. Unlike the "other Sikhs" (using the term by Himadree Banerjee) in Bengal, Assam or other regions located far from Punjab, the Andaman-based followers of Guru Nanak have been relieved from the necessity to constantly assert their identity through negotiating local social and cultural traditions.

Key words: India; Andaman and Nicobar islands; Sikhs; gurdwara; Diwan Singh Kalepani.

About the author: Anna V. Bochkovskaya — PhD, Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anna.bochkovskaya@gmail.com).

REFERENCES

1. Banerjee H. *The Other Sikhs: A View From Eastern India*. ND, 2004. 279 p.
2. Banerjee H. The Other Sikhs: Asomiya-Sikhs of Brahmaputra Valley. *Indian Historical Review*. 2010. N 37 (2), pp. 235–258.
3. Banerjee H. The Other Sikhs: Punjabi-Sikhs of Kolkata. *Studies in History*. 2012. N 28(2), pp. 271–300.
4. Banerjee H. Sikhs Living Beyond Punjab in India. *The Oxford Handbook of Sikh Studies*. Ed. by Pashaura Singh, Louis E. Fenech. Oxford, 2012, pp. 534–544.
5. *Census of India 2011*. Andaman & Nicobar. Series 36, Part XII-A. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/dchb/3500_PART_A_DCHB_ANDAMAN%20&%20NICOBAR%20ISLANDS.pdf
6. *Census of India 2011*. Religions. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html
7. Choudhury P.R.S. *Cellular Jail. Cells Beyond Cells*. Delhi, 2016. 144 p.
8. Dhillon M.S. *A Titan at the Andamans: Dr. Diwan Singh Kalepani* (a biography). Chandigarh, 1994. 484 p.
9. Jodhka S.S. Sikhs in Contemporary Times: Religious Identities and Discourses of Development. *Sikh Formations: Religion, Culture, Theory*. 2009. N 5(1), pp. 1–22.
10. Lorea C.E. Bengali Settlers in the Andaman Islands. *International Institute for Asian Studies Newsletter*. 2017. N 77, pp. 4–5. URL: <https://iias.asia/the-newsletter/article/bengali-settlers-andaman-islands-performance-homeland>.
11. Murthy R.V.R. *Andaman and Nicobar Islands: A Geo-political and Strategic Perspective*. ND, 2007. 203 p.
12. Singh Birinder P. *Mazhabi Sikhs of Shillong and Guwahati* (India). *Sikh Formations*. 2016, pp. 1–20. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17448727.2016.1147172>.
13. Singh Birinder P. *Sikhs in the Deccan and North-East India*. Oxon, NY, 2018. 239 p.
14. Singh Ikbāl N. *Povest ob Andamanah* (The Andaman Story). M., 1984. 272 p.
15. Singh Ikbāl N. *Dr Diwan Singh Kalepani* (Makers of Indian Literature). ND, 1996. 98 p.
16. Singh Khushwant. *A History of the Sikhs*. Vol. II: 1839–2004. ND, 2008 (1999). 547 p.
17. Vaidik A. *Imperial Andamans: Colonial Encounter and Island History*. NY, 2010. xvii, 282 p.

К.Д. Никольская

«ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ». ИНДИЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются различные фрагменты древнеиндийских дидактических памятников, в которых фигурирует тема денег. Решается вопрос о том, являются ли деньги трансляторами ритуального осквернения при передаче от человека к человеку. В древнеиндийских источниках неоднократно говорится о том, что имущество, приобретенное за счет наказанных преступников, в обязательном порядке требует очищения. Причина этого в том, что между имуществом и его владельцем существуют отношения подобия: грех прежнего владельца переносится на человека, который это имущество от него получает. Как же в этом случае следует решать проблему наказаний, которые предусматривают конфискацию имущества? Тексты часто заменяют конфискацию денежным штрафом. Значит ли это, что деньги не передают ритуальную нечистоту своего прежнего хозяина новому владельцу? Как можно объяснить этот парадокс? В статье анализируется лексика, используемая текстами для обозначения денег, разбираются контексты упоминания денежных средств. В заключении делаются выводы о том, как могла пониматься роль денег в древних обществах.

Ключевые слова: имущество; деньги; ритуальное осквернение; ритуальная чистота.

Aes non olet.
Веспасиан

Древнеиндийская дидактическая литература, затрагивающая темы всевозможных преступлений, предлагает варианты наказаний для преступника. Наказания эти, разумеется, исходят от царя. По приказу правителя преступник может быть наказан физически (наложением клейма — Manu VIII.193; отрубанием руки — Vi 5.77-78; 5.81-82 и т.п.) или материально (Manu VIII.289 и далее; Vi 3.64; 5.83 и далее). Царю же идут средства, полученные с нарушителя. В зависимости от объема памятника варьируется и детальность, с которой называются применяемые к правонарушителям меры. Некоторые

Никольская Ксения Дмитриевна — доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sniff0210@gmail.com).

тексты педантично перечисляют, какой формы, какое клеймо и на какую часть тела следует налагать, а также в каком объеме и за какие преступления преступнику следует расплачиваться.

Отношение индийской традиции к имуществу того, кто совершил преступление, в определенном смысле отражает взгляды и на самого преступника, запятнавшего себя грехом. Система представлений о взаимном влиянии человека и его собственности в Древней Индии устанавливает своего рода «квазибиологические связи»¹ между хозяином и вещью. Эти представления накладывают определенные ограничения на имущественные отношения в эпоху Древности². Тексты, среди прочих рекомендаций, постоянно предостерегают правителя от опасных действий: царь не должен забирать себе имущество, похищенное ворами (saurair hṛtaṃ dhanam), в противном случае **вина вора перейдет на царя** (saurasyāpnoti kilbiṣam — Manu VIII.40)³. Имущество тех, кто совершил великий грех (mahāpātaka), **переносит на присвоившего это имущество царя тот же грех** (IX.243).

Значит, традиция сама себе противоречит: с одной стороны, имущество грешников опасно, так как переносит грехи прежнего хозяина на нового владельца; с другой — преступников следует наказывать, в том числе и конфискацией.

Чтобы разобраться в ситуации, кажется правильным начать с того, что целый ряд контекстов упоминает некоторые предосторожности, вероятно, минимизирующие опасность для правителя. Так, в тексте дхармашастры Ману неоднократно говорится, что имущество, приобретенное за счет наказанных преступников, в обязательном порядке **требует очищения**. Такие требования демонстрирует шлока IX.244, где речь идет о средствах, взысканных в качестве штрафов за совершение особо тяжких преступлений (mahāpātaka). Полученное с преступника следует, погрузив в воду, передать Варуне или отдать добродетельному и ученому брахману. Очевидно, что погружение в воду, посвящение Варуне или передача брахманам — это и есть средства, смывающие «великий грех».

Типологически сходную ситуацию рассматривает и шлока Ману IX.323, в которой царю рекомендуется под конец жизни прежде, чем,

¹ Определение, предложенное И.С. Ключковым, см.: Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983. С. 53.

² См. подробнее: Никольская К.Д. Порицание воровства в древнеиндийской традиции (к вопросу о связи имущества и его владельца) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 1.

³ В переводе Г. Бюлера: “a king who uses such (property) for himself incurs the guilt of a thief”.

передав престол сыну, погибнуть в бою, **все имущество, приобретенное штрафами** (dhanam ... sarvadaṇḍasamutthitam), раздать брахманам. На средствах, которые получены за счет преступников, лежит печать греха прежних владельцев. Передача этих средств брахманам, как и в приведенном выше примере, по логике текста этот грех ликвидирует⁴.

Возможно, таким же образом следует понимать пассаж из текста дхармашастры Нарады (N 19.49). Рассматривается ситуация, в которой преступником выступает брахман. Царь может конфисковать у него все имущество или его часть. Почему в этом случае правитель не опасается контакта с собственностью грешника? Вероятно, по той же причине: имущество, прошедшее через руки брахмана (в данном случае, видимо, даже запятнавшего себя преступлением), безопасно⁵.

Тема материальных ценностей, принадлежащих правонарушителю, разбирается и в контексте других проблем. Так, в дхармашастре Нарады в рамках вопроса о депозитах (nikṣepa) рассматриваются ситуации, при которых отдавшему имущество на сохранение не удастся получить его назад. Тот, кто не отдает хозяину его депозит, подлежит наказанию (текст не уточняет, какому именно). Кроме того, он должен вернуть присвоенную незаконно чужую собственность владельцу. Если же депозит пропал, он возвращает равноценное утраченному (N 2.4). Сам текст определяет ситуацию как вариант воровства, что хорошо видно из контекста (вероятно, и наказание в данном случае регламентируется, исходя из этой мысли). В основном тексте компенсация интерпретируется как передача имущества вора в руки пострадавшего, что не может не представляться опасным. И в этой связи кажется интересным, что в одной из версий источника дается уточнение: не возвращающий депозит подобен вору, и поступать с ним следует как с вором. Иными словами, он должен быть наказан как вор и обязан заплатить **штраф** в размере стоимости депозита (N 2.6 (A13)). Таким образом, предполагается, что компенсация должна выглядеть именно как **денежная выплата**, совершаемая преступником, а **не как передача части его собственности** в руки пострадавшего.

В том же тексте дхармашастры Нарады (N 19.28) в контексте разговора о воровстве речь идет о похищенном имуществе и на-

⁴ См. подробнее: *Никольская К.Д.* Скверные вещи и руки брахмана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3. С. 36–46.

⁵ Впрочем, по части наказаний брахманов выбор у царя был невелик: ни физические наказания, ни тем более казнь в отношении представителей высшей варны дидактическая литература не допускает.

казании для преступника. Вопрос урегулирования может решаться двумя способами. Вор должен либо вернуть украденное, либо компенсировать его стоимость. Иными словами, речь опять идет **не о передаче имущества вора в качестве компенсации пострадавшей стороне**. Текст предполагает всего лишь **возвращение украденного**, что кажется принципиальным. Если же украденного уже нет, то потерпевший получает не имущество вора, тождественное пропаже, а **деньги**.

Контексты такого рода встречаются в индийской дидактической литературе достаточно часто. Во всем этом потоке информации бросается в глаза интересная деталь: нарушители чаще караются денежными штрафами, а не конфискацией имущества. И даже утраченное в результате кражи или порчи обыкновенно компенсируется не по принципу талиона, что было бы ожидаемо от ранней правовой традиции. Скажем, в теме ущерба скоту у Ману говорится лишь о том, в каких случаях вина (kilbiṣa) ложится на пастуха (Manu VIII.235), а в каких — нет (Manu VIII.236). В чем выражается наказание за эту вину, текст не уточняет. Можно было бы предположить, что скот компенсируется таким же скотом из имущества нарушителя (например, пастуха), как в ветхозаветной традиции (Исх. 22.37), или в Вавилонском праве (Законы Хаммурапи §245), или же в Хеттском законодательстве (Хеттские законы §57 и далее). Однако уже в следующих шлоках, где поднимается проблема потравы урожая (Manu VIII.240 и далее), ясно говорится о том, что с виновного взимается денежный штраф.

Видимо, по какой-то причине деньги, в отличие от прочего имущества, в меньшей степени рассматриваются традицией в качестве проводника нечистоты. Они, несмотря на статус их прежнего хозяина, вполне допускают ситуацию передачи «из рук в руки», пусть и с определенными предосторожностями. Интересно в связи с этим, что в тексте дхармашастры Ману есть ряд контекстов, касающихся действий ростовщика (vārdhuṣṭika). Взимающий деньги ростовщик (а речь явно идет о деньгах, так как обсуждается процентная ставка), похоже, не пятнается грехами должника (VIII.140 и др.).

Наконец, в тексте Ману перечисляются предметы, незаконное присвоение которых передает вору четвертую часть греха прежнего владельца (Manu IV.202): это повозка (yāna), ложе (śauyā), сидение (āsana), колодец (kūpa), сад (udyāna), дом (gr̥ha). Деньги в этом перечне отсутствуют. Дело, конечно, не в том, что кража денег традицией одобряется. Заслуживает внимания лишь то, что **в список «проводников греха» деньги, как правило, текстами не включаются**.

Примечательно, что и в Новейшее время подобная система представлений, видимо, сохранялась. Скажем, М.К. Кудрявцев так описывает процесс покупки неприкасаемым продуктов в сельской лавочке: «... неприкасаемый издали кричит, что ему нужно, и кладет деньги на порог, а хозяин лавки выносит ему товар»⁶. Примечательно, что зайти в лавку внекастовый не может, ибо осквернит ее своим присутствием (и у самого неприкасаемого продукты мало кто станет покупать по той же причине⁷). Тактильного контакта между продавцом и покупателем не случается (платежные средства передаются не из рук в руки, а кладутся на порог). Однако деньги, побывавшие в нечистых руках, представитель высшей касты берет без тени сомнения.

Справедливости ради стоит отметить, что встречаются и исключения: так, например, в дхармашастре Нарады (N 11.34) указано, что за потраву урожая коровами хозяин поля получает компенсацию зерном с поля виновного (хозяина коров). Все же контекстов с такими рекомендациями существенно меньше, чем тех, где речь, скорее всего, идет о деньгах. Иными словами, традиция демонстрирует нам не железное правило, а некую тенденцию: денежные выплаты в качестве наказания кажутся более предпочтительными, нежели конфискация иного имущества преступника.

Мы сталкиваемся с некими двойными стандартами. С одной стороны, всякие предметы материального мира тесно связаны со своими владельцами и при отчуждении сохраняют свойства этих владельцев. Соответственно, в случае с преступниками и грешниками, они выступают, своего рода, «трансляторами» их грехов, нечистоты и представляют угрозу для нового хозяина. С другой стороны, взимание денег упрощает ситуацию: денежные средства почему-то оказываются менее опасны, чем прочие материальные ценности, не создавая видимых проблем с грехами прошлых хозяев для получателя. Почему? Может ли быть какое-то внятное объяснение для этого?

Чеканка монет с изображением и легендой в Индии появляется лишь к последним векам до н.э.⁸ В то же время в источниках тема

выплат разного рода поднимается достаточно часто: упоминается плата за работу, в текстах фигурируют штрафы, налоги, долги, ставки для игры в кости и т.д. В зависимости от контекста, используются термины разного рода. Так, когда речь идет о штрафах, тексты используют слово “daṇḍa”, допускающее широкое толкование (букв. «палка», «наказание»). Но фиксация того, какую долю “daṇḍa” составляет от доли царя, позволяет полагать: речь, вероятнее всего, идет о денежных ставках. Так же выглядит ситуация и с возмещениями за порчу чужого имущества (Manu VIII.288 и далее). Правда, в этих контекстах указывается уже и величина выплат. Значит, опять же, речь идет о денежных штрафах. Можно было бы предположить, что текст дхармашастры Вишну, требуя возместить похищенное зерно в 11-кратном размере, имеет в виду отдачу таким же зерном (Vi 5.79). Однако уже следующие шлоки (Vi 5.81-82), устанавливая ту же 11-кратную норму компенсации похищенного — на сей раз золота и серебра (правда, завершает этот список одежда), называют это штрафом (daṇḍa). Штрафы же (daṇḍa) рассматривает «Артхашастра» как основной вид наказания (наряду с наказанием физическим) в самых разных случаях: за ущерб полю (КА III.15), за продажу несовершеннолетнего ария (КА III.13), за обман при сделке купли-продажи (КА III.15), за грабеж (КА III.17) и т.д.

При этом для обозначения величины штрафов источники используют термины «нишка», «пана», «каршапана» и т.д. Контексты словоупотребления говорят о том, что под этими наименованиями подразумеваются прежде всего весовые единицы. Об этом сообщает текст Ману: начиная с VIII.131 подробно перечисляются используемые при торговых сделках меры веса для меди (tāmra), серебра (gūru) и золота (suvarṇa) (ср. аналогичные сюжеты в дхармашастрах Яджнавалкьи и Вишну: Ya I.362 и далее; Vi 4).

Помимо наименования денежных величин («пана» и т.д.) в ряде случаев переводчики «Артхашастры» на европейские языки словом «деньги» заменяют предлагаемое текстом «dravya». Скажем, этим словом называется то, что вместе с землей (bhūmi) может выступать предметом дара (КА XIII.5.11). В другом контексте “dravya” выступает как предмет дара в паре с хлебом/зерном (dhānya) (КА XIII.1.21). Хотя в обоих случаях переводчики (например, Р.П. Кангле) предлагают интерпретировать “dravya” как деньги (money), складывается ощущение, что термин имеет куда более широкий смысл. Земля и “dravya” — в сущности, могут выступать эквивалентом оппозиции «недвижимое/движимое имущество», хлеб (зерно) и “dravya” — «съедобное/несъедобное».

⁶ Кудрявцев М.К. Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии) // Дважды рожденный. Рубежи войны и науки Михаила Кудрявцева, индолога и артиллериста. СПб., 2005. С. 240.

⁷ Там же.

⁸ Maity S.K. The Economic Life of Northern India in Gupta Period (Cir. A.D. 300–550). Calcutta, 1957. P. 178; Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 434; Auboyer J. Daily Life in Ancient India. L., 1965. P. 110.

В ряде контекстов источниками используется термин “bhoga” (слово, имеющее широкое толкование — среди прочего «еда», «наслаждение», «польза» и т.д.), который в определенных случаях переводчики также интерпретируют как указание на денежные средства. Так, термином “bhoga” в КА I.14.5 называется получаемое содержание. В английском переводе Р.П. Кангле слово интерпретируется как “emoluments”. В другом разделе «Артхашастры» (КА II.27.23) этим же словом обозначаются те средства, что получает гетера за свои услуги. Средства эти не обязательно должны иметь денежное выражение. В КА III.10.15 тем же термином “bhoga” обозначается доход, который, конечно, может выражаться как в деньгах, так и в иных средствах существования. В любом случае, сама этимология предполагает отсылку к теме пропитания, а значит, слово равным образом может обозначать как денежные средства, так и иные ценности, в том числе пищу в прямом смысле этого слова.

Еще один термин, встречающийся в текстах, обращает на себя внимание. В контексте налогов часто используется слово “kara”. В главе VII дхармашастры Ману, начиная со шлоки 127, речь идет о налогах разного рода, которые царь должен «заставлять выплачивать» (dārayet karān). Под категорию “kara” равным образом попадают и сырье (натуральные подати зерном, плодами, шерсть и т.п.), и продукты ремесла. Резонно предположить, что в некоторых ситуациях под “kara” могут подразумеваться и деньги. Скажем, в тех случаях, когда тема этих налогов плавно вытекает из темы денежных выплат за службу (VII.126). Или же когда среди объектов, присваиваемых в качестве “kara” царем, упоминается и “hiraṇya” (VII.130), часто выступающее в текстах как еще один эквивалент денег, о чем будет сказано ниже. Однако и этот термин не может рассматриваться как безусловное указание только на денежные средства.

В большом количестве контекстов в качестве эквивалента понятия «деньги» фигурирует золото. Чаще это упомянутое выше слово hiraṇya (КА I.13.6; I.19.12; XII.5.31; XIII.4.23 и т.д.), реже — suvarṇa (Vi 5.98 и далее). Так, в «Артхашастре» царь, обеспечивающий благополучие земледельца, должен предоставить ему зерно, скот и золото (КА II.1.13). В этой триаде — dhānya, paśu, hiraṇya — последний компонент Р.П. Кангле интерпретирует как «деньги»⁹. Так же слово интерпретируется и в русских переводах текста¹⁰. Качество

⁹ The Kauṭīliya Arthaśāstra. P. II. An English Translation with Critical and Explanatory Notes / By R.P. Kangle. Delhi, 1992.

¹⁰ Артхашастра или наука политики / Изд. подготовил В.И. Кальянов. М.; Л., 1959. С. 53; Артхашастра Каутильи. Кн. I–II / Пер. А.М. Самозванцева. М., 2009. С. 48.

поступающего в царскую сокровищницу золота проверяет человек, именуемый gūpadarśaka — букв. «осматривающий монеты» (КА II.5.10)¹¹. Наконец, золотом (suvarṇa) выплачиваются штрафы за осквернение дважды рожденного недозволенной пищей (Vi 5.98–102).

Частые ассоциации денег с золотом могут показаться странными, если иметь в виду историю денежного обращения в регионе: нельзя сказать, что золотые монеты имели широкое распространение в Индии. Первые клейменные монеты изготавливались из серебра¹². Правда, уже в сер. I тыс. до н.э. индийские земли выплачивали дань персам золотом (возможно, из рудников Синда)¹³. Более широкое распространение золотых монет в регионе связано с Кушанами. Некоторые кушанские монеты чеканились из индийского золота¹⁴, другие же перечеканивались из римских золотых монет¹⁵.

Однако при относительно позднем появлении золотых монет само отношение к золоту как к ценности фиксируется в источниках с раннего времени. Уже в Ригведе золото и золотые изделия в определенных ситуациях играют роль эквивалента стоимости¹⁶. Иными словами, за золотом достаточно рано закрепляется статус платежного средства. Не случайно в дидактической литературе в списке ценностей, передающихся учителю в качестве платы за обучение, золото традиционно стоит в начале списка (например, Manu II.246).

Другая сторона проблемы — отношение к золоту в индийской традиции: этот металл всегда наделяется особой сакральной ценностью. Золото обладает «солнечной природой»¹⁷. Золото выступает оберегом, дает долголетие и жизненную силу (AV I.35)¹⁸. Золото используется повсеместно в домашних обрядах¹⁹. Заманчивым кажется

¹¹ В переводе Р.П. Кангле: “the Examiner of Coins”.

¹² Auboyer J. Daily Life in Ancient India. L., 1965. P. 110.

¹³ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 435.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 436.

¹⁶ По крайней мере, уже в ведийскую эпоху, возможно, одним из средств обмена являлось золотое шейное украшение — niṣka. Впоследствии это же слово становится обозначением золотой монеты. В. Пау говорит не только об ожерельях (niṣka) и шейных кольцах (rukma), использовавшихся при меновой торговле (Tauschhandel) в качестве платежных средств, но и о золотых слитках (hiraṇya), игравших ту же роль (Rau W. Staat und Gesellschaft im Alten Indien. Wiesbaden, 1957. S. 28; Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995. С. 523).

¹⁷ Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995. С. 517.

¹⁸ Атхарваведа (Шаунака) / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 2005.

¹⁹ Скажем, при помощи золотой ложки в рот новорожденному сыну закладывается мед при совершении церемонии медхаджанана (Ашваляяна-грихьясутра I.15.1; ср.

предположение, что именно сакральность наделяет этот металл некими качествами, делающими его ритуально не только безопасным, но в некоторых ситуациях даже передающим эту чистоту при физическом контакте. Подобно диэлектрическим материалам, которые не проводят электрический ток, и золото не пропускает грехи прежних владельцев через себя. Это может проявляться позднее и при использовании золотых монет.

Все же ситуация с отождествлением золота и денег — скорее, частный случай, который вряд ли может в полной мере объяснить ритуальную безопасность последних. Ибо при таком истолковании за скобкой остаются контексты, использующие другую лексику и предлагающие другой ассоциативный ряд.

Попробуем посмотреть на проблему с иной стороны. Стоит обратить внимание на то, какие ситуации в индийской культуре предполагают возможность осквернения. Это прежде всего физический контакт с потенциальным источником скверны — от поглощения нечистой пищи (см. например, *Manu* IV.207 и далее) до прикосновения (см. например, *Manu* V.85, 87, 135). Возможным объяснением безопасности денег может быть способ их **функционирования**. Деньги не предназначены для буквального **потребления**, не предполагают длительного физического контакта с их владельцем. Возможно, потому и индийская дидактическая литература в ряду возможных источников осквернения деньги не упоминает (см. выше: *Manu* IV.202 и т.п.).

Наконец, своеобразное отношение к деньгам можно было бы объяснять и совершенно иначе. Нетрудно заметить, что не только в ранние периоды истории, но и в современной культуре, несмотря на существование многовековой традиции денежного обращения, само понятие «деньги» сохраняет черты некоторой абстракции. В разных ситуациях оно может обозначать явления разного порядка: от конкретных денежных знаков до материального благополучия и властных полномочий.

В свое время Л. Леви-Брюль, рассуждая о специфике работы современного исследователя с отвлеченными понятиями в перво-

бытных обществах, указывал на их несоответствие нашим представлениям. Для подтверждения этой мысли он приводил пример того, как исследователи наделяли наименованием «монета» те раковины, которые туземцы Меланезии использовали для меновых отношений. С его точки зрения, в нашей культуре деньги — это некий «посредствующий предмет», универсальное орудие обмена, которое дает возможность «обменивать все, что угодно, на все, что угодно». В сознании же первобытного человека, как он пишет, совершенно нет места понятию такого рода. Его представления всегда остаются гораздо более конкретными. Со ссылкой на исследования Рихарда Турнвальда, Леви-Брюль приводит анализ тех конкретных целей, для которых туземцы могут использовать свои «деньги» — раковины, указывая, что «монета» такого рода служит не для экономических целей, но выполняет, скорее, определенные «социальные функции»²⁰.

Речь, конечно, не идет о том, что меланезийские представления о деньгах идентичны древнеиндийским. Но все же наблюдения Л. Леви-Брюля (Р. Турнвальда) дают повод говорить о том, что изначальные представления о смысле, природе и назначении денег сильно отличаются от привычных нам. И даже в эпоху развитого денежного обращения отголоски этих представлений могут прослеживаться в культуре.

Подобные же наблюдения, работая с ведийскими памятниками, делал в свое время М. Мосс. Анализируя лексику, используемую текстами для отображения «технического акта продажи», он обращал внимание на разные варианты ее толкования²¹. В самом деле, такую вариативность легко заметить, работая с текстами самых разных жанров. Скажем, согласно Петербургскому словарю термин “śulka”, в относительно поздней дидактике интерпретируемый как «цена», «стоимость» и т.п., в ведийской литературе равным образом может означать приз, награду (*Preis*), пошлину (*Zoll*). Сходным образом, согласно М. Майрхоферу, обстоит дело с часто используемой в «денежных контекстах» лексикой, образованной от корня «rap-». Список значений балансирует между темами разного рода: от «продавать» и «покупать» до «прославлять», «хвалить» и т.п.²² Традиция попросту не считает нужным вводить в обиход какой-то единый термин для обозначения такого абстрактного понятия, как

Manu II.29). Опускаемый в грихьясутрах и относительно поздно признанный в качестве сансары обряд карнаведха (прокалывание ушей) часто совершается при помощи золотой иглы (*Пандей Р.Б.* Древнеиндийские домашние обряды. М., 1990, с. 106). Золото фигурирует в дхармашастре Вишну при обрядовых действиях, избавляющих от греха (*Vi* 87.10). Золото используется для совершения покаяния при убийстве животных (*Vi* 50.29). Зерно при загрязнении следует под чтение мантр окроплять водой, в которой было помещено золото (*Vi* 23.36-37).

²⁰ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М., 2012. С. 291–292.

²¹ См.: *Мосс М.* Очерк о даре // Общество, обмен, личность. М., 1996. С. 185.

²² *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lieferung 11. Heidelberg, 1958. S. 208–209.

«деньги». В сущности, эта неназванная абстракция в зависимости от контекста может вбирать в себя разные представления о материальном благополучии (золото, пропитание и т.п.).

В связи с этим показательно то, что уже обсуждалось выше: в индийской дидактике **нет устойчивой лексики для обозначения общего абстрактного понятия «деньги»**. В зависимости от темы могут использоваться разные термины. При этом все они полисемантичны, т.е. в зависимости от контекста могут получать разные толкования. Лишь контекстный анализ в каждом конкретном случае позволяет предположить, что под этими обозначениями могут подразумеваться денежные единицы.

Мы можем предполагать, что деньги не только в древних текстах, но и в повседневной жизни создают ситуацию **субституции**, выступая в роли универсального **«заменителя»** любой материальной ценности. Их роль типологически подобна эвфемизмам, замещающим в обиходе табуированную лексику. Использование эвфемизма минимизирует на практике опасность от произнесения слова-табу. В сущности, ту же роль можно предполагать и для денег. Замещение ими реальных предметов, потенциально опасных (в данном случае, из-за статуса их владельца), минимизирует угрозу ритуального осквернения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архашастра или наука политики / Изд. подготовил В.И. Кальянов. М.; Л., 1959.
2. Архашастра Каутильи. Кн. I–II / Пер. А.М. Самозванцева. М., 2009.
3. Атхарваведа (Шаунака) / Пер. М., 2005.
4. Ашваляна-грихьясутра / Пер. А.А. Вигасина, Т.Я. Елизаренковой и Н.Б. Беляевой // История и культура Древней Индии. М., 1990.
5. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995.
6. Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983.
7. Кудрявцев М.К. Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии) // Дважды рожденный. Рубежи войны и науки Михаила Кудрявцева, индолога и артиллериста. СПб, 2005.
8. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М., 2012.
9. Мосс М. Очерк о даре // Общество, обмен, личность. М., 1996.
10. Никольская К.Д. Порицание воровства в древнеиндийской традиции (к вопросу о связи имущества и его владельца) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014.
11. Никольская К.Д. Скверные вещи и руки брахмана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3.
12. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1990.
13. Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.
14. Auboyer J. Daily Life in Ancient India. L., 1965.
15. Kauṭīliya Arthaśāstra // A Critical Edition with a Glossary / By R.P. Kangle. Bombay, 1992.

16. Maity S.K. The Economic Life of Northern India in Gupta Period (Cir. A.D. 300–550). Calcutta, 1957.
17. Mānavadharmasāstra. The Code of Manu. Critically / Ed. by J. Jolly. L., 1887.
18. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lieferung 11. Heidelberg, 1958.
19. Nāradaśmrṭi. Critically Edited with an Introduction, Annotated Translation and Appendices by R. Larivière. Vol. 1–2. Philadelphia, 1989.
20. Viṣṇuśmrṭi edited by V. Krishnamacharya. The Adyar Library Series. Vol. 93 (in 2 parts). Madras, 1964.
21. Rau W. Staat und Gesellschaft im Alten Indien. Wiesbaden, 1957.

Kseniia D. Nikolskaia

“THE MONEY DOES NOT STINK”. INDIAN VERSION

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article focuses on various contexts in India's ancient didactic texts dealing with money. The issue under discussion is whether ritual pollution was transferred from person to person through money. Ancient Indian sources repeatedly state that property acquired at the expense of punished criminals necessarily needs ritual purification. The reason for this is explained by ‘similarity relationship’ between the property and its owner: a sin of the former owner gets transferred to the property recipient. In this case it is necessary to explain the issue of punishments that prescribe property confiscation. According to India's ancient didactic texts, the confiscation is often replaced by a monetary fine. Does it mean that money does not transfer the ritual pollution of its former owner to a new owner? How can we explain this paradox? The article analyzes the vocabulary used in ancient Indian texts to denote money, and examines various money-related contexts. Finally, it offers insights on a possible understanding of the role of money in ancient societies.

Key words: property; money; ritual defilement, ritual purity.

About the author: Kseniia D. Nikolskaia — Ph.D. (History) from IAAS, Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies (e-mail: sniff0210@gmail.com).

REFERENCES

1. Arthashastra ili nauka politiki (Arthaśāstra or the science of politics). Izd. podgotovil V.I. Kal'janov. M.; L., 1959.
2. Arthashastra Kautil'i. Knigi I–II (Kauṭīliya Arthaśāstra. Books I–II). Per. A.M. Samozvanceva. M., 2009.
3. Ashvalajana-grih' jasutra. Per. A.A. Vigasina i N.B. Beljaevoj. Istorija i kul'tura Drevnej Indii. M., 1990.
4. Atharvaveda (Shaunaka). Per. T.Ja. Elizarenkovej. M., 2005.

5. Elizarenkova T.Ja., Toporov V.N. *Mir veshhej po dannym Rigvedy* (The world of things according Rigveda) Rigveda. Mandaly V–VIII. M., 1995.
6. Klochov I.S. *Duhovnaja kul'tura Vavilonii. Chelovek, sud'ba, vremja*. (Spiritual culture of Babylonia. Man, fate, time.). M., 1983.
7. Kudrjavcev M.K. Neprikasaemye (O nekotoryh osobennostjah kastovoj organizacii v Indii). (Untouchables (About some features of the caste organization in India)). *Dvazhdy rozhdenyj. Rubezhi vojny i nauki Mihaila Kudrjavceva, indologa i artillerista*. SPb, 2005.
8. Levi-Brjul' L. *Pervobytnoe myshlenie*. Kollektivnye predstavlenija v soznanii pervobytnyh ljudej i ih misticheskij harakter (Primitive thinking. Collective visions in the consciousness of primitive people and their mystical character). M., 2012.
9. Moss M. *Ocherk o dare* (Essay on a gift). M., 1996.
10. Nikol'skaja K.D. Poricanie vorovstva v drevneindijskoj tradicii (k voprosu o svyazi imushchestva i ego vladel'ca) (Condemnation of theft in the ancient Indian tradition (on the question of interconnection between the property and its owner)). *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*. 2014. № 1.
11. Nikol'skaja K.D. Skvernye veshhi i ruki brahmana. ("Defiled things" and brahman's hands). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*. 2016. № 3.
12. Pandey R.B. *Drevneindijskie domashnie obrjady* (Hindu samskāras.). M., 1990.
13. Sharma R.Sh. *Drevneindijskoe obshhestvo* (Ancient Indian society). M., 1987.
14. Auboyer J. *Daily Life in Ancient India*. L., 1965.
15. *Kauṭīliya Arthaśāstra*. A Critical Edition with a Glossary. By R.P. Kangle. Bombay, 1992.
16. Maity S.K. *The Economic Life of Northern India in Gupta Period* (Cir. A.D. 300-550). Calcutta, 1957.
17. Mānavadharmasāstra. *The Code of Manu*. Critically ed. by J. Jolly. L., 1887.
18. Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Lieferung 11. Heidelberg, 1958.
19. *Nārada-smṛti*. Critically Edited with an Introduction, Annotated Translation and Appendices by R. Lariviere. Vol. 1–2. Philadelphia, 1989.
20. Viṣṇu-smṛti edited by V. Krishnamacharya. *The Adyar Library Series*, vol. 93 (in 2 parts), Madras, 1964.
21. Rau W. *Staat und Gesellschaft im Alten Indien*. Wiesbaden, 1957.

П.В. Шлыков

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ТУРЦИИ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена анализу ближневосточной политики Турции в 2000-е и 2010-е годы в двух взаимосвязанных аспектах — как сложный по динамике и механизмам реализации поиск взаимоприемлемой модели сотрудничества Турции с Западом в вопросах международной безопасности и как проблема концептуальных различий в понимании международной безопасности и подходах к ее обеспечению в Турции, ЕС и США. Относительно успешный период взаимодействия в вопросах борьбы с международным терроризмом в 2000-е годы не способствовал преодолению этих концептуальных различий, что, во-первых, не позволило полностью интегрировать Турцию в выстраиваемую Западом систему международной безопасности на Ближнем и Среднем Востоке; во-вторых, привело впоследствии к углублению расхождений во взглядах на международную безопасность и борьбу с теми, кого Запад обвинял в терроризме и радикализме. События начала 2010-х годов — «арабская весна» и эскалация нестабильности в регионе, связанная с рядом новых гражданских конфликтов и подъемом «Исламского государства», отчетливо проявили направления такой дивергенции, способствовал активизации политического курса на утверждение Турции в роли независимого «центра силы», продвигающего собственную модель отношений с государственными и негосударственными субъектами ближневосточной политики.

Ключевые слова: Турция; Ближний и Средний Восток; ЕС; США; международная безопасность; борьба с терроризмом; исламисты; джихадисты.

Еще со времен основания республики в 1920-е годы отношения с Западом в Турции всегда рассматривались с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Позитивный или, по крайней мере,

Шлыков Павел Вячеславович — доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз», проект №17-18-01614.

конструктивный характер этих отношений понимался как гарантия сохранения территориальной целостности и суверенитета. Подобный подход преобладал в годы «холодной войны», сохранился он и после ее окончания. Руководствуясь этой логикой, Турция в 1992 г. добилась ассоциированного членства в Западноевропейском Союзе (ЗЕС), создававшемся как платформа для кооперации в сфере обороны и безопасности. Имея за плечами длительный опыт сотрудничества с Западом в сфере обороны в качестве члена НАТО с 1952 г., Анкаре представлялось неприемлемым оказаться вне формирующегося «нового порядка общеевропейской безопасности».

Географическая близость традиционных зон нестабильности в Европе к границам Турции определяла повышенную заинтересованность турецкого правительства к вопросам европейской безопасности. Этим объяснялась болезненная реакция Турции на попытку исключить ее из новой Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) в 1999 г., что трактовалось как угроза национальным интересам в сфере обороны и ущемление прав Анкары как члена НАТО². В понимании турецких политиков, кооперация с Западом должна была лежать в основе стратегии национальной безопасности, что давало бы возможность встраивать вопросы национальной обороны в более широкий контекст международного сотрудничества. Декларируя солидарность с Западом в противостоянии общим угрозам, в 1990-е и 2000-е годы. Турция активно отстаивала свое право на членство в ЗЕС и ЕПБО.

Принятие нормативной модели европейской безопасности, сформулированной в рамках ЗЕС и ЕПБО, первоначально носило для Турции инструментальный характер. Однако налаживание тесного взаимодействия спецслужб и проведение совместных операций способствовало ценностно-идеологическому сближению турецких военных экспертов с их западными коллегами, равно как турецких и европейских политиков. Активное участие в миротворческих операциях ЕС (например, в Конго в начале 2000-х годов) отчасти отражало стремление Турции вестернизировать традиционное понимание национальной безопасности, формулируемое в категориях реализма³.

За период 1990-х годов Турция, находясь в окружении международных конфликтов по периметру своих границ, превратилась в

² Aykan M.B. Turkey and European Security and Defense Identity/Policy (ESDI/P): A Turkish View // Journal of Contemporary European Studies. Vol. 13. no. 3 (2005). P. 352.

³ Oğuzlu H.T., Güngör U. Peace Operations and the Transformation of Turkey's Security Policy // Contemporary Security Policy. Vol. 27. no. 3 (2006). P. 472–488.

«прифронтовое государство» для Запада, выстраивавшего новую парадигму безопасности в условиях нарастающей глобальной нестабильности постбиполярного миропорядка. Такое положение несло в себе не только негативные последствия, но и давало ряд потенциальных преимуществ. С одной стороны, региональное лидерство как приоритет внешней политики требовало обеспечения внутривнутриполитической стабильности, добиться которой слабым коалиционным правительствам второй половины 1990-х годов не удавалось; с другой — большинство западных политиков было заинтересовано в политически и экономически сильной Турции, что совпадало политическим курсом пришедшей в 2002 г. к власти новой политической элиты — Партии справедливости и развития (ПСР). Конstellляция этих факторов в 2000-е годы создала ощущение реалистичности идеи превращения Турции в «оазис стабильности» и естественную преграду распространению региональных конфликтов, а главное — основного медиатора регионального сотрудничества на Ближнем и Среднем Востоке.

Поиски оптимальной модели сотрудничества с Западом по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом в 2000-е годы

Объявление войны международному терроризму после событий 11 сентября 2001 г. изменили не только общие подходы к проблеме международной безопасности на Западе, но и отношение к роли Турции в ее обеспечении⁴. США стремились максимально задействовать в борьбе с терроризмом и региональными конфликтами обширную сеть военных баз на Ближнем Востоке. Внешнеполитическая доктрина Дж. Буша-мл. предполагала наступательную стратегию борьбы как с терроризмом, так и с режимами, игнорирующими нормы западного международного права, что фактически означало прямое вмешательство в дела других государств и свержение лидеров, чья политика представляла реальную или гипотетическую угрозу для безопасности США⁵. Еще одним приоритетным направлением внешнеполитической доктрины Дж. Буша-мл. было распространение демократии: международная безопасность ставилась в прямую зависимость от уровня ее развития («где нет демократии — там нет безопасности»⁶), а растущий авторитаризм и нарушения базовых

⁴ Турция: новая роль в современном мире. М., 2013. С. 5.

⁵ Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // Political Science Quarterly. Vol. 118. no. 3 (2003). P. 365–388.

⁶ Ibid.

гражданских прав — главной причиной расцвета радикализма и терроризма на Ближнем Востоке⁷.

Первыми жертвами «доктрины Буша» стали Ирак и Иран — страны, имеющие общие границы с Турцией. Вполне ожидаемо, что Вашингтон обратился к Турции — как стране-члену НАТО и многолетнему союзнику Запада в регионе — за содействием в проведении антитеррористической операции, чтобы Турция предоставила расположенные на своей территории военные базы и санкционировала осуществление гуманитарной интервенции в Ирак с турецкой территории. Несмотря на договоренности, достигнутые на уровне политического руководства, в марте 2003 г. турецкий парламент заблокировал решение правительства о предоставлении турецких баз для вторжения в Ирак. А фронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правящей ПСР, доминировавших в палате, с другой — протестом депутатов курдского происхождения, воздержавшихся от голосования. Законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на пять голосов больше⁸. Для Вашингтона такое развитие событий стало крайне неприятной неожиданностью — «оглушительной оплеухой» от союзника по НАТО, как его окрестили мировые СМИ⁹. При этом на официальном уровне США не пошли на дипломатическую конфронтацию и по-прежнему позиционировали Турцию как союзника и пример мусульманской страны с демократической политической системой — успешную модель сочетания ислама и демократии.

Выстраивая систему международной безопасности в регионе Ближнего и Среднего Востока, Запад отводил Турции двойную роль: на геополитическом уровне Турция воспринималась как **«прифронтовое» государство**, расположенное в непосредственной близости к главным зонам нестабильности, на политико-идеологическом уровне — представляла собой **модель политического устройства**, живое опровержение тезиса о несовместимости ислама и демократии.

Правительство ПСР старалось получить дивиденды от продвижения администрацией Дж. Буша-мл «турецкой модели» на Ближнем Востоке. Внутри страны это должно было помочь в борьбе с военной элитой, не смилившейся с приходом к власти «умеренных ислами-

стов». Во внешнеполитических вопросах это должно было укрепить позиции Анкары в переговорном процессе о членстве в ЕС. При этом борьба с политическим влиянием военной элиты в Турции негативно отразилась на содержании военно-стратегического сотрудничества с США, составлявшем со времен вступления Турции в НАТО ключевое направление двухсторонних отношений. В 2000-е годы негативные последствия этого практически не ощущались. Режим ПСР как во внешней, так и во внутренней политике старался действовать в русле стратегического партнерства с США. В то время как националистические силы в Турции всячески подогревали антиамериканские настроения в обществе, нагнетая атмосферу через подконтрольные им СМИ и выступления на публичных мероприятиях, правительство ПСР последовательно боролось с проявлениями антиамериканизма и антисемитизма в стране. В 2005 г. Реджеп Эрдоган даже получил специальную награду от базирующейся в США еврейской правозащитной организации — Антидиффамационной лиги. В том же 2005 г. Эрдоган вместе с премьер-министром Испании Р. Сапатеро выступил с инициативой «Альянса цивилизаций».

Солидарность с Западом в неприятии исламского радикализма режим ПСР проявлял и во внутренней политике, поддерживая умеренные исламистские силы¹⁰ в противовес радикалам, с которыми в Турции в 2000-е годы активно боролись, внося свою лепту в объявленную после событий 11 сентября войну с международным терроризмом. Интересы Запада и Турции в вопросах безопасности и противостояния распространению радикализма с территории пограничных государств во многом совпадали, поскольку Турция сама стала ареной громких терактов¹¹.

Национальная разведывательная служба совместно с полицией развернула масштабную операцию по выявлению и установлению контроля над ячейками аль-Каиды по всей Турции. Более тысячи сотрудников полиции были направлены на специальные образовательные программы по борьбе с терроризмом в различные военные академии преимущественно в США. Впоследствии уже в Турции при поддержке структур ООН и ЕС правительство ПСР развернуло масштабную образовательную программу по подготовке специалистов по борьбе с терроризмом для офицеров полиции из соседних стран,

⁷ Ibid.

⁸ BBC, 01/03/2003. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2810133.stm>

⁹ New York Times, 2/03/2003. URL: <http://www.nytimes.com/2003/03/02/world/threats-and-responses-ankara-turkish-deputies-refuse-to-accept-american-troops.html>

¹⁰ Именно благодаря этой политике в 2000-е годы большое влияние обрело международное миссионерское движение Ф. Гюлена.

¹¹ В ноябре 2003 г. в Стамбуле прогремели взрывы возле консульства Великобритании, здания банка HSBC и двух синагог (57 человек погибло и более 700 ранено).

в рамках которой в середине 2000-х годов более 5 тыс. сотрудников спецслужб из стран Ближнего Востока прошли обучение в Турецкой национальной полицейской академии. Таким образом Анкара налаживала инфраструктуру для регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом, контрабандой и наркотрафиком. В начале 2000-х годов турецкие спецслужбы также переориентировали свои контртеррористические подразделения на выявление членов радикальных исламистских группировок, а не только на традиционный поиск и обезвреживание боевиков из Рабочей партии Курдистана (РПК). В результате интенсификации антитеррористической деятельности в 2005 г. власти Турции вычислили и арестовали главного организатора стамбульских терактов — сирийца турецкого происхождения Луаи аль-Сакку, приближенного экс-лидера аль-Каиды в Ираке Абу Мусаба аль-Заркауи¹². Общая статистика антитеррористической деятельности турецких спецслужб в 2000-е годы оказалась весьма внушительной: за десятилетний период с 2003 по 2012 г. турецкие власти выявили и взяли под стражу без малого 3,4 тыс. подозреваемых в связях с аль-Каидой¹³.

Концептуально атаки на США и возведение терроризма в ранг одной из основных угроз международной безопасности привели к доктринальной трансформации американских и европейских подходов к проблеме ее обеспечения. В практическом плане их результатом стало появление новых «зон фактической ответственности» НАТО на Ближнем Востоке¹⁴. Позднее право альянса на то, чтобы действовать за пределами своих границ, было официально закреплено в новой стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне в 2010 г.¹⁵ В свою очередь европейская стратегия безопасности под названием «Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше» в 2003 г. постулировала кардинально новый характер угроз безопасности для ЕС. В стратегии, в частности, отмечалось, что концепция самообороны ЕС, которая вплоть до окончания «холодной войны» исходила из необходимости отразить потенциально возможную угрозу вторжения должна была подвергнуться трансформации. Появление новых угроз (международный терроризм, распростра-

нение оружия массового поражения, рост давление на расширившийся в 2000-е годы ЕС со стороны нестабильных регионов и т.д.) способствовало тому, что линия передовой обороны смещалась за формальные границы ЕС¹⁶. В 2000-е годы Турция как раз и стала такой линией обороны для ЕС, а для США и НАТО — плацдармом для действий на пространствах новой зоны ответственности.

«Арабская весна» и ревизия парадигмы антитеррористической борьбы

События «арабской весны» 2010–2011 гг. и вовлечение Турции в «сирийский кризис» с 2012 г. вызвали не только переформатирование внешней политики Турции на региональном уровне, но также привели к изменениям в подходах к борьбе с терроризмом и пересмотру стратегии обеспечения национальной безопасности¹⁷. На фоне волнообразного обострения террористической активности в регионе количественные показатели антитеррористической деятельности в Турции ощутимо снизились. По официальным данным, в 2013 и 2014 гг. турецкие спецслужбы вместе с полицией задержали лишь 184 подозреваемых за связи с аль-Каидой¹⁸.

В то же время в турецких и западных СМИ стали появляться сведения о новых подходах властей Турции к радикалам и использовании джихадистов против режима Б. Асада в Сирии. Как писала оппозиционная газета «Тараф», журналисты которой впоследствии были обвинены в государственной измене¹⁹, с 2012 г. Турция стала одним из главных перевалочных пунктов для представителей радикальных исламистских группировок, стекающихся из разных стран для участия в сирийском конфликте, а турецко-сирийская граница стала проницаемой для джихадистов²⁰. Внутри страны активность местных радикальных исламских группировок и ячеек таких организаций, как аль-Каида и Джебхат ан-Нусра стала нарастать обратно пропорционально снижению контртеррористической активности

¹⁶ European Security Strategy Paper. A Secure Europe in a Better World. Brussels, 2003. P. 4–8.

¹⁷ Россия и Большой Ближний Восток. М., 2013. С. 14–15; Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. С. 18–29.

¹⁸ Sabah, 10/11/2013. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2013/11/10/el-kaideye-3-yilda-140-operasyon>

¹⁹ Radikal, 06/06/2014. URL: <http://www.radikal.com.tr/turkiye/emre-ysluya-7-yil-hapis-istemi-1195929/>

²⁰ Uslu E. El Kaide, İHH, TIR vs. // Taraf, 15/01/2014. За эту публикацию МВД Турции инициировало уголовное преследование против автора — журналиста Эмре Услу, который в октябре 2015 г. вынужденно эмигрировал в США.

¹² Lenta.ru, 17/02/2007. URL: <https://m.lenta.ru/news/2007/02/17/sentence/>

¹³ Yeni Safak, 9/10/2010. URL: <http://www.yenisafak.com/gundem/el-kaideye-karsi-cok-operasyon-turkiyeden-282302?p=1>

¹⁴ См.: Богатуров А.Д. Перерождение НАТО // Независимая газета. 28/06/2004.

¹⁵ Active Engagement, Modern Defense. Strategic Concept for the Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 November 2010. URL: http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_en.pdf.

полиции, на протяжении 2000-х годов последовательно преследовавшей не только боевиков радикальных группировок, но и их потенциальных сообщников и идейных сторонников по всей стране.

На Западе об открытой работе турецких спецслужб с радикалами, разной идейной и организационной принадлежности, начали говорить в 2014 г. не только занимающиеся расследованиями журналисты, но и представители дипломатического корпуса и спецслужб. Фрэнсис Ричардоне, занимавший в 2011–2014 гг. пост посла США в Турции, в интервью британскому изданию *«Дейли Телеграф»* констатировал многочисленные факты, подтверждающие сотрудничество турецких сил безопасности с джихадистами, в том числе с боевиками Джебхат ан-Нусра²¹. О целенаправленном изменении методов работы с джихадистами свидетельствовали и попавшие в СМИ показания бывших сотрудников турецких спецслужб, рассказывавших, как начальник стамбульского отделения полиции по борьбе с терроризмом дал распоряжение своим подчиненным не проводить расследования в отношении джихадистов с Северного Кавказа²².

Столь резкий поворот в отношении турецких властей к представителям радикальных исламских группировок отчасти объяснялся тем, что первоначальные расчеты турецкого правительства на умеренную сирийскую оппозицию в качестве силы, способной отобрать власть у режима Б.Асада в Сирии, не оправдались: базирующейся в Стамбуле Сирийский национальный совет не смог стать полноценным правительством в изгнании, а силы умеренной оппозиции, несмотря на внешнюю помощь, оказались не в состоянии противостоять регулярной сирийской армии. В то же время усилия европейских дипломатов по оказанию давления на Б. Асада и принуждение его к отказу от власти не привели к желаемому результату.

Прогнозы турецких политиков о быстром падении режима Асада оказались нереалистичными: он не прекратил свое существование «за несколько недель», как о том говорил тогдашний министр иностранных дел А. Давутоглу²³, а турецким спецслужбам не хватило «трех часов, чтобы решить сирийский вопрос», как оптимистично

заявляли некоторые крупные функционеры ПСР²⁴. Большинство турецких политиков строили свои суждения о Сирии, основываясь на позитивном опыте налаживания двухсторонних отношений с Дамаском в 1990-е и 2000-е гг., а дефицит специалистов по Ближнему Востоку в министерстве иностранных дел Турции, вызванный многолетней ориентацией на Запад с соответствующим подбором кадров и пула экспертов, лишал их качественной экспертизы по Сирии и другим странам Ближнего Востока. Оценки развития ситуации в регионе оказались ошибочными, прежний оптимизм в прогнозах сменился неопределенностью, что и привело правительство Турции к решению принять участие в гибридной войне против режима Б. Асада с использованием джихадистов²⁵. Попытки Турции оказать давление на Б. Асада также не увенчались успехом: убежденность Эрдогана в своем влиянии на сирийского президента, с которым в 2000-е годы у него сложились хорошие личные отношения, также не оправдалась. Некоторые эксперты даже увидели в этом причину чрезвычайно жесткой позиции турецкого правительства. Исследователь Брукингского института О. Ташпынар, объясняя внешнеполитическую линию Анкары, писал в 2012 г. о том, что Эрдоган «чувствовал себя обманутым» Асадом²⁶.

Однако при всей эмоциональности турецкой политики в ее ближневосточном направлении прослеживалась определенная логика. На стратегическом уровне — это было стремление реализовать обозначенную в 2000-е годы идею превращения Турции в «центральную страну» макрорегиона Афро-Евразии²⁷, о которой заявлял А. Давутоглу, едва возглавив турецкий МИД в 2009 г. Нарастивание турецкого влияния на Ближнем Востоке должно было стать лишь одним из этапов большого пути. На тактическом уровне первоочередной задачей было решение курдского вопроса. В условиях разрастания гражданской войны сирийские курды, объединенные в рамках Партии демократического союза, выступили в качестве «третьей силы» сирийского конфликта, а их тесные связи с турец-

²⁴ Radikal, 10/10/2012. URL: <http://www.radikal.com.tr/politika/samil-tayyar-3-saatte-sama-variriz-1103525/>

²⁵ Phillips C. Into the Quagmire: Turkey's Frustrated Syria Policy // Chatham House Briefing Paper. 01/12/2012. Middle East and North Africa Programme 2012/04.

²⁶ Tashpinar Ö. Turkey's Strategic Vision and Syria // Washington Quarterly, Vol. 35, no. 3 (2012), pp. 127-140.

²⁷ Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa

²¹ The Telegraph, 12/09/2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11093478/Turkish-government-co-operated-with-al-Qaeda-in-Syria-says-former-US-ambassador.html>

²² O polislerden kan donduran iddialar // Bugün, 27/01/2015. Оппозиционная газета «Бугюн» под давлением перестала издаваться с 29 февраля 2015 г. Наиболее значимые материалы доступны на сторонних ресурсах. URL: http://www.jurnalhaber.com/haber/guncel_1/o-polislerden-kan-donduran-iddialar/19453.html

²³ Hurriyet, 25/08/2012. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/davutoglu-esada-omurbicti-21300142>

кими курдами вызывали тревогу властей Турции, опасавшихся эскалации напряженности в юго-восточную Анатолию²⁸. Власти Турции были убеждены, что, удержав в своих руках власть, режим Б. Асада неизбежно попытается использовать свои возможности воздействия на РПК, чтобы дестабилизировать ситуацию на юго-востоке Турции. Весь предшествующий опыт турецко-сирийских и сирийско-курдских отношений только подтверждал верность подобных опасений: в 1980-е и 1990-е годы без малого на протяжении 20 лет лидер турецких курдов А. Оджалан скрывался от турецких властей в Дамаске, а РПК готовила своих сторонников в тренировочных лагерях в долине Бекаа, сирийские и турецкие курды при этом всегда тесно сотрудничали друг с другом. Все это не могло не вызывать беспокойство турецких властей, которые пошли на использование всех доступных средств в борьбе с режимом Асада и вооруженными курдскими отрядами из Партии демократического союза и Курдского национального совета: и радикалов из Джебхат ан-Нусра, и боевиков из ИГИЛ, и любых других джихадистских группировок, готовых бороться с курдами и режимом Асада.

Еще одним индикатором качественной трансформации роли Турции в антитеррористической борьбе стало все более активное вовлечение Турции в поставки вооружения джихадистам. Если в начале 2010-х годов Турция поставляла вооружение лишь для сирийской «умеренной оппозиции», совсем скоро турецкие спецслужбы перестали делить противников режима Б. Асада на умеренных и радикальных и стали осуществлять поставки оружия также и боевикам из экстремистских группировок. По данным аналитического доклада, подготовленного экспертами ООН в 2014 г., территория Турции активно использовалась для поставок вооружений для ИГИЛ и Джебхат ан-Нусра²⁹. Анкара официально отвергала обвинения в сотрудничестве с террористами³⁰, однако турецкие военные все равно вынуждены были признать, что Национальная разведывательная служба поставляла оружие аль-Каиде³¹. Турецкое издание «Бир Гюн» в начале 2015 г. опубликовало документы о задержании военной полицией грузовиков Национальной разведывательной

²⁸ The Guardian. 14/12/2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/dec/14/syria-kurds-if-assad-falls>

²⁹ Monitoring Team's report on the threat posed by ISIL and ANF (14 November 2014) // UN Security Council.

³⁰ Hürriyet Daily News. 30/12/2014. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/ankara-refutes-un-report-claiming-turkey-route-for-arms-to-al-qaeda-76266>

³¹ Taştekin F. Turkish Military Says MIT Shipped Weapons to al-Qaeda // Al-Monitor. 15/01/2015.

службы с оружием, предназначенным для радикалов в Сирии³². Как выяснило следствие, основываясь на показаниях свидетелей и задержанных водителей, груз представлял собой прямую помощь боевикам аль-Каиды, а поставки осуществлялись на регулярной основе³³.

В марте 2014 г. тема поставок вооружений джихадистам турецкими спецслужбами обросла дополнительными подробностями. На видеохостинге «YouTube» гражданские активисты опубликовали запись разговора между президентом А. Гюлем, замминистра иностранных дел Ф. Сирилиоглу, главой национальной разведки Х. Фиданом и заместителем начальника Генерального штаба Я. Гюлером, в котором обсуждался вопрос целесообразности проведения военной интервенции в Сирию накануне местных выборов 30 марта 2014 г. В ходе разговора Х. Фидан, отвечая на реплику Я. Гюлера о недостатке современных вооружений в регионе и необходимости их поставок, ответил, что МИТ поставил в Сирию порядка 2 тыс. грузовиков с оружием³⁴.

Другое турецкое издание — газета «Джумхуриет» в феврале 2015 г. опубликовала документы, свидетельствующие о том, что представители ИГИЛ регулярно осуществляли закупки стрелкового оружия и тяжелой артиллерии на черном рынке Турции. Турецкие спецслужбы отслеживали эти сделки и даже прослушивали телефонные переговоры боевиков с их турецкими контрагентами из Вакфа (фонда) защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи, однако никак не помещали ее осуществлению³⁵. Даже после публикаций в прессе никто не понес за это ответственности.

Помимо поставок вооружений, важной составляющей поддержки джихадистам стало участие турецких бизнесменов в сделках по нелегальным поставкам через турецко-сирийскую границу контрабандной нефти (одна из важнейших статей доходов ИГИЛ).

³² The New York Times. 16/01/2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/01/17/world/europe/turkey-threatens-to-block-social-media-over-released-documents.html>

³³ Uslu E. Has Turkey helped ISIS? // Today's Zaman, 31/08/2014. В рамках гонений на оппозиционные и независимые СМИ в Турции 5 марта 2016 г. крупнейшая общенациональная газета «Zaman» и ее англоязычная версия «Today's Zaman» были переданы во внешнее государственное управление, с этого же дня on-line архив всех публикаций «Zaman» и «Today's Zaman», вышедших до 4 марта 2016 г., перестал быть доступен пользователям сети «Интернет».

³⁴ Cumhuriyet, 27/03/2014. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/siyaset/54869/Skandal_Suriye_tapeleri_Mecelis_te.html

³⁵ Cumhuriyet, 14/02/2015. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/214441/_Cihatcilar_silah_pazarliginda.html

В сентябре 2014 г. американское издание *«Нью-Йорк таймс»* опубликовало специальный доклад, раскрывающий обширную сеть поставок контрабандной нефти в Турцию и то, как США не смогли заставить турецкое правительство пресечь эти каналы, поскольку выгода от закупки нефти ИГИЛ оказалась слишком высока³⁶. На официальном уровне Анкара отвергла все обвинения *«Нью-Йорк таймс»* как необоснованные и бездоказательные³⁷. Однако при этом турецкая газета *«Радикал»* осенью 2014 г. опубликовала данные о сотнях нелегальных трубопроводов, по которым контрабандная нефть перекачивалась в Турцию³⁸.

Одновременно в турецкую прессу стали просачиваться сообщения об участии Турции в организации лечения раненых боевиков ИГИЛ. Как сообщала газета *«Миллиет»*, летом 2014 г. один из командиров ИГИЛ Мазен Абу Мухаммед проходил лечение в госпитале при Университете им. Мустафы Кемаля в приграничном городе Хатай³⁹. Турецкие спецслужбы впоследствии признали подлинность фотографий, представленных журналистами в качестве доказательств⁴⁰. Другое турецкое издание — газета *«Хюрриет»* опубликовала снимки, на которых был запечатлен боевик ИГИЛ Аммар Ало на лечении в госпитале имени Мехмеда Акифа Инана (приграничный город Шанлыурфа)⁴¹. После этих первых скандальных публикаций турецкие СМИ стали регулярно обнародовать информацию о раненых джихадистах, проходящих лечение и реабилитацию в турецких больницах и госпиталях. Турецкие власти, не отрицая раскрытых журналистами фактов, обращали внимание на то, что для получения медицинской помощи в турецких госпиталях не требуется предъявления удостоверения личности, а турецкие врачи, следуя клятве Гиппократата, оказывают медицинскую помощь безотносительно происхождения или рода занятий раненого пациента. Однако на самом деле в каждой турецкой больнице дежурит сотрудник правоохранительных органов, задача которого — фиксировать и идентифици-

³⁶ New York Times, 13/09/2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/14/world/middleeast/struggling-to-starve-isis-of-oil-revenue-us-seeks-assistance-from-turkey.html>

³⁷ Hürriyet Daily News, 17/09/2014. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-president-erdogan-slams-new-york-times-over-isis-story-71822>

³⁸ Radikal, 13/09/2014. URL: <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/fehim-tastekin/sinirsiz-sinir-1212462/>

³⁹ Milliyet, 13/06/2014. URL: <http://www.milliyet.com.tr/isid-komutani-hatay-da-mit-davi-siyaset/detay/1896840/default.htm>

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Hürriyet, 22/09/2014. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/isid-uyesi-sanliurfa-da-tedavi-ediliyor-iddiasi-27252730>

ровать всех поступающих пациентов с ранениями для дальнейшего выяснения обстоятельств и пресечения противоправных действий. Едва ли можно представить, чтобы при отлаженном механизме контроля за деятельностью учреждений, оказывающих экстренную медицинскую помощь, у турецких спецслужб не было информации о личностях пациентов-джихадистов. Ведь в отношении боевиков РПК, обращавшихся в те же госпитали за медицинской помощью после ранений, полученных в Сирии, действовал иной порядок: их сразу идентифицировали и арестовывали⁴².

В 2010-е годы многие джихадисты, впоследствии участвовавшие в громких терактах в европейских столицах, чувствовали себя в безопасности на территории Турции, могли спокойно пересекать турецко-сирийскую границу и, пройдя подготовку в сирийских тренировочных лагерях, возвращаться через Турцию во Францию, Германию, США или Канаду. Так, гражданская жена Амеди Кулибали — одного из террористов, участвовавших в нападении на редакцию французского сатирического еженедельника *«Шарли Эбдо»* — Хаят Бумедьен накануне парижского теракта путешествовала по Турции и беспрепятственно смогла уйти в Сирию (следователи потеряли ее след в городке Акчакале приграничной провинции Шанлыурфа)⁴³. Пребывающие на территории Турции джихадисты достаточно спокойно могли перемещаться по стране и не попадали под пристальное наблюдение со стороны спецслужб. При этом из-за большого числа иностранных туристов, ежегодно посещающих Турцию (более 30 млн человек), европейские правоохранительные органы оказались не в состоянии проверять каждого, кто возвращается из Турции в страны ЕС.

Режим «наибольшего благоприятствования» джихадистам стал результатом того перелома, который наблюдался в Турции с начала 2010-х годов и отдельные элементы которого были отмечены выше. При этом еще в 2000-е годы турецкие спецслужбы вели очень активную борьбу с ячейками аль-Каиды и других экстремистских организаций на территории Турции. Осуществляя перманентный мониторинг активности радикальных элементов внутри страны, национальная разведывательная служба Турции создала эффективные механизмы пресечения деятельности радикалов. Турецкая полиция работала в тесной кооперации с социологическими службами, вы-

⁴² Milli Gazete, 11/02/2015. URL: <http://www.milligazete.com.tr/haber/972783/pkkli-devlet-hastanesinde-yakalandi>

⁴³ Hürriyet, 12/01/2015. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/mit-fransiz-makamlar-hayat-boumedienneyi-bildirdi-27940940>

являя группы риска среди молодежи и неблагополучных семей, подверженных джихадистской пропаганде, чтобы минимизировать возможности вербовки новых членов радикальных организаций. Были разработаны специальные программы по работе с родителями школьников и студентов и подготовке учителей и сотрудников правоохранительных органов. В рамках этих программ в 2000-е годы было подготовлено несколько тысяч психологов, инструкторов социальных служб, религиозных проповедников, лекторов и преподавателей, которые вели идеологическую работу среди молодежи по выработке иммунитета к пропаганде экстремизма и пресечению индоктринации новых джихадистов⁴⁴. За годы активной антитеррористической кампании турецкие правоохранительные органы подписали более 100 договоров о сотрудничестве с силовыми ведомствами 83 стран по борьбе с терроризмом. Большинство этих соглашений предполагало совместные контртеррористические операции. Турецкая полицейская академия стала базой для обучения специалистов по борьбе с терроризмом, в рамках которой специальную подготовку прошли более 5,7 тыс. офицеров спецслужб из 80 стран⁴⁵. Турецким спецслужбам также удалось наладить каналы обмена оперативной информацией со своими европейскими и американскими коллегами, что позволило провести ряд успешных операций по задержанию крупных функционеров террористических организаций на территории Турции и раскрыть механизмы работы ячеек аль-Каиды в стране. Турецкая полиция активно сотрудничала с британскими и французскими правоохранительными органами по вопросам раскрытия сетей террористических организаций, получая при этом важную информацию о деятельности активистов РПК.

В рамках тесного международного сотрудничества в Вашингтоне был создан «Турецкий институт по изучению правоохранительной деятельности» для проведения международных конференций по противодействию терроризму, на которых высокопоставленные сотрудники спецслужб разных стран могли встречаться для выработки общей стратегии противодействия экстремизму. Все это служило ярким показателем высокого уровня доверия и кооперации стран ЕС и США с Турцией по вопросам международной безопасности. Однако с началом «арабской весны» и новым курсом турецкого правительства, предполагавшим масштабное использование джи-

хадистов в региональной политике, сотрудничество турецких и западных спецслужб практически сошло на нет.

Начиная с 2012 г. все вопросы по борьбе с терроризмом были переданы в ведение национальной разведывательной службы, в то же время подразделения по борьбе с терроризмом в структуре полиции были фактически отстранены от проведения контртеррористических операций. Внутриведомственные противоречия оказались столь серьезными, что их многочисленные проявления часто становились достоянием общественности и СМИ. Каждый раз, когда полиция выявляла каналы поставки оружия боевикам аль-Каиды, турецкая разведка пресекала дальнейшее расследование. Так, в ноябре 2013 г. полиция задержала большую партию оружия (более 1 тыс. артиллерийских мин и 10 пусковых устройств, большое число стрелкового оружия), предназначавшуюся для отправки в Сирию, однако под давлением турецких спецслужб в СМИ было дано опровержение, в котором объемы перехваченной партии оружия были намеренно занижены⁴⁶.

В декабре 2013 г. в рамках расследования «операции большая взятка» стамбульская полиция по обвинению в коррупции арестовала сыновей нескольких действующих министров турецкого правительства и главу государственного «Народного банка» (*Халк Банк*). По информации, попавшей в руки турецких СМИ, в коррупционных схемах были задействованы люди из ближайшего окружения Р.Т. Эрдогана и ряд министров, которые впоследствии лишились своих постов. Общественное мнение было взбудоражено такими новостями. Реакция властей на коррупционный скандал оказалась своеобразной. Эрдоган и видные функционеры ПСР развернули кампанию против организаторов расследования коррупционных дел, обвиняя их в попытке государственного переворота и государственной измене. Спустя день после полицейской операции правительство инициировало масштабную чистку в рядах полиции, уволив несколько тысяч офицеров и арестовав значительную часть сотрудников, задействованных в расследовании коррупционных преступлений. В общей сложности более 50 тыс. сотрудников полиции были либо уволены, либо смещены с занимаемых должностей⁴⁷. В рамках массовой кадровой санации на ответственные посты в полиции и спецслужбах, в том числе отвечающих за антитеррористическую

⁴⁴ Country Reports on Terrorism 2013. Washington, 2014.

⁴⁵ Yavuz U.G., Yıldırım N. International Police Cooperation on Counter Terrorism (CT) in Turkey // UN Office of Counter-Terrorism. URL: http://www.un.org/en/terrorism/ctitf/pdfs/central_asia_turkey.pdf

⁴⁶ Adana'daki metal parçalar roket başlığı değil, havan mermisi kovanına benziyor // Zaman. 8/11/2013.

⁴⁷ 17/25 Aralık Sürecinin Emniyet Teşkilatının İnsan Kaynakları Uygulamaları Üzerine Etkisi. Ankara, 2014.

деятельность, назначались, как правило, неопытные и недостаточно квалифицированные сотрудники⁴⁸. В течение нескольких месяцев после коррупционного скандала Министерство внутренних дел инициировало внутреннее расследование в отношении более 3,3 тыс. сотрудников ведомства: без малого 1 тыс. человек было уволено, а в отношении 1860 были заведены уголовные дела⁴⁹. Десять прокуроров, задействованных в расследовании коррупционного скандала, были отстранены от занимаемых должностей.

Примечательно, что большинство офицеров, лишившихся своих должностей, последние годы своей службы работали преимущественно в подразделениях, занимавшихся борьбой с терроризмом и организованной преступностью. Все они, как правило, активно принимали непосредственное участие в операциях по ликвидации ячеек аль-Каиды на территории Турции, а также в расследовании деятельности организованных преступных группировок и экстремистских структур. Большинство уволенных в 2013–2014 гг. полицейских и сотрудников спецслужб были специалистами по борьбе с терроризмом, обладали уникальным опытом по противодействию деятельности экстремистских группировок на территории Турции и взаимодействию в этих вопросах с западными спецслужбами. Многие из них прошли специальное обучение на Западе в рамках многочисленных совместных программ. Показательно, что среди уволенных полицейских были те, кто проводил операцию по поимке организатора стамбульских терактов 2003 г. — Луаи аль-Сакки. Среди отстраненных прокуроров большинство также было задействовано в расследованиях контрабандных поставок оружия боевикам аль-Каиды и других экстремистских группировок, которые осуществлялись при участии национальной разведывательной службы Турции⁵⁰.

Проправительственные СМИ объясняли кадровые чистки борьбой со сторонниками международного миссионерского движения Ф. Гюлена, который в 2000-е годы выступал союзником ПСР в борьбе с радикалами и военной элитой. В общественном мнении насаждался образ сторонников Ф. Гюлена как «параллельного государства», за-

нимающегося подрывной деятельностью внутри полиции и судебного корпуса. Однако на самом деле, репрессивная машина затронула не только и не столько офицеров, связанных со структурами Ф. Гюлена. Во-первых, были уволены те, кто непосредственно участвовал в расследовании коррупционных скандалов и участия в них людей из ближнего круга Р.Т. Эрдогана. Во-вторых, своих должностей лишились те, кто расследовал деятельность «Ассоциации обществ Курдистана» и их связи с национальной разведывательной службой, офицеры которой внедрялись в курдские боевые организации и даже участвовали в громких терактах, осуществленных активистами РПК (в том числе эпизодов расправ над турецкими полицейскими). Наконец, отстранены были те, кто расследовал деятельность экстремистских организаций (аль-Каиды, Джебхат ан-Нусра, ИГИЛ и т. д.) и связи с ними турецких спецслужб. При этом чистки практически не затронули тех сотрудников правоохранительных органов, которые непосредственно были связаны с образовательной деятельностью движения «Хизмет» Ф. Гюлена и его структурами в небольших городах и отдаленных провинциях.

Очевидная задача, которая решалась в ходе кадровой санации правоохранительной системы, состояла в обеспечении максимальной безопасности политического режима и выводе из-под удара ближайшего окружения Р.Т. Эрдогана. Важным следствием чисток стало ослабление антитеррористического потенциала турецких служб безопасности, что наряду с приостановкой масштабных операций по выявлению и ликвидации экстремистских организаций (ячеек аль-Каиды, ИГИЛ и т. д.) на территории страны превратило Турцию в благоприятную среду для джихадистов и террористов со всего мира. Не случайно с 2012 г. громкие теракты стали обыденным явлением в Турции: в июне–августе 2012 г. в провинции Хаккари была совершена серия терактов, в сентябре 2012 г. смертник подорвал себя в стамбульском районе Султангази, в феврале 2013 г. взрывы прогремели у стен американского посольства в Анкаре, в январе 2015 г. чеченка Диана Рамазанова подорвала себя в центре исторического района Стамбула Султанахмет, в июле 2015 г. теракт в Суруче унес жизни 34 человек (более 100 ранено), в октябре 2015 г. в Анкаре был совершен один из самых кровавых в истории страны терактов (109 погибших и более 500 раненых). В 2016 г., когда террористическая активность в стране достигла пиковых значений, в Турции было совершено 16 громких терактов (в Стамбуле, Анкаре, Бурсе, Газиантепе, Диярбакыре), в которых погибло более 300 человек.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Sabah, 4/02/2015. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2015/02/04/3-bin-329-polise-sorusturma-acildi>

⁵⁰ Cumhuriyet, 23/07/2014. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/98173/_Erdogan_in_emri_ile_ISiD_e_silah_gonderildi_.html; BirGun, 14/01/2015. URL: <https://www.birgun.net/haber-detay/iste-silah-tasiyan-mit-tirlariyla-ilgili-yayin-yasagi-getirilen-belgeler-73948.html>

На фоне роста террористической активности в 2010-е годы правительство ПСР стало препятствовать освещению в СМИ темы борьбы терроризмом в целом и антитеррористической деятельности спецслужб. Против журналистов, публиковавших информацию о связях национальной разведывательной службы с джихадистами, заводились уголовные дела, их отстраняли от работы, нередко они получали угрозы от агентов спецслужб и т.д.⁵¹ Самая громкая история подобного рода — арест в ноябре 2015 г. главного редактора старейшей турецкой газеты «Джумхуриет» Джана Дюндара за публикацию материалов о связях турецких спецслужб с боевиками ИГИЛ и тайных поставках оружия боевикам-исламистам, воюющим против правительства Б. Асада⁵². Президент Р.Т. Эрдоган публично обвинил Дюндара в государственной измене и потребовал для него пожизненного заключения⁵³, что стало прелюдией к тотальной санации медиа-сферы после путча 15 июля 2016 г.⁵⁴

* * *

До недавнего времени Турцию было принято именовать одной из самых вестернизированных стран Ближнего и Среднего Востока. На заре 2000-х годов, когда официальное признание за Анкарой статуса кандидата на вступление в ЕС дало мощный толчок политической модернизации и демократизации, многим казалось, что Турция обречена стать стопроцентным членом западного сообщества во всех смыслах вплоть до членства в Евросоюзе. Однако «золотой период» европеизации Турции оказался непродолжительным и фактически окончился с открытием официальных переговоров о вхождении в ЕС (октябрь 2005 г.). Деграция политического сотрудничества и взаимное разочарование — таковы ключевые характеристики взаимоотношений Турции со странами Запада, начиная со второй половины 2000-х годов.

Стагнация евроинтеграции негативно отразилась на сотрудничестве Турции с Западом в вопросах борьбы с терроризмом и в сфере

⁵¹ Sendika.org. 21/02/2015. URL: <http://sendika62.org/2015/02/ahmet-sik-suikast-iddiasini-mihrac-urala-sordu/>

⁵² İşte Erdoğan'ın yok dediği silahlar // Cumhuriyet. 29/05/2015. Данный резонансный материал недоступен на сайте газеты. Его копия сохранена на «Платформе независимой журналистики» (24P — Bağımsız Gazetecilik Platformu), URL: <http://platform24.org/medya-izleme/925/-iste-erdogan-in-yok-dedigi-silahlar>

⁵³ The Guardian. 03/06/2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/jun/03/turkish-president-erdogan-wants-editor-jailed-for-espionage-in-video-row>

⁵⁴ См.: Шлыков П.В. Формула консолидации власти: политический процесс в Турции на фоне путча // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. Т. 4. № 4. С. 116–140.

международной безопасности в целом. Использование джихадистов в реализации региональной политики в 2010-е годы не только вошло в репертуар тактических приемов «на сирийском направлении», но стало частью долгосрочной стратегии по взаимодействию с негосударственными акторами для усиления своих позиций и влияния в регионе (в свое время такую тактику широко использовал Иран). Примеры особого отношения турецких спецслужб к воюющим в Сирии джихадистам, как и налаживание контактов с «Братьями мусульманами», ХАМАС и подобными структурами — фактически, стали составными элементами общей стратегии, нацеленной на упрочение Турции в роли «центрального государства» региона.

Отчуждение от нормативной модели европейской безопасности по времени совпало с началом политической делиберализации внутри самой Турции. Последовательно наращивая электоральную, ПСР все меньше нуждалась в «факторе ЕС» для мобилизации сторонников и противостояния политическим оппонентам. Если в начале 2000-х годов вопросы демократических свобод были актуальны для ПСР в качестве гарантий политического выживания перед лицом угроз со стороны светской кемалистской элиты, то к концу 2000-х годов, обладая достаточной социальной базой, ПСР могла позволить себе жесткое преследование «идеологических врагов» (громкие судебные разбирательства «Эргенекон», «Кувалда» и др.). При этом во внутривластной жизни 2010-х годов доминантой стали процессы делиберализации — законодательные ограничения на свободу слова и собраний, силовое подавление протестов, уголовное преследование политических оппонентов.

Нарастающая нестабильность по периметру границ и обострение всего комплекса внутривластных проблем с начала 2010-х годов ведут к тому, что с каждым годом цена удержания власти для Эрдогана становится все дороже, а выстраивание отношений с региональными и глобальными игроками — все труднее. Главные символы процветающей «Новой Турции» оказались заложниками политической конъюнктуры: в жертву принесена и «европейская мечта», с которой ПСР побеждала на первых своих выборах, и «турецкая модель» сопряжения ислама и демократии, и гражданские свободы, и экономический рост. На этом фоне происходит конструирование новой исторической мифологии, призванной окончательно выместить кемалистские ценности светской республики и сдержанной внешней политики неоконсервативными ориентирами, причудливо соединяющими ностальгию по османскому прошлому и концепцию Турции как «центральной державы макрорегиона Афроевразии».

Практическим проявлением этой «неоконсервативной политики» или «неоосманизма», как ее нередко именуют в России и на Западе, стала героизация «Блистательной Порты» в произведениях массовой культуры (особенно в создаваемых с господдержкой фильмах и сериалах) и стремление закрепить военно-политическое присутствие в «османском геополитическом пространстве», нередко действуя с опорой на джихадистов в региональной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия и Большой Ближний Восток. М., 2013. 52 с.
2. Турция: новая роль в современном мире. М., 2013. 80 с.
3. Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. 96 с.
4. 17/25 Aralık Sürecinin Emniyet Teşkilatının İnsan Kaynakları Uygulamaları Üzerine Etkisi. Ankara, 2014. 50 s.
5. Active Engagement, Modern Defense. Strategic Concept for the Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 November 2010. URL: http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_en.pdf.
6. Aykan M.B. Turkey and European Security and Defense Identity/Policy (ESDI/P): A Turkish View // Journal of Contemporary European Studies. Vol. 13, no. 3 (2005). P. 335–359.
7. Cayhan E. Towards a European Security and Defense Policy: With or Without Turkey? // Turkish Studies. Vol. 4, no. 1 (2003). P. 35–54.
8. Country Reports on Terrorism 2013. Washington, 2014. 318 p. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/225886.pdf>
9. European Security Strategy Paper. A Secure Europe in a Better World. Brussels, 2003. 14 p.
10. Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // Political Science Quarterly. Vol. 118 no. 3 (2003). P. 365–388.
11. Monitoring Team's report on the threat posed by ISIL and ANF (14 November 2014) // UN Security Council. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2014/815
12. Oğuzlu H.T., Güngör U. Peace Operations and the Transformation of Turkey's Security Policy // Contemporary Security Policy, Vol. 27, no. 3 (2006). P. 472–488.
13. Phillips C. Into the Quagmire: Turkey's Frustrated Syria Policy // Chatham House Briefing Paper, 01/12/2012, Middle East and North Africa Programme 2012/04. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/MiddleEast/1212bp_phillips.pdf
14. Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa
15. Taşpınar Ö. Turkey's Strategic Vision and Syria // Washington Quarterly, Vol. 35, no. 3 (2012). P. 127–140.
16. Uslu E. Jihadist Highway to Jihadist Haven: Turkey's Jihadi Policies and Western Security // Studies in Conflict & Terrorism. Vol. 39, no. 9. P. 781–802.
17. Wheeler N.J. The Bush Doctrine: The Dangers of American Exceptionalism in a Revolutionary Age // Asian Perspective, vol. 27, no. 4 (2003). P. 183–216.

СМИ

18. Независимая газета	28. Sabah
19. Al-Monitor	29. Sendika.org (Emeğin ve direnişin gündemi)
20. BBC	30. Taraf
21. BirGün	31. The Guardian
22. Bugün	32. The New York Times
23. Cumhuriyet	33. The Telegraph
24. Hürriyet	34. Today's Zaman
25. Hürriyet Daily News	35. Yeni Şafak
26. Milliyet	36. Zaman
27. Radikal	

Pavel V. Shlykov

THE TRANSFORMATION OF TURKEY'S ROLE IN THE STRUGGLE WITH INTERNATIONAL TERRORISM IN THE MIDDLE EAST

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The paper analyses Turkey's foreign policy towards the Middle East in the 2000s and early 2010s in two interrelated aspects — as a complicated search for mutually acceptable model of cooperation between Turkey and the West in question of international security and as a problem of differences in their perspectives on international security and approaches to its implementation in Turkey, EU and US. Relatively successful period of cooperation in the global war on terrorism in the 2000s did not help both Turkey and the West to overcome these conceptual differences. First, this prevented full-scale integration of Turkey into Western system of international security in the Middle East. Second, this facilitated the deepening of these differences in perspectives on international security and the struggle against those who were accused in terrorism and radicalism by the West. The “Arab spring” and further escalation of instability in the region since the early 2010s related to the new civil wars and the rise of the “Islamic State” spotlighted the directions of this divergence and accelerated Ankara's ambitions for a role of independent “regional power” in the Middle East with its own agenda and strategy for use of both state and non-state actors in the region

Key words: Turkey; Middle East; EU; US; international security; war on terrorism; Islamists; jihadists.

About the author: *Pavel V. Shlykov* — PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

REFERENCES

1. *Rossija i Bol'shoj Blizhnij Vostok [Russia and the Greater Middle East]*. M., 2013. 52 s.
2. *Turcija: novaža rol' v sovremennom mire [Turkey: A New Role in the Modern World]*. M., 2013. 80 s.
3. Ul'chenko N.Ju., Shlykov P.V. *Dinamika rossijsko-tureckih otnošenij v uslovijah narastanija global'noj nestabil'nosti [The Dynamics of Russian-Turkish Relations vis-à-vis the Rising Global Instability]*. M., 2014. 96 s.
4. *17/25 Aralık Sürecinin Emniyet Teşkilatının İnsan Kaynakları Uygulamaları Üzerine Etkisi*. Ankara, 2014. — 50 s.
5. *Active Engagement, Modern Defense. Strategic Concept for the Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 November 2010*. URL: http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_en.pdf.
6. Aykan M.B. Turkey and European Security and Defense Identity/Policy (ESDI/P): A Turkish View // *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 13, no. 3 (2005), pp. 335–359.
7. Cayhan E. Towards a European Security and Defense Policy: With or Without Turkey? // *Turkish Studies*, vol. 4, no. 1 (2003), pp. 35–54.
8. *Country Reports on Terrorism 2013*. Washington: U.S. Department of State Bureau of Counterterrorism, 2014. 318 p. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/225886.pdf>
9. *European Security Strategy Paper. A Secure Europe in a Better World*. Brussels: European Commission, 2003. 14 p.
10. Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // *Political Science Quarterly*, vol. 118, no. 3 (2003), pp. 365–388.
11. Monitoring Team's report on the threat posed by ISIL and ANF (14 November 2014) // *UN Security Council*. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2014/815
12. Oğuzlu H.T., Güngör U. Peace Operations and the Transformation of Turkey's Security Policy // *Contemporary Security Policy*, Vol. 27, no. 3 (2006), pp. 472–488.
13. Phillips C. Into the Quagmire: Turkey's Frustrated Syria Policy // *Chatham House Briefing Paper*, 01/12/2012, Middle East and North Africa Programme 2012/04. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/MiddleEast/1212bp_phillips.pdf
14. *Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009)* // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa
15. Taşpınar Ö. Turkey's Strategic Vision and Syria // *Washington Quarterly*, Vol. 35, no. 3 (2012), pp. 127–140.
16. Uslu E. Jihadist Highway to Jihadist Haven: Turkey's Jihadi Policies and Western Security // *Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 39, no. 9, pp. 781–802.
17. Wheeler N.J. The Bush Doctrine: The Dangers of American Exceptionalism in a Revolutionary Age // *Asian Perspective*, vol. 27, no. 4 (2003), pp. 183–216.

NEWSPAPERS

18. Al-Monitor	28. Sabah
19. BBC	29. Sendika.org (Emeğin ve direnişin gündemi)
20. BirGün	30. Taraf
21. Bugün	31. The Guardian
22. Cumhuriyet	32. The New York Times
23. Hürriyet	33. The Telegraph
24. Hürriyet Daily News	34. Today's Zaman
25. Milliyet	35. Yeni Şafak
26. Nezavisimaja gazeta	36. Zaman
27. Radikal	

И.А. Петров

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДСКИХ ЦЕНТРАХ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАЙДАРАБАДА)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В данной статье рассматривается языковая ситуация в индийском городе Хайдарабад, пестром в этнолингвистическом плане. В частности, приводится история развития двух наиболее значимых в данном регионе языков урду и телугу и их взаимоотношений. Анализируется эволюция статуса данных языков, например, важно изучить, каким образом менялось положение этих языков после интеграции княжества Хайдарабад в Индийский союз в сентябре 1948 г. В связи с этим исследуется вопрос применимости урду и телугу, которые имеют статус официальных языков, в различных сферах жизни общества, и какие предпринимаются действия по продвижению и развитию рассматриваемых языков. Отдельное внимание уделяется соотношению этнолингвистического и конфессионального аспектов в жизни индусской и мусульманской общин Хайдарабада, членам которых часто присущ билингвизм, а также влиянию языкового фактора на развитие межобщинных отношений в данном городе. Автор поднимает вопрос об отношениях между индийскими языками и английским языком в различных сферах жизни общества, исследует проблемы, которые возникают вследствие этого и возможные пути их решения.

Ключевые слова: языковая ситуация в Индии; статус урду и телугу; этнос и конфессия в Хайдарабаде; индусско-мусульманские отношения.

В современной Индии город Хайдарабад является одним из немногих городов, в котором соотношение индусского и мусульманского населения практически одинаково. Этот город, находящийся в самом сердце полуострова Индостан, сочетает в себе особенности североиндийской (индоарийской) и южноиндийской (дравидской) культур. Такое «срединное» географическое положение привело к тому, что Хайдарабад в равнозначной степени впитал в себя черты, присущие как Северу Индии, так и ее Югу, поэтому традиционно

Петров Иван Анатольевич — аспирант кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: samara-ivan@mail.ru).

считается, что Хайдарабад — это и «север Юга», и «юг Севера». В то же время Хайдарабад — место, в котором сливаются индусские и мусульманские традиции. Хайдарабад — столица одноименного мусульманского княжества, всегда считался важным культурным центром, в котором переплетались могольские, персидские и центральноазиатские традиции с индусской, сикхской, христианской и парсийской культурами. Хайдарабад — один из первостепенных центров литературы на языке урду. Неслучайно появление в исследовательской традиции такого термина, как хайдарабадская культура. Она имела свои отличительные особенности, которые находили выражение в одежде, еде, обычаях и архитектуре. Религиозный состав княжества был многообразным. Большая часть населения была индусской, в то время как верхушка Хайдарабада в основной своей массе была мусульманской. При этом Хайдарабад был пестр с лингвистической точки зрения, поскольку в нем проживали различные этнические группы, представители которых говорили на урду, телугу, маратхи, каннада. С вхождением Хайдарабада в Индию в регионе получили распространение хинди и английский язык.

После интеграции княжества Хайдарабад в Индийский Союз в 1948 г. урду лишился своего статуса официального языка. Языком штата Хайдарабад, а позднее и Андхра-Прадеша, был объявлен английский язык, поскольку телугу, который был языком большинства местного населения, не смог занять это место. Главным образом это было связано с тем, что в штате сохранялась острота противоречий между носителями телугу и урду. Английский язык стал компромиссным выбором, так как хинди, даже будучи государственным языком, был не способен стать основным языком в регионе, потому что южные штаты были недовольны «навязыванием» этого североиндийского языка. И лишь спустя 10 лет после образования штата Андхра-Прадеш, который был сформирован по лингвистическому принципу, в 1966 г. телугу приобрел статус официального языка штата¹. На сегодняшний день телугу является официальным языком в штатах Телангана и Андхра-Прадеш, а также в дистрикте Янам союзной территории Пондишerry. 85% населения Теланганы и Андхры говорят на телугу. По числу носителей (около 75 млн человек) телугу занимает третье место в Индии после хинди и бенгали.

Город Хайдарабад до присоединения одноименного княжества к Индии в 1948 г. был важнейшим центром урду на Индостане.

¹ Telugu declared official language. The Hindu: e-paper. 2005. URL: <http://www.hindu.com/2005/09/18/stories/2005091803740600.htm> (Retrieved: 15.12.2017).

С 1893 г. и вплоть до 1948 г. урду являлся официальным языком княжества (до этого его функцию выполнял персидский язык). Хайдарабадский урду считается диалектом *дакхини* (деканского урду), который получил распространение с приходом мусульман на Декан. Местный урду отличался от стандартного североиндийского варианта, так как на лексику и грамматику хайдарабадского урду оказали огромное влияние такие языки, как телугу, маратхи и каннада. На протяжении нескольких десятилетий с момента основания университета Османия в 1918 г. урду являлся языком образования, в частности, на нем преподавались такие предметы, как инженерное дело и медицина. Урду был главным языком администрации, литературы и науки. После интеграции княжества Хайдарабад в Индийский Союз в сентябре 1948 г. и ликвидации штата Хайдарабад в 1956 г. положение урду коренным образом изменилось: из официального языка он стал языком второстепенным². Одним из первых действий генерал-майора Чаудхури, который руководил действиями индийской армии в ходе операции «Поло»³, была замена урду на английский язык в системе образования⁴.

Согласно переписи 1941 г., 56% населения Большого Хайдарабада⁵ считало урду своим родным языком. Уже в 1961 г. этот показатель снизился до 36%. Для всего княжества Хайдарабад на 1941 г. число носителей урду составляло 13%, а к 1951 г., в результате операции «Поло» и связанных с ней гибелью и эмиграцией мусульман-носителей урду, эта цифра сократилась почти в два раза и составила 7%⁶.

На протяжении нескольких лет после присоединения княжества образованию на урду в Хайдарабаде не уделялось должного внимания. Такое отношение привело к тому, что молодое поколение мусульман с трудом могло читать произведения, написанные в арабо-персидской графике. Существовало несколько частных образовательных центров, руководимых мусульманами, где в качестве факультативного предмета фигурировал урду. Некоторые пытались изучать урду в домашних условиях или же посещали медресе, но в них делался упор на изучении арабского языка и Корана⁷.

² Farouqui A. Urdu Education in India: Four Representative States. Economic and Political Weekly. Vol. 29. No. 14 (Apr. 2, 1994). P. 784.

³ Ввод индийский войск на территорию княжества Хайдарабад.

⁴ Khalidi O. A Report on the State of Urdu Literacy in India. 2010. P. 31–32.

⁵ Включает собственно Хайдарабад, Сикандарабад и прилегающие районы.

⁶ Kruizinga P. Communal Violence in Hyderabad and the Henry Martyn Institute. Pietkruzinga: e-paper. 2008. URL: http://pietkruizinga.blogspot.ru/2008_03_16_archive.html (Retrieved: 15.12.2017).

⁷ Farouqui A. Op. cit. P. 784–785.

Ситуация начала меняться с середины 1960-х годов. В 1966 г. урду был объявлен вторым официальным языком штата Андхра-Прадеш, точнее, в некоторых его районах, наряду с языком телугу, и на тот момент вопрос о том, чтобы дать урду статус языка преподавания в школах, не возникал. Тем не менее сам факт, что правительство штата обратило внимание на проблему урду, встретил одобрение среди мусульманского населения Хайдарабада, ибо этим было показано особое положение мусульман в регионе. Однако действия правительства вызвали возмущение среди маратхского и каннадского меньшинств, которые требовали такого же статуса для своих языков⁸. В 2001 г. число районов Андхра-Прадеша, в которых урду был объявлен вторым официальным языком, увеличилось до 14. В основном это районы Теланганы, ранее входившей в состав княжества Хайдарабад. После образования штата Телангана в 2014 г. урду приобрел статус второго официального языка. На сегодняшний день сфера применения урду наравне с телугу является достаточно обширной:

- на урду проводятся экзамены, на основании которых человек может получить должность в государственных учреждениях штата;
- на урду составляются некоторые официальные документы;
- язык используется в судебной системе штата.

По данным переписи 2011 г., мусульмане Андхра-Прадеша составляли около 9% от общего числа населения штата. В Хайдарабаде эта цифра превышает 40%. При этом большая часть мусульман в качестве своего родного языка называет урду, но бывают и исключения. Исследования начала 2000-х годы показывают, что среди мусульман Хайдарабада есть те, кто считает телугу своим основным языком. Аналогично некоторые индусы-телугу назвали своим родным языком урду. На 2003 г. показатели для Хайдарабада были следующими⁹:

Общее население Хайдарабада, млн человек	Общее число носителей урду, млн человек	Мужчины, млн человек	Женщины, млн человек
3,14	1,22	0,63	0,59

⁸ Khalidi O. Opt. cit. P. 80–82. Следует отметить, что бывшее княжество Хайдарабад состояло из трех исторических областей, в каждой из которой превалировал свой язык: в Телангане — язык телугу, в Маратхваде — маратхи, в Карнатаке — каннада.

⁹ Fatihi A.R. Urdu in Andhra Pradesh // Language in India. V. III. 4 April 2003. URL: <http://www.languageinindia.com>

В то же самое время общее число мусульман Хайдарабада составляло 1,23 млн человек, т.е. остальные 10 тыс. мусульман не считали урду своим родным языком. Так же стоит отметить, что представителям мусульманской общины Хайдарабада присущ билингвизм, при этом большая часть общины использует в своей повседневной жизни телугу в качестве второго языка, но некоторые указывают вторым языком также арабский или хинди. Вместе с этим особого внимания требует тот факт, что абсолютное большинство хайдарабадских индусов и мусульман являются этническими телугу, так что разделение на урдуговорящих мусульман и телугуговорящих индусов является скорее историко-культурным, нежели этнолингвистическим, за редким исключением потомков переселенцев-мусульман.

Несмотря на многочисленные правительственные программы по повышению образовательного уровня населения, низкий уровень грамотности в современной Индии является одной из серьезнейших проблем, которая четко просматривается на примере мусульманского населения. Хайдарабад приобрел славу высокоразвитого города, однако уровень образования хайдарабадских мусульман оставляет желать лучшего¹⁰:

Общее население, млн человек	Общее число грамотных, млн человек	Мужчины, млн человек	Женщины, млн человек
3,14	1,89 (60%)	1,09 (57, 2%)	0,8 (42,7%)

На территории Хайдарабада ведут свою деятельность некоторые просветительские организации, например, Анджуман-е-таракки-е-урду¹¹, ставящей своей главной задачей сохранение, развитие и распространение языка урду. В Хайдарабаде в настоящий момент действуют несколько школ, где преподается урду, однако в связи с этим возникает множество проблем. Во-первых, учителей, которые могли бы преподавать урду, недостаточно. Во-вторых, школы испытывают нехватку в учебниках и книгах, написанных на урду. Кроме того, со стороны государства школам не оказывается существенная экономическая помощь¹². И все-таки, несмотря на все затруднения, урду и образование на нем продолжает развиваться, что очень важно для

¹⁰ Ibid.

¹¹ Анджуман-е-таракки-е-урду — Общество развития урду (урду).

¹² Khalidi O. Opt. cit. P. 80–82.

мусульманской общины, поскольку язык представляет собой один из главнейших аспектов общинной идентификации. Это тот ключ, который открывает двери к пониманию внутреннего устройства общины.

Язык телугу имеет богатую историю в области Андхра, и вместе с тем становление и признание его в качестве официального языка штата Андхра-Прадеш и одного из 22 государственных языков современной Индии было непростым. Литературные памятники на телугу стоят в одном ряду с произведениями, написанными на индийских классических языках, например, санскрите и тамильском языке. В 2008 г. телугу был удостоен статуса классического языка Индии¹³, что явилось признанием его значимости в индийской культуре и истории¹⁴.

Телугу не случайно был возведён в ранг классического языка. Первые письменные, точнее, эпиграфические источники на нём относятся к VI в. н.э. Телугу испытал значительное влияние со стороны санскрита и индоарийских диалектов — *пракритов*, в то время как он сам относится к дравидийской языковой семье. Расцвет литературы телугу пришёлся на период существования южноиндийской империи Виджаянагар (XIV–XVII вв.), в состав которой входили 2/3 территории современного штата Андхра-Прадеш. Именно к этому времени относится большое число надписей на языке телугу. Помимо этого активно развивались проза и поэзия.

Территория современной Теланганы входила в состав государства Бахманидов (XIV–XVI вв.), правители которого были мусульманами. С распространением исламского влияния в регионе усиливаются контакты местных жителей с мусульманской культурой, а лексика телугу обогащается заимствованиями из арабского, персидского и тюркских языков. В то же самое время наблюдается оттеснение языка телугу на вторые роли из сферы управления. Активнее этот процесс стал развиваться в XVII–XVIII вв., и было это связано с тем, что Декан попал под власть могольских правителей. Официальным языком могольского двора был персидский, получивший широкое

распространение на Декане в период правления династии Асаф-Джахи — формальных вассалов Великих Моголов.

Время нахождения Асаф-Джахи на троне Хайдарабада ознаменовано тем, что индийским языкам не уделялось должного внимания, в частности, не поощрялось создание произведений на этих языках, не говоря уже об их использовании в сфере государственного управления. Ситуация кардинальным образом изменилась в конце XIX в., когда персидский язык был вытеснен индийским языком урду. С этого момента начинают возникать противоречия между носителями урду и телугу, ибо урду стал восприниматься в качестве языка элиты (прежде всего мусульманской), знание которого гарантировало привилегии на государственной службе. В то же самое время языком абсолютного большинства княжества Хайдарабад был телугу, не выдерживавший в официальной сфере конкуренции со своим североиндийским соперником урду.

Вплоть до начала XX в. не наблюдалось активной политической деятельности среди народа телугу в Хайдарабаде. В 1920–1930-е годы произошло усиление движений за укрепление самосознания телугу¹⁵. Так, к этому периоду относится возникновение движения в защиту *далитов*¹⁶ Теланганы, лидеры которого выступали против брахманов, а также произносили антиисламские лозунги, перераставшие порой в агитацию против режима низама¹⁷. Вероятно, это было связано с тем, что в первые десятилетия XX в. правительство низама поощряло обращение индусов (в основном низкастовых и неприкасаемых) в ислам, тем самым пытаясь увеличить процент мусульманского населения в Хайдарабаде.

Возникновение общества в защиту языка телугу часто связывают с именем Мадапати Хануманта Рао¹⁸. В 1921 г. М.Х. Рао основал организацию Андхра джана сангхам¹⁹, главной целью которой было продвижение языка телугу и литературы на нём. По одной из версий, организация была создана после того, как во время конференции по общественным вопросам Хайдарабада²⁰ адвокат Аллампали

¹⁵ Скорее всего, на этот процесс влияла активизация политической деятельности в Британской Индии.

¹⁶ Данная категория объединяет низкастовые и внекастовые группы населения.

¹⁷ Andhra Pradesh Human Development Report 2007 (by Centre of Economic and Social Studies). P. 24.

¹⁸ Он известен как политик, активист, а также первый мэр Хайдарабада (1951–1954). За свой вклад в укрепление самосознания народа телугу Мадапати Хануманта Рао получил звание Андхра Питамаха — «Великий отец [народа] андхра».

¹⁹ Андхра джана сангхам — Союз народа андхра (телугу).

²⁰ Nizam State Social Conference.

¹³ Критериями предоставления языку статуса классического являются: древность литературной традиции (1500–2000 лет), большой корпус литературных памятников, отличие литературной формы языка от современных разговорных форм. Так, к классическим языкам Индии относятся: тамильский (2004), санскрит (2005), телугу (2008), каннада (2008), малаялам (2013), ория (2014).

¹⁴ *Telugu, Kannada to Get Classical Language Status*. The Indian Express: e-paper. 2008. URL: <http://archive.indianexpress.com/news/telugu-kannada-to-get-classical-language-status/348627/> (Retrieved: 15.12.2017).

Венката Рамарао обратился к участникам на телугу, что вызвало недовольство зала. Хануманта Рао, присутствовавший на собрании, увидел в этом эпизоде дискриминацию в отношении языка телугу и его носителей, поскольку незадолго до речи А.В. Рамарао выступавшие обращались к публике на урду, английском и маратхи²¹. Важным достижением Хануманта Рао является открытие в 1928 г. в Хайдарабаде одной из первых в Индии школ для девочек (позднее получившую имя Мадапади Хануманта Рао), преподавание в которой велось на телугу²².

В 1930 г. Андхра джана сангхам была переименована в Андхра махасабха (АМС)²³, лидеры которой ратовали за социальное, экономическое и культурное возрождение народа телугу. Организация регулярно проводила конференции, и одной из самых значимых в истории АМС стала конференция 1935 г., на которой председательствовал М.Х. Рао. В ходе ее работы была принята программа организации, включавшая следующие положения:

- 1) необходимо полностью пересмотреть образовательную систему Хайдарабада;
- 2) начальное образование должно стать обязательным;
- 3) обучение должно вестись на телугу;
- 4) нужно защищать права крестьян, находившихся в подчинении у помещиков — *джагирдаров*;
- 5) детские браки не должны поощряться;
- 6) следует отменить неприкасаемость.

К 1940-м АМС начала тесно сотрудничать с коммунистами, чьи позиции были сильны в Телангане. Это было логично, поскольку коммунисты вели активную деятельность среди крестьянского населения Теланганы (большая часть которых была телугу), что и привело к сближению с Андхра махасабха. К 1946 г. коммунисты стали доминирующей силой среди политической элиты АМС. В этом же году правительство низама ввело запрет на деятельность коммунистов в Хайдарабаде, и, как следствие, Андхра махасабха приостановила свою работу.

В 1975 г. в Хайдарабаде прошла первая Международная конференция языка телугу, ставившая своим приоритетом продвижение этого языка. К настоящему моменту состоялись четыре конференции: 1975 г. — в Хайдарабаде; 1981 г. — в Куала-Лумпуре (Малайзия);

²¹ Так, на начало XX в. 50% населения княжества Хайдарабад говорили на телугу, 25% — на маратхи, 12,5% — на каннада, и лишь 12,5% — на урду.

²² Rao P. Rajeswar. The Great Indian Patriots. V. II. New Delhi, 1991. P. 227–228.

²³ Андхра махасабха — великое собрание народа андхра (телугу).

1990 г. — на Маврикий; 2012 г. — в Тирупати (Андхра-Прадеш). Все выступления и обсуждения ведутся исключительно на телугу. Часто почетными гостями являются известные писатели и поэты, которые зачитывают перед публикой свои произведения. Кроме того, на конференции приезжают знаменитые представители народа телугу, например, актеры, певцы, спортсмены, видные политические деятели²⁴.

Несмотря на свой высокий статус, телугу испытывает ряд сложностей. Так, в сфере образования бывшего штата Андхра-Прадеш преобладал английский язык и хинди, поскольку использование телугу как языка преподавания не являлось обязательным в начальных, средних школах и колледжах. В школах, где обучение осуществляется только на английском языке, часто вообще отсутствует преподавание телугу. Наблюдается тенденция использовать английский язык в частных компаниях и правительственных учреждениях, хотя родным языком большей части служащих является телугу. Сфера СМИ демонстрирует совершенно иную ситуацию. Например, число газет и других периодических изданий на телугу в десять раз превышает количество англоязычных изданий. На сегодняшний момент в Индии ведут вещание около 60 телевизионных каналов на телугу.

2013 г. был объявлен годом развития языка телугу в штате Андхра-Прадеш²⁵. Такое решение было принято в ходе работы Комиссии по статусу официального языка штата Андхра-Прадеш в 2012 г. Именно эта комиссия стала инициатором созыва упомянутой выше четвертой Международной конференции языка телугу в Тирупати. После окончания работы комиссии были приняты следующие положения:

- 1) телугу становится обязательным предметом в школах до 10 класса начиная с 2013/2014 уч. г.²⁶;
- 2) все вывески на государственных учреждениях, а также на магазинах должны в обязательном порядке быть продублированы с английского языка на телугу²⁷;

²⁴ World Telugu Conference: Then and Now. The Hindu: e-paper. 2012. URL: <http://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/world-telugu-conference-then-and-now/article4167022.ece> (Retrieved: 15.12.2017).

²⁵ 2013 Declared Telugu Development Year. The Hans India: e-paper. 2013 URL: <http://www.thehansindia.com/posts/index/2013-07-26/2013-declared-Telugu-Development-Year-5402> (Retrieved: 15.12.2017).

²⁶ Telugu to Be Compulsory in State Schools. The New Indian Express: e-paper. 2013. URL: http://www.newindianexpress.com/states/andhra_pradesh/article1440036.ece (Retrieved: 15.12.2017).

²⁷ Shop Signs Must Be in Telugu. The Times of India: e-paper. 2012. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Shop-signs-must-be-in-Telugu/articleshow/17344648.cms?referral=PM> (Retrieved: 15.12.2017).

3) для удобства пользователей Интернета нужно перевести шрифт телугу в систему Юникод²⁸;

4) вся официальная документация на уровне штата должна копироваться на телугу²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что языковая политика в штате, в целом, и в Хайдарабаде, в частности, довольно противоречивая и неоднозначная. Так, в ретроспективе наблюдается соперничество между языками телугу и урду, которые в настоящий момент во многих сферах жизни общества уступают свои позиции английскому языку, владение которым является пропуском к высокооплачиваемым должностям и важным ресурсом (прежде всего финансовым и информационным)³⁰. Вследствие этого как урду, так и телугу нуждаются в развитии и продвижении на всех уровнях, начиная от начального образования вплоть до использования в государственных учреждениях. Пример языка телугу демонстрирует, что приобретение статуса официального языка в штате/штатах автоматически не означает готовность этого языка удовлетворять потребности общества. Значительное место в развитии языковой ситуации в Хайдарабаде занимает правительственная политика по распространению языка хинди в штатах за пределами хиндиязычного пояса, связанная с расширением зоны применения хинди как официального государственного языка.

Важной проблемой, связанной с языковой ситуацией в Хайдарабаде, является влияние лингвистического фактора на развитие межобщинных отношений в городе. Безусловно, апологеты межобщинных противоречий активно используют лингвистическую риторiku, пытаясь провести линию раздела по следующим признакам: все индусы говорят исключительно на телугу, в то время как языком мусульман является урду. Однако выше было доказано, что такое разделение не соответствует действительности в современном Хайдарабаде, поскольку есть представители индусской общины, родным языком которых является урду, и есть мусульмане, говорящие исключительно на телугу.

²⁸ Telugu Set to Become World Language. The Times of India: e-paper. 2011. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Telugu-set-to-become-world-language/articleshow/9916891.cms?referral=PM> (Retrieved 15.12.2017).

²⁹ Officials Appending Signatures in Telugu. The Hindu: e-paper. 2013. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-national/tp-andhrapradesh/officials-appending-signatures-in-telugu/article4388356.ece> (Retrieved: 15.12.2017).

³⁰ Нужно сказать, что до событий 1948 г. английский язык не был распространен в княжестве Хайдарабад, не считая Сикандарабада, который являлся центром британского влияния в регионе. В прибрежной Андрхе же, которая являлась британским владением, английский использовался повсеместно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Л.А. От «шахского двора» до языка урду — Язык до Индии доведет. М., 2008. С. 275–306.
2. 2013 Declared Telugu Development Year. The Hans India: e-paper. 2013. URL: <http://www.thehansindia.com/posts/index/2013-07-26/2013-declared-Telugu-Development-Year-5402> (Retrieved: 15.12.2017).
3. Andhra Pradesh Human Development Report 2007 (by Centre of Economic and Social Studies).
4. Farouqui A. Urdu Education in India: Four Representative States. Economic and Political Weekly. Vol. 29. No. 14 (Apr. 2, 1994). P. 782–785.
5. Fatihi A.R. Urdu in Andhra Pradesh. Language in India: e-paper. 2003. URL: <http://www.languageinindia.com> (Retrieved: 15.12.2017).
6. Khalidi O. A Report on the State of Urdu Literacy in India. 2010.
7. Kruizinga P. Communal Violence in Hyderabad and the Henry Martyn Institute. Pietkruizinga: e-paper. 2008. URL: http://pietkruizinga.blogspot.ru/2008_03_16_archive.html (Retrieved: 15.12.2017).
8. Officials Appending Signatures in Telugu. The Hindu: e-paper. 2013. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-national/tp-andhrapradesh/officials-appending-signatures-in-telugu/article4388356.ece> (Retrieved: 15.12.2017).
9. Rao P. Rajeswar. The Great Indian Patriot. V. II. New Delhi, 1991.
10. Shop Signs Must Be in Telugu. The Times of India: e-paper. 2012. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Shop-signs-must-be-in-Telugu/articleshow/17344648.cms?referral=PM> (Retrieved: 15.12.2017).
11. Telugu declared official language. The Hindu: e-paper. 2005. URL: <http://www.hindu.com/2005/09/18/stories/2005091803740600.htm> (Retrieved: 15.12.2017).
12. Telugu, Kannada to Get Classical Language Status. The Indian Express: e-paper. 2008. URL: <http://archive.indianexpress.com/news/telugu-kannada-to-get-classical-language-status/348627/> (Retrieved: 15.12.2017).
13. Telugu Set to Become World Language. The Times of India: e-paper. 2011. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Telugu-set-to-become-world-language/article-show/9916891.cms?referral=PM> (Retrieved: 15.12.2017).
14. Telugu to Be Compulsory in State Schools. The New Indian Express: e-paper. 2013. URL: http://www.newindianexpress.com/states/andhra_pradesh/article1440036.ece (Retrieved: 15.12.2017).
15. World Telugu Conference: Then and Now. The Hindu: e-paper. 2012. URL: <http://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/world-telugu-conference-then-and-now/article4167022.ece> (Retrieved: 15.12.2017).

Ivan A. Petrov

THE LANGUAGE SITUATION IN THE URBAN CENTRES OF INDEPENDENT INDIA (A CASE OF HYDERABAD)

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991

This article dwells upon the language situation in Hyderabad, which is very diverse from the ethnolinguistic point of view. The author gives the historical description of the Urdu and Telugu languages and their relationship. The author also analyzes the evolution of the status of these languages, and it is important to find out how their position has changed after the princely state of Hyderabad was integrated

into the Indian Union in September 1948. What's more, it is essential to know the spheres in which Urdu and Telugu, though being official languages, can be used, and what measures could be taken to promote and develop these languages. Special attention is paid to the correlation of ethnolinguistic and confessional aspects in the life of the Hindu and Muslim communities of Hyderabad, whose members are often bilingual. In addition, the author raises the question of the relationship between Indian languages and English in various spheres of society, and studies the problems that this issue arises and possible solutions to it.

Key words: Language Situation in India; Status of Urdu and Telugu; Ethnos and Confession in Hyderabad; Hindu-Muslim Relations.

About the author: *Ivan Anatolyevich Petrov* — post-graduate student of the Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: samara-ivan@mail.ru).

REFERENCES

1. *2013 Declared Telugu Development Year*. The Hans India: e-paper. 2013. URL: <http://www.thehansindia.com/posts/index/2013-07-26/2013-declared-Telugu-Development-Year-5402> (Retrieved: 15.12.2017).
2. *Andhra Pradesh Human Development Report 2007* (by Centre of Economic and Social Studies).
3. Farouqui A. Urdu Education in India: Four Representative States. *Economic and Political Weekly*. Vol. 29. No. 14 (Apr. 2, 1994). P. 782–785.
4. Fatihi A.R. *Urdu in Andhra Pradesh*. Language in India: e-paper. 2003. URL: <http://www.languageinindia.com> (Retrieved: 15.12.2017).
5. Khalidi O. *A Report on the State of Urdu Literacy in India*. 2010.
6. Kruizinga P. *Communal Violence in Hyderabad and the Henry Martyn Institute*. Pietkruizinga: e-paper. 2008. URL: http://pietkruizinga.blogspot.ru/2008_03_16_archive.html (Retrieved: 15.12.2017).
7. *Officials Appending Signatures in Telugu*. The Hindu: e-paper. 2013. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-national/tp-andhrapradesh/officials-appending-signatures-in-telugu/article4388356.ece> (Retrieved: 15.12.2017).
8. Rao P. Rajeswar. *The Great Indian Patriots*, v. II. New Delhi, 1991.
9. *Shop Signs Must Be in Telugu*. The Times of India: e-paper. 2012. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Shop-signs-must-be-in-Telugu/articleshow/17344648.cms?referral=PM> (Retrieved: 15.12.2017).
10. *Telugu declared official language*. The Hindu: e-paper. 2005. URL: <http://www.hindu.com/2005/09/18/stories/2005091803740600.htm> (Retrieved: 15.12.2017).
11. *Telugu, Kannada to Get Classical Language Status*. The Indian Express: e-paper. 2008. URL: <http://archive.indianexpress.com/news/telugu-kannada-to-get-classical-language-status/348627/> (Retrieved: 15.12.2017).
12. *Telugu Set to Become World Language*. The Times of India: e-paper. 2011. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/Telugu-set-to-become-world-language/article-show/9916891.cms?referral=PM> (Retrieved: 15.12.2017).
13. *Telugu to Be Compulsory in State Schools*. The New Indian Express: e-paper. 2013. URL: http://www.newindianexpress.com/states/andhra_pradesh/article1440036.ece (Retrieved: 15.12.2017).
14. Vasilyeva L.A. Ot "shahskogo dvora" do yazyka urdu (From "the Shah's Court" to the Urdu Language). *Yazyk do Indii dovedyet* (The Tongue Will Lead You to India). M, 2008, pp. 275–306.
15. *World Telugu Conference: Then and Now*. The Hindu: e-paper. 2012. URL: <http://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/world-telugu-conference-then-and-now/article4167022.ece> (Retrieved: 15.12.2017).

А.Б. Шарова

УТИДА МАСАО. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья посвящена изучению основных этапов жизни и творчества японского ученого-западника, писателя, переводчика, преподавателя второй половины XIX в. Утида Масао (1839–1876). Главным его произведением считается труд по мировой географии «*Ёти сираку*» («Краткое описание мира», 1871–1880), ставшего бестселлером в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Энциклопедия «*Ёти сираку*» была настолько популярна, что ее называли одной из «трех [выдающихся] книг эпохи Мэйдзи» (*Мэйдзи но сансё*). Несмотря на то что Утида Масао оставил богатое литературное наследие, в настоящий момент имя его практически забыто.

Ключевые слова: Утида Масао; мировая география; энциклопедия; «*Ёти сираку*»; эпоха Мэйдзи.

Механизмы культурной памяти не всегда объяснимы, а порой причудливы. Ярким примером являются посмертные судьбы двух великих публицистов периода Мэйдзи (1868–1912) Фукудзава Юкити (1835–1901)² и Утида Масао (1839–1876)³. Имя одного из них стало настоящим символом эпохи, его труды переиздаются, и по сей день исследуется его творческое наследие, а имя другого забыто. Тем не менее в период Мэйдзи ученого-западника, писателя, педагога, преподавателя Утида Масао фактически считали равным Фукудзава Юкити.

Даже в современной японской историографии имя Утида Масао не столь широко известно, хотя ему и посвящено некоторое количество статей. Это можно объяснить тем, что на сегодня сохранилось довольно мало источников, касающихся его жизни⁴. Так, например,

Шарова Анна Борисовна — аспирант кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anchyk90@yandex.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межкультурные контакты».

² 福沢諭吉

³ 内田正雄

⁴ *Kim Gyewon*. Registering the Real: Photography and the Emergence of New Historic Sites in Meiji Japan. A dissertation submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. Monreal, 2010. P. 51.

часть документов была утеряна во время Великого землетрясения Канто в 1923 г.⁵

Утида Масао прожил совсем недолго, всего 37 лет, и вероятно, еще и в этом кроется причина практически полного исчезновения его имени из исторической памяти⁶. Но он много успел сделать, написал несколько работ, в том числе первый полный труд по мировой географии, изданный на японском языке⁷, ставший бестселлером в период Мэйдзи⁸. Энциклопедию «*Ёти сираку*» («Краткое описание мира») вместе с трактатами Фукудзава Юкити «*Гакумон но сусумэ*» («Поддержка в обучении») и Накамура Масанао «*Сайкоку рисси-хэн*» («Европейское руководство как самому достичь успеха») принято объединять под общим названием «Три [выдающиеся] книги эпохи Мэйдзи» (*Мэйдзи но сансё*)¹², что само по себе уже говорит о весьма значительном вкладе Утида Масао в японскую просветительскую мысль того времени.

Утида Масао родился в 1838 г. в семье *гокэнин*¹³ Маннэн Сабуро-бэй¹⁴ в г. Эдо, однако впоследствии, женившись, стал зятем и приемным сыном *хатамото*¹⁵ Утида Сюдзэн¹⁶. С ранних лет он проявлял способности к обучению. С 1856 г. начал изучать голландский язык¹⁷. В 1857 г. Утида Масао поступил в Морское училище г. Нагасаки, где в течение двух лет постигал математику и корабельное дело под руководством голландских педагогов¹⁸. По воспоминаниям

преподавателя Вихерса Утида Масао успевал по всем предметам, но математика ему давалась особенно хорошо¹⁹. В подтверждение незаурядных способностей и предрасположенности Утида Масао к математическим наукам историк Акимото Нобухидэ утверждает, что в противном случае Утида Масао просто не смог бы перевести на японский язык сочинение Янсена «Трактат по истории развития военно-морского флота» (1871), полное цифр и всевозможных расчетов²⁰.

В 1862 г. правительство *бакуфу* заказало в Голландии строительство военного корабля, впоследствии получившего название «*Кайё: мару*» («Открытие солнца») ²¹. Предполагалось, что этот фрегат станет самым большим военным кораблем не только в Японии, но и в Азии²². В связи с этим было принято решение отправить в Голландию на стажировку 15 студентов для обучения военно-морским наукам и искусству управления военным кораблем²³. Среди этих студентов вместе с Утида Масао были те, кто получил большую известность в будущем: Акамацу Нориеси (1841–1920)²⁴, «отец японского кораблестроения»; Эномото Такэаки (1836–1908)²⁵, адмирал и глава военно-морского министерства Японии; Ниси Аманэ (1829–1897)²⁶, философ и просветитель эпохи Мэйдзи; Цуда Мамити (1829–1903)²⁷ член японского просветительского общества «*Мэйрокуся*»²⁸ и др.²⁹ Для Утида Масао это путешествие ознаменовало начало важнейшего этапа жизни, определившего весь его жизненный путь.

Миссия вышла из порта г. Нагасаки 11 сентября 1862 г. По пути корабль потерпел бедствие в территориальных водах Голландской Ост-Индии, и был вынужден зайти в порт г. Батавия — столицу Гол-

⁵ Акимото Нобухидэ. Утида но рирэки то сирё: [Биография Утида Масао и исторические материалы] // Кокугакуин танкидайгаку киё: [Бюллетень танкидайгаку кокугакуин]. Т. 21, 2004. С. 25.

⁶ Kim Gyewon. Op. cit. Н. 51.

⁷ Исияма Хироси. Утида Масао «Ёти сираку» но сэйрицу [Утида Масао. Создание «Ёти сираку»] // Нихон эйгакуси кэнкю:кай кэнкю: хо:коку [Доклады японского исследовательского общества по истории англоведения]. № 71. 1967. С. 6.

⁸ Kim Gyewon. Op. cit. P. 52.

⁹ 輿地誌略

¹⁰ 学問ノスゝメ

¹¹ 西国立志編

¹² 明治の三書. Масуно Кэйко. Миэру миндзоку, миэнай миндзоку. «Ёти сираку» но сэкайкан [Видимые нации, невидимые нации. Мирозрение «Ёти сираку»]. Канагава дайгаку нидзю:иссэйки СЕО пурогураму [Программа СЕО двадцать первый век университета Канагава]. 2006. С. 50.

¹³ Гокэнин — мелкопоместные служилые дворяне, являвшиеся непосредственными наследственными вассалами военно-феодалов правителей средневековой Японии.

¹⁴ 萬年三郎兵衛

¹⁵ Хатамото — непосредственные вассалы сёгунов Токугава, занимавшие средние административные посты.

¹⁶ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ Kim Gyewon. Op. cit. P. 51.

¹⁸ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 21.

²⁰ 輕軍沿革論. Там же. С. 22.

²¹ 開陽丸

²² Araki S. Ruins on the ocean floor (Salvaging the Kaiyo Maru) // Mitchell, CT (ed). Diving for Science. Proceedings of the Joint American Academy of Underwater Sciences and Confederation Mondiale des Activités Subaquatiques annual scientific diving symposium 31 October — 3 November 1985 La Jolla, California, USA. 1985. P. 169. URL: http://archive.rubicon-foundation.org/xmlui/bitstream/handle/123456789/9825/AAUS_1985_17.pdf?sequence=1 (дата обращения: 13.11.2017).

²³ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.

²⁴ 赤松則良

²⁵ 榎本武揚

²⁶ 西周

²⁷ 津田真道

²⁸ Мэйрокуся [«Общество шестого года Мэйдзи»] — японское просветительское общество, существовавшее с 1873 по 1876 г.

²⁹ Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 29.

ландской Ост-Индии (ныне — Джакарта). В Батавии Утида Масао, Эномото Такэаки и Ниси Аманэ, хорошо владевший голландским языком, получили возможность побродить по городу и посмотреть колониальные плантации Голландской Ост-Индии. В дальнейшем Утида Масао опишет увиденное в географической энциклопедии «*Ёти сираку*»³⁰.

В порту Батавии Утида Масао и его спутники пересели на голландский торговый корабль. Переплыв Индийский океан, обогнув Мыс Доброй Надежды и пройдя Атлантический океан, 16 апреля 1863 г. они, наконец, прибыли в Голландию.

На время обучения каждый из членов группы был «приписан» к своему городу. Например, Утида Масао стажировался в Гааге, Акамацу Нориеи — в Амстердаме. В случае крайней необходимости проводились общие собрания. Во время пребывания в Голландии на каждого из членов группы возлагались определенные обязанности. Например, Цуда Мамути и Ниси Аманэ занимались составлением и переводом текстов на иностранном языке, Акамацу Нориеи помогал следить за расходом средств на строительство корабля, Эномото Такэаки был помощником руководителя группы, вел деловую переписку, а также переговоры по финансовой стороне вопроса³¹. Таким образом, вряд ли можно назвать членов этой миссии обычными студентами в современном понимании этого слова.

Среди членов миссии Утида Масао занимал самое высокое социальное положение, хотя он и не был старшим по возрасту, но являлся приемным сыном в семье *хатамото*³². По социальному статусу он был назначен руководителем группы. В его обязанности входило: ведение переписки с Японией; заведование финансами; наблюдение за остальными студентами и за работами по строительству корабля. Также он был обязан путешествовать и собирать материал³³. Кроме того, Утида Масао отвечал за прием Второго японского посольства в Европу³⁴. За время стажировки он дважды ездил в Лондон и один раз побывал в Париже³⁵.

Пока Утида Масао находился в Европе, ему удалось собрать коллекцию масляной живописи и фотографий, которые он впоследствии

взял с собой в Японию. Он считается одним из первых японцев, кто привез в Страну восходящего солнца произведения европейского искусства³⁶. В начале периода Мэйдзи картины из его коллекции неоднократно выставлялись на выставках³⁷. Утида Масао и сам проявлял интерес к рисованию. Так, во время путешествия в Голландию он делал зарисовки в своем дневнике³⁸. Помимо живописи, Утида Масао также коллекционировал все, что можно было бы отнести к области естествознания: чучела животных, образцы ракушек и растений.

Но и этим он не ограничивался. Утида Масао стремился найти такой материал, который бы давал наиболее полное и достоверное представление о других странах. В связи с этим огромный интерес у него вызывали фотографии. За время пребывания в Голландии ему удалось собрать более трех тысяч фотографий, некоторые были им использованы в качестве иллюстраций к «*Ёти сираку*»³⁹.

1 декабря 1866 г. фрегат «*Кайё: мару*» вместе с Утида Масао и другими членами его группы снялся с якоря в порту голландского г. Флиссинген. На обратном пути корабль, переплыв Атлантический океан, остановился в Рио-де-Жанейро, затем, обогнул мыс Доброй Надежды, пересек Индийский океан и зашел в порт города Амбон, входящий в состав Голландской Ост-Индии. 26 марта 1867 группа прибыла в порт Йокогама⁴⁰. Утида Масао было 29 лет⁴¹.

Вернувшись в Японию, Утида Масао использовал полученные во время путешествия знания и навыки. Он служил в Военно-морском училище в Цукидзи⁴², после реставрации Мэйдзи (1868) Утида Масао работал в школе *Кайсэй*⁴³, впоследствии переименованной в *Дайгаку нанко*⁴⁴. Высшим достижением его служебной карьеры была работа советником по вопросам западной культуры и истории⁴⁵ в министерстве образования⁴⁶. В начале периода Мэйдзи правительство Японии проявляло большой интерес к вопросу реформирования образования

³⁶ *Christophe Marquet. Le Japon Moderne Face a son Patrimoine Artistique. P. 32. URL: http://marquet.inalco.free.fr/cours/Licence3-pensee_Japon_moderne/texte2.pdf (дата обращения: 03.09.2017)*

³⁷ *Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.*

³⁸ *Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 26.*

³⁹ *Икэда Ацуси. Указ. соч. С. 26.*

⁴⁰ *Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 39–40.*

⁴¹ *Там же. С. 52.*

⁴² *Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 55.*

⁴³ *開成学校*

⁴⁴ *大学南校*

⁴⁵ *Gye Won Kim. Op. cit. P. 51.*

⁴⁶ *文部省. Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.*

³⁰ *Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 26, 34.*

³¹ *Там же. С. 28, 29.*

³² *Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.*

³³ *Акимото Нобухидэ. Указ. соч. С. 28, 31–38.*

³⁴ *Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.*

³⁵ *Икэда Ацуси «Ёти сираку» то «Банкоку сясинтё» [«Ёти сираку» и «Банкоку сясинтё»] // Museum. № 501. 1992. С. 29.*

по западному образцу. Появилась необходимость ознакомиться с европейскими моделями обучения, были изданы книги по системе европейского образования, в частности французского. Утида Масао, специалист по Голландии, перевел на японский язык трактат «Голландская система образования». Работа была издана в 1869 г. школой *Кайсэй*⁴⁷ и стала первым фундаментальным исследованием голландских учебных дисциплин⁴⁸.

В 1872 г. Утида Масао издал книгу «*Сэйё: сираку*»⁴⁹ («Краткая история европейских стран») — первый в Японии учебник по истории Европы и Америки для обучения правительственных чиновников. Книга использовалась на протяжении всего периода Мэйдзи⁵⁰.

В 1873 г. Утида Масао ушел со службы, желая сосредоточиться на переводческой и писательской деятельности⁵¹. Именно в это время он активно работал над составлением географической энциклопедии «*Ёти сираку*», занимался ее изданием, а также начал перевод книги по астрономии английского ученого и астронома сэра Джозефа Локьера Нормана (1836–1920)⁵².

Скончался Утида Масао в 1876 г. в возрасте 37 лет⁵³.

Самым значительным произведением Утида Масао считается географическая энциклопедия «*Ёти сираку*». У современных исследователей нет единого мнения, к какому типу сочинений стоит относить данное произведение. В статьях нам встретилось три разных варианта: географическая энциклопедия, учебник, географическое сочинение. Вероятно, подобная вариативность в обозначении типа источника может свидетельствовать о том, что произведение еще недостаточно полно изучено. В нашей статье мы решили придерживаться названия «географическая энциклопедия».

«*Ёти сираку*» состоит из 12 томов. Энциклопедия издавалась на протяжении девяти лет: первый том был выпущен в 1871, последний — в 1880 г. В связи с кончиной Утида Масао в 1876 г. оставши-

еся четыре книги были напечатаны его другом со времен службы в Министерстве образования Нисимура Сигэки⁵⁴ (1828–1902). Первые три тома были изданы университетом *Дайгаку нанко*:⁵⁵, с четвертого по седьмой том — Министерством образования. Оставшиеся были напечатаны в издательстве *Сю:сэйкан*⁵⁶.

Полное издание, 12 томов (однако самих книг было 13), состояло из четырех частей. Первая часть включала введение и описания Японии (1 том), Китая, Сибири, Индии, Южной и Юго-Восточной Азии (2–3 тома); вторая часть была посвящена Европе и России (4–7 тома); третья часть — Африке (8–9 тома) и, наконец, последняя четвертая часть — Северной и Южной Америке (10–11 тома) и Океании (12 том)⁵⁷.

Все страны описывались по довольно четкому плану: географическое положение, политическое устройство, промышленность и сельское хозяйство, нравы и обычаи, отдельные города. Каждая статья была также снабжена кратким историческим очерком страны.

Согласно отчетам Министерства образования, к 1874–1875 гг. было издано около 150–200 тыс. экз.⁵⁸ «*Ёти сираку*» оказалась привлекательной для читателей, желавших узнать о мире за пределами Японии, благодаря четкому изложению и довольно простому для своего времени языку⁵⁹. В начале эпохи Мэйдзи именно география считалась «проводником» в европейский мир цивилизованности и просвещения⁶⁰, поэтому издание географической энциклопедии представлялось особенно актуальным.

В 1872 г. в Японии было введено всеобщее начальное четырехлетнее образование⁶¹. Четыре школьных года делились на два года младшей начальной школы и два года старшей начальной школы. Каждый год состоял из двух семестров. Географию как отдельную дисциплину начинали изучать с пятого семестра. В начале периода Мэйдзи «*Ёти сираку*» наряду с другими пособиями использовалась

⁴⁷ Сайт министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий. URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317581.htm (дата обращения: 27.09.2017).

⁴⁸ Gye Won Kim. Op. cit. P. 51.

⁴⁹ 西洋史略

⁵⁰ Gye Won Kim. Op. cit. P. 51.

⁵¹ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.

⁵² Джозеф Локьер Норман — английский ученый и астроном, занимавшийся спектроскопией Солнца и звезд. Вместе с французским ученым Пьером Янсенем считается первооткрывателем газа «гелия». Пионер археоастрономии. Основатель журнала Nature. Сайт Японской парламентской библиотеки. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/831055> (дата обращения: 28.09.2017).

⁵³ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 49.

⁵⁴ 西村茂樹

⁵⁵ 大学南校

⁵⁶ 修静館. Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 50–51.

⁵⁷ Gye Won Kim. Op. cit. P. 52.

⁵⁸ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 50.

⁵⁹ Статья на сайте Санкэй ньюс от 18.10.2015. Синсэйфу (2) Кё:касё дзукури то «хонъякугё:» котохадзимэ [Новое правительство (2) Создание учебников и начало «переводческого дела»]. URL: <http://www.sankei.com/premium/news/151018/prm1510180020-n4.html> (дата обращения: 29.09.2017).

⁶⁰ 文明開化. Gye Won Kim. Op. Cit. С. 53.

⁶¹ История Японии. Т. II. 1868–1998. М., 1998. С.70.

в начальной школе на уроках географии⁶². Практически параллельно с изданием энциклопедии Утида Масао публиковались и книжки по чистописанию, своего рода прописи, на основе выдержек из «*Ёти сираку*»⁶³.

Труд Утида Масао также служил учебником для студентов педагогических училищ⁶⁴. Так, например, в брошюре педагогического училища префектуры Сайтама в разделе справочной литературы для преподавателей одно из четырех рекомендованных произведений — географическая энциклопедия «*Ёти сираку*»⁶⁵.

Находясь в Голландии, Утида Масао покупал зарубежные учебники. Так, во вступлении к первому тому он сообщает читателям, что «*Ёти сираку*» писал на основе учебников по географии г-на Маккея, г-на Голдсмита и г-на Крамерса⁶⁶. Расскажем о них.

Александр Маккей (1815–1895) родился в семье фермера в городке Терсо. Обучался в Кингс Колледж Абердинского университета, Шотландия. В 1840 г. получил степень магистра. В 1844 г. стал священником в деревне Рини в Абердиншире. Увлеченность географией помогла ему познакомиться с известными географами и геологами своего времени — сэром Эндрю Кромби Рамзи (1814–1891), сэром Родериком Импи Мурчисоном (1792–1871) и др. В 1859 г. Александр Маккей стал членом Королевского географического общества. В 1861 г. опубликовал «Учебник по современной географии, математической, физической и политической»⁶⁷, получивший впоследствии большую известность. В 1866 г. в Кингс Колледже в Шотландии Александру Маккею была присвоена докторская степень. Служил священником в Эдинбурге. В 1878 г. переехал в город Вентнор, где и скончался в 1895 г.

Увлечение географией Александр Маккей сохранил до конца жизни. Он написал ряд пособий по географии, таких как: «Азы современной географии» (1864), «Основы современной географии»

⁶² Камэи Ю: Мэйдзики ни окэру тири но кё:ику. Сё:гакукё:ику о тю:син ни. [Обучение географии в период Мэйдзи. Фокусируясь на обучении географии в младшей школе]. Бунка ко:сё: [Культурные обсуждения]: Journal of the Graduate School of East Asian Cultures, 4. 2015. P. 133.

⁶³ Сайт Японской парламентской библиотеки. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/853248> (дата обращения: 29.09.2017).

⁶⁴ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 50.

⁶⁵ Пособие для студентов педагогического училища префектуры Сайтама. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/809950/4> (дата обращения: 29.09.2017).

⁶⁶ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 50.

⁶⁷ Alexander Mackay. Manual of Modern Geography, mathematical, physical, and political. William Blackwood and Sons. Edinburgh; London, 1861.

(1865); «Первые шаги в географии» (1869); «География Британской империи» (1874) и др. «Учебник по современной географии» получил широкое распространение, в том числе использовался в школе. Однако для современного школьника эта книга показалась бы весьма трудной: сразу бросаются в глаза обилие таблиц, небольшое количество иллюстраций и полное отсутствие карт. Объем учебника тоже внушительный — чуть больше 700 страниц. По мнению историка Исияма Хироси, Утида Масао при написании своей энциклопедии использовал именно «Учебник по современной географии»⁶⁸.

Имя «Рев. Дж. Голдсмит» было одним из псевдонимов сэра Ричарда Филипса (1767–1840), автора «Введения в географию, для использования в школах и [изучения] молодыми людьми. Иллюстрирован картами» (первое издание — 1824 г.; второе дополненное издание — 1843 г.)⁶⁹. Он работал школьным учителем, затем издателем. Под псевдонимом «Дж. Голдсмит» были опубликованы его книги географической тематики, под именем Аббе Боссю — работы, связанные с французским, итальянским и латинским языками, под прочими псевдонимами — книги в других жанрах⁷⁰.

«Введение в географию» напоминает простой в использовании справочник по географии. В издании 1843 г. всего 160 страниц, материал изложен четко, кратко, по пунктам, в конце каждого раздела предлагается сводная таблица самых основных сведений по всем странам только что изученного региона. В заключение после всех пройденных тем предоставляется список вопросов. Наглядность учебника характеризуется еще и наличием карты в начале каждого нового раздела.

Якоб Янсон Крамерс (1802–1869) является автором двухтомника «Справочник по географии, статистике и истории»⁷¹ (1850). В Японии книга была хорошо известна еще в последние годы *сёгуната*: отрывки из этого произведения служили прописями для детей.

Справочник представляет собой основательный труд: оба тома примерно по 700 страниц. Думается, что для современного читателя, интересующегося географией, эта книга также оказалось бы не из простых: ее характеризует плотный текст, небольшое количество таблиц и полное отсутствие карт.

⁶⁸ Исияма Хироси. Указ. соч. С. 7–8.

⁶⁹ Sir Richard Phillips. Goldsmith's grammar of geography, for the use of schools. L., 1843.

⁷⁰ Исияма Хироси. Указ. соч. С. 9.

⁷¹ Kramers J. Geographisch-Statistisch-Historisch Handboek. Gouda, 1850.

Кроме этого в предисловии к «*Ёти сиряку*» Утида Масао указывает, что «цифры» взяты им из «Ежегодника государственного деятеля. Статистические, генеалогические и исторические подсчеты стран и суверенных государств цивилизованного мира за 1869 год»⁷², написанного Фредериком Мартином (1830–1883)⁷³.

Популярность «*Ёти сиряку*» также можно объяснить наличием большого количества иллюстраций, которых без учета карт 376 штук. Другими словами, в 12 томах в среднем на каждой пятой странице встречается хотя бы по одному изображению. Как писал Утида Масао, в качестве иллюстраций он использовал фотографии, собранные во время его пребывания в Европе, а также изображения из французского географического журнала «Вокруг света»⁷⁴.

Фотографии были объединены в 21 альбом, которые именовались «Photographisch Wereld Album». Сборники были составлены по тематическому принципу: в каждом были представлены фотографии одной или нескольких стран. Создателем/составителем альбомов являлся некий Оэтида Маса-Акира⁷⁵. Изначально эти фотографические сборники принадлежали Утида Масао. С 1903 г. они хранятся в Токийском государственном музее под общим наименованием «Альбом с фотографиями всех стран мира»⁷⁶.

В общей сложности в альбомах представлено 3867 фотографий разного формата⁷⁷. Тем не менее доподлинно установлено, что в «*Ёти сиряку*» Утида Масао использовал только 25 из них. Это не так уж и много, учитывая общее количество иллюстраций (376) в энциклопедии. В то же время около половины изображений, а именно 195 штук, были заимствованы из французского географического журнала «Вокруг света: новый журнал путешествий»⁷⁸.

Идейным вдохновителем, редактором и руководителем журнала был Эдуард Шартон (1807–1890), адвокат, журналист, политик. В 1833 г. он начал издавать «Живописный журнал» («Magasin Pittoresque»), созданный им по аналогии с английским журналом «Журнал за один пенни» («Penny Magazine»), впервые вышедшим в свет годом ранее. «Живописный журнал» представлял собой вариант популяр-

⁷² Martin F. The Statesman's Year-Book. A Statistical, Genealogical, and Historical Account of the States and the Souvenirs of the Civilized World. For the Year 1869. L., 1869.

⁷³ Исияма Хироси. Указ. соч. С. 10.

⁷⁴ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 51–52.

⁷⁵ К сожалению, пока не удалось обнаружить никаких сведений о составителе альбомов.

⁷⁶ 萬国写真帖

⁷⁷ Икэда Аюси. Указ. соч. С. 27–28.

⁷⁸ «Tour du Monde: nouveau journal des voyages». Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 51, 53.

ной энциклопедии с большим количеством иллюстраций. В нем рассказывалось о научных достижениях, искусстве, социальных проблемах, общемировых новостях. Эдуард Шартон был главным редактором журнала «Иллюстрация» («L'Illustration») в течение первого года издания. Однако главным «детищем» Эдуарда Шартона считается журнал «Вокруг света», которым он руководил до 1889 г.

«Вокруг света: новый журнал путешествий» знакомил читателей с путевыми заметками. Отдельные брошюры с историями выходили еженедельно. Таким образом, за год получалось 52 книжечки, соответственно количеству недель в году. Кроме того, дважды в год издавались два тома по более, чем 400 страниц⁷⁹, в которых были перепечатаны все статьи, а также прилагались оглавление, перечень иллюстраций, список выявленных опечаток. Журнал выходил в издательстве Ашет (Nachette) с 1860 по 1894 г. С 1895 по 1914 г. журнал издавался под другим названием: «Вокруг света. Новая серия: журнал о путешествиях и путешественниках»⁸⁰. В «*Ёти сиряку*» Утида Масао использовал иллюстрации из журналов «Вокруг света» с 1860 по 1867 г.

Кроме этого существуют сведения, что Утида Масао очень любил читать и выписывал популярную в то время английскую газету «Иллюстрированные лондонские новости» («Illustrated London News») ⁸¹, которая стала прототипом для французского журнала «Иллюстрация»⁸². Вполне возможно, что какие-то изображения были также взяты им из английской газеты.

Утида Масао являлся яркой и значимой личностью для своего времени, хотя сейчас его имя не столь широко известно. Жизненный и творческий путь Утида Масао можно разделить на три периода: путешествие и жизнь в Европе (1862–1867); возвращение на родину и служба в Министерстве образования; посвящение всего себя написанию главного труда своей жизни «*Ёти сиряку*». Ему принадлежат переводы работ по кораблестроению и астрономии, а также авторство первой обширной энциклопедии по мировой географии «*Ёти сиряку*». При написании «*Ёти сиряку*» Утида Масао использовал большое количество актуальных для своего времени источни-

⁷⁹ Сайт, посвященный Эдуарду Шартону, создан исследовательницей Анни Лагард-Фуке. URL: <https://sites.google.com/site/edouardcharton/magasinpittoresque>. (дата обращения: 13.10. 2017).

⁸⁰ «Tour du Monde. Nouvelle serie: journal de voyages et voyageurs».

⁸¹ Масуно Кэйко. Указ. соч. С. 52.

⁸² Сайт, посвященный Эдуарду Шартону.

URL: <https://sites.google.com/site/edouardcharton/magasinpittoresque> (дата обращения: 13.10. 2017).

ков — учебников, журналов, газет, фотографий — собранных им во время обучения в Европе. Энциклопедия «*Ёти сираку*» пользовалась огромной популярностью, считалась бестселлером и даже была названа «одной из трех [выдающихся] книг эпохи Мэйдзи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Японии. Т. II. 1868–1998. М., 1998.
2. Акимото Нобухидэ. Утида но рирэки то сирё: [Биография Утида Масао и исторические материалы] // Кокугакуин танкидайгаку киё: [Бюллетень танкидайгаку кокугакуин]. Т. 21. 2004. С. 3–107. URL: <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110004041686.pdf?id=ART0006301221> (дата обращения: 16.11.2017). (На яп.)
3. Икэда Атсуси «Ёти сираку» то «Банкоку сясинтё» [«Ёти сираку» и «Банкоку сясинтё»] // Museum. 1992. № 501. С. 26–38. (На яп.)
4. Исияма Хироси. Утида Масао «Ёти сираку» но сэйрицу [Утида Масао. Создание «Ёти сираку»] // Нихон эйгакуси кэнкю:кай кэнкю: хо:коку [Доклады японского исследовательского общества по истории англоведения]. 1967. № 71. С. 6–11. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jeiken1964/1967/71/1967_71_6/_pdf (дата обращения: 16.11.2017). (На яп.)
5. Камэи Ю. Мэйдзики ни окэру тири но кё:ику. Сё:гаку кё:ику о тю:син ни. [Обучение географии в период Мэйдзи. Фокусируясь на обучении географии в младшей школе] // Бунка ко:сё: [Культурные обсуждения]: Journal of the Graduate School of East Asian Cultures. 2015. 4. С. 125–146. URL: <http://hdl.handle.net/10112/9936> (дата обращения: 10.11.2017). (На яп.)
6. Масуно Кэйко. Миэру миндзоку, миэнэй миндзоку. «Ёти сираку» но сэкайкан [Видимые нации, невидимые нации. Мировоззрение «Ёти сираку»]. Канагава дайгаку нидзю:иссэйки CEO пурогураму [Программа CEO двадцать первый век университета Канагава]. Токио, 2006. С. 49–59. URL: <http://www.himoji.jp/jp/publication/pdf/symposium/No01/047-059.pdf> (дата обращения: 16.11.2017). (На яп.)
7. Монбукагакусё [Сайт министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий]. URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317581.htm (дата обращения: 27.09.2017). (На яп.)
8. Пособие для студентов педагогического училища префектуры Сайтама. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/809950/4> (дата обращения: 29.09.2017). (На яп.)
9. Сайт, посвященный Эдуарду Шартону, создан исследовательницей Анни Лагард-Фуке. URL: <https://sites.google.com/site/edouardcharton/magasinpittoresque>. (дата обращения: 13.10.2017). (На фр.)
10. Санкэй ньюс от 18.10.2015. Синсэйфу (2) Кё:касё дзукури то «хонъякугё»: котохадзимэ [Новое правительство (2) Создание учебников и начало «переводческого дела»]. URL: <http://www.sankei.com/premium/news/151018/prm1510180020-n4.html> (дата обращения: 29.09.2017). (На яп.)
11. Araki S. Ruins on the ocean floor (Salvaging the Kaiyo Maru) // Mitchell, CT (ed). Diving for Science. Proceedings of the Joint American Academy of Underwater Sciences and Confederation Mondiale des Activités Subaquatiques annual scientific diving symposium 31 October — 3 November 1985 La Jolla, California, USA. 1985. (На англ.) URL: http://archive.rubicon-foundation.org/xmlui/bitstream/handle/123456789/9825/AUS_1985_17.pdf?sequence=1 (дата обращения: 13.11.2017). (На яп.)
12. Christophe Marquet. Le Japon Modern Face a son Patrimoine Artistique. P. 32. URL: http://marquet.inalco.free.fr/cours/Licence3-pensee_Japon_moderne/texte2.pdf (дата обращения: 03.09.2017). (На фр.)
13. Kim Gyewon. Registering the Real: Photography and the Emergence of New Historic Sites in Meiji Japan. A dissertation submitted to McGill University in partial fulfillment of the

requirements of the degree of Doctor of Philosophy. Monreal, 2010. 363 pages. URL: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1510841657091~893 (дата обращения: 16.11.2017). (На англ.)

Anna B. Sharova

UCHIDA MASAO. RETURNING THE NAME

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article is dedicated to the life and works of Uchida Masao (1839–1876), the Japanese writer, translator, and teacher of the second half of the 19th century. The world geo-encyclopedia “Yochi Shiryaku” (“Short Description of the World”, 1871–1880) is considered to be his main work. During the Meiji Period (1868–1912) it was a best-seller. The world geo-encyclopedia “Yochi Shiryaku” was so popular, that it was even named “one of the three [outstanding] books of the Meiji Period” (Meiji no sanshyo). Despite the fact that Uchida Masao left rich literary legacy, nowadays his name is practically unknown.

Key words: Uchida Masao; world geography; encyclopedia; “Yochi Shiryaku”; Meiji Period.

About the author: Anna B. Sharova — post-graduate student of the Department of Japanese history and culture, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anchyk90@yandex.ru).

REFERENCES

1. *Istoriya Yaponii*. Vol. II. 1868–1998. M., 1998. (In Russ.)
2. Akimoto Nobuhide. *Uchida no rireki to siryō* [Biography of Uchida Masao and historical materials]. Kokugakuin tankidaigaku kiyō [Bulletin of tankidaigaku kokugakuin]. Vol. 21, 2004, pp. 3–107. URL: <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110004041686.pdf?id=ART0006301221> (accessed 16 November 2017). (In Jap.)
3. Ikeda Atsushi. “Yochi Shiryaku” to “Bankoku shyashinchyō” [“Yochi Shiryaku” and “Bankoku shyashinchyō”. Museum. № 501, 1992, pp. 26–38. (In Jap.)
4. Ishiyama Hiroshi. Uchida Masao “Yochi Shiryaku” no seiritsu [Uchida Masao. The creation of “Yochi Shiryaku”]. Nihon eigakushi kenkyūkai kenkyū hōkoku [Reports on the history of English research by the Japanese Research society], № 71, 1967, pp. 6–11. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jeiken1964/1967/71/1967_71_6/_pdf (accessed 16.11.2017). (In Jap.)
5. Kamei Yuu. *Meijiki ni okeru chiri no kyōiku*. Shyōgaku kyōiku wo chyūshin ni [Geography Education during the Meiji Period. Focusing on the Geography Education at Primary School]. Bunka kōshyō [Cultural Discussions]: Journal of the Graduate School of East Asian Cultures, 2015, 4, pp. 125–146. URL: <http://hdl.handle.net/10112/9936/> (accessed 11.11.2017). (In Jap.)
6. Masuno Keiko. *Mieru minzoku, mienai minzoku*. “Yochi Shiryaku” no sekaikan [Visible Nations, Invisible Nations. Outlook on the World According to “Yochi Shiryaku”]. Kanagawa daigaku nijyūisseiki CEO puroguramu [Program CEO of the Twenty First Century of the Kanagawa University], 2006, pp. 49–59. URL: <http://www.himoji.jp/jp/publication/pdf/symposium/No01/047-059.pdf> (accessed 16 November 2017). (In Jap.)

7. *Monbukagakushyo* [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology Japan]. URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317581.htm (accessed 27.09.2017). (In Jap.)
8. *The Manuel for the Students of Saitama Teachers' Training College*. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/809950/4> (accessed 29.09.2017). (In Jap.)
9. Sankei News. *Sinseifu (2) Kyōkashyo zukuri to "honyakugyō" kotohajime* [New Government (2) The Creation of textbooks and the Beginning of the Translation]. URL: <http://www.sankei.com/premium/news/151018/prm1510180020-n4.html> (accessed 09.09.2017). (In Jap.)
10. *The Website about Edouard Charton created by the researcher Annie Lagarde-Fouquet*. URL: <https://sites.google.com/site/edouardcharton/magasinpitttoresque> (accessed 13.10.2017). (In French.)
11. Araki S. *Ruins on the ocean floor (Salvaging the Kaiyo Maru)*. Mitchell, CT (ed). Diving for Science. Proceedings of the Joint American Academy of Underwater Sciences and Confederation Mondiale des Activités Subaquatiques annual scientific diving symposium 31 October — 3 November 1985 La Jolla, California, USA. 1985. (In English.) URL: http://archive.rubicon-foundation.org/xmlui/bitstream/handle/123456789/9825/AUS_1985_17.pdf?sequence=1 (дата обращения: 13.11.2017). (In Jap.)
12. Christophe Marquet. *Le Japon Modern Face a son Patrimoine Artistique*. P. 32. URL: http://marquet.inalco.free.fr/cours/Licence3-pensee_Japon_moderne/texte2.pdf (дата обращения: 03.09. 2017). (In French.)
13. Kim Gyewon. *Registering the Real: Photography and the Emergence of New Historic Sites in Meiji Japan*. A dissertation submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. Monreal, 2010. 363 pages. URL: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1510841657091~893 (дата обращения: 16.11.2017). (In English.)

А.А. Бурыгин

ИДЕОЛОГИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПРИМЕР ПРЕВРАТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются идейно-политические основания возникновения и деятельности Исламского государства¹. Подробно рассмотрено теоретическое наполнение исламского фундаментализма и проанализирована картина мира, которую автор предлагает своим последователям. В своей работе автор отвечает на вопросы: какие цели ставят перед собой сторонники ИГ; можно ли сказать, что ИГ — это принципиально новый тип фундаменталистской организации. Исследован комплекс факторов, который позволил сторонникам этой организации достаточно долго вести боевые действия против национальных правительств Сирии и Ирака, а также сил международной коалиции государств. Исследуются ключевые источники исламского права и приводит комментарии выдающихся богословов и ученых. В итоге автор доказывает, что ИГ использует ислам в извращенной форме. В связи с этим также напрашивается вывод, что религиозная грамотность населения — это важный элемент политики любого государства по противостоянию экстремизму.

Ключевые слова: Исламское государство; радикализм; исламский фундаментализм; идеология.

События XX в. существенно изменили политическую карту мира: в середине прошлого века рухнула колониальная система, далее последовал распад СССР и социалистического лагеря, появились новые государства, что значительно повлияло на геополитическую ситуацию. Образование новых независимых государств всегда сопровождается множеством потрясений, прежде всего в социально-экономической и политической сферах.

Бурыгин Александр Алексеевич — студент 1 курса магистратуры кафедры политологии Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aa95burygin@mail.ru).

¹ Исламское государство (ИГ) — запрещенная в России террористическая организация.

Новым фактором влияния в мировой политике стал ислам. Политизации ислама способствовал и так называемый «исламский бум» конца 1970-х — начала 1980-х годов, который привел и к другому процессу — исламизации политики. И сегодня в регионах распространения мусульманства наблюдается тенденция усиления влияния религиозного фактора на политический процесс. Исходя из мусульманского подхода к анализу института власти, мы можем выделить основные отличительные черты исламской формы правления:

- политическая система общества строится на принципах исламского права (шариата);
- глава этого общества является одновременно духовным руководителем, поэтому он обязан быть праведником;
- цель существования политической системы заключается в создании оптимальных условий для спасения душ верующих;
- общество осознает свою обособленность и воспринимает окружающий мир как враждебный.

В сущности, ислам не делит мир на светский и духовный, не различает политику и религию. По исламу есть лишь один мир, который должен существовать, действовать по священному религиозному закону, который воплощен в Коране и Сунне Пророка и истолкован в мусульманском праве.

Политическая система ислама может быть представлена тремя концепциями: таухид (единобожие); рисаля (наличие у Бога посланников) и хилифа (наместничество). Построенное на основе этой политической теории государство является халифатом — государством, где Богу принадлежат верховная власть и суверенитет².

Источником конституции и законов государства также служит исламское вероучение. Закрепление за исламом и шариатом функций единого законодательства предусматривает исламская правовая доктрина. Для мусульманства не существует свободной от религии юриспруденции³.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что исламская концепция власти сегодня является проблемой, которая имеет высокую степень актуальности как для самих мусульман, так и для представителей других культур, для других государств. Последние события на Ближнем Востоке с невероятной остротой поставили вопрос: все те огромные человеческие жертвы, которые были принесены в ходе выступлений, гражданских войн, террористических актов последних нескольких лет — каков будет их итог? Станут ли они

стартовой точкой для возвращения к еще более архаичным системам власти или помогут процессу формирования пространства свободы, в котором ислам будет иметь исключительно значимое место, но не будет его ограничивать или, тем более, разрушать? Мы полагаем, что ответа на данный вопрос сейчас не знают даже представители ученых кругов мусульманских стран мира.

Государства, определяющие для себя мусульманское вероучение как основу и принцип деятельности, однозначно относят себя к «исламским государствам» и демонстрируют в современных политических условиях тенденцию к консолидации всего «исламского мира». В качестве примера, можно рассмотреть их участие в международных организациях. Так, например, можно назвать Организацию исламского сотрудничества (ОИС), исламский вариант Организации Объединенных Наций, и такой же вариант Всемирной Торговой Организации — банковскую систему, объединяющую страны-члены ОИС.

Сегодня, в XXI в., Ближний Восток нестабилен, мы наблюдаем множество разнонаправленных политических процессов, которые приводят, как правило, к непредсказуемым последствиям.

Прежде всего мы отмечаем деятельность исламских фундаменталистских организаций, которая имеет широкомасштабный и многосторонний характер. Научные методы ее исследования должны быть взвешенными, объективными и беспристрастными. Это связано не только с тем, что любые экстремистские тенденции в сферах общественной жизни опасны сами по себе, но и с тем, что религиозный фактор обладает особенной степенью деликатности, так как требует от исследователя быть тактичным в своих выводах и уважать чувства верующих. Изучение проблемы роста религиозного экстремизма предполагает рассмотрение всей совокупности внутренних и внешних причин и условий, которые создают благоприятную почву для формирования и последующего развития религиозного экстремизма в стране или регионе. К подобного рода предпосылкам можно отнести противоречия «догоняющей модернизации», демографические диспропорции, миграционные настроения, которые характерны для большинства стран Ближнего Востока и которые умело используют фундаменталисты ислама в качестве основы экстремистской идеологии⁴. Еще одним центральным элементом политической идеологии любого фундаменталистского движения является положение о том, что весь мир можно разделить на общину правоверных мусульман

² См.: Мехди С. Мусульманское право и политика. М., 2014. С. 55–63.

³ См.: Гайнутдин Р. Введение в шариат. М., 2014. С. 9–14.

⁴ Поляков К.И. Арабский Восток и Россия. Проблема исламского фундаментализма. М., 2014. С. 11–12.

и всех остальных. Эта религия допускает разделение мира по принципу: «я-мои братья», «я-другие», «я-чужие». В исламской традиции это обозначается через наименование земель и народов, которые их населяют, как «территория ислама» (дар-ал-ислам), «территория перемирия» (дар-ас-сульх) и «территория войны» (дар-ал-харб)⁵. Идеологи ИГ умело используют это и, преподнося ислам в извращенной форме, цитируя Коран отрывочно и давая свое собственное толкование кораническим сурам и айтам, играют на чувствах некоторых мусульман. Им удается затуманить разум некоторых людей и привлечь их под свои знамена.

Ввиду близости географического положения и тесных экономических контактов Ближний Восток является сферой интересов Российской Федерации, поэтому проблема стабильности и безопасности в этом регионе имеет стратегическое значение для России. Москва выступает за политическое урегулирование кризисов на Ближнем Востоке и за уважение территориальной целостности и суверенитета государств данного региона. Россия проводит активные военные операции против Исламского государства, добившись на территории Сирии значительных успехов, вопреки западным прогнозам, что Россия увязнет в сирийском кризисе, навредив своим государственным интересам. Однако результаты военных действий российской стороны убедительно доказывают, что Россия оказалась единственной страной, оказавшей помощь сирийскому народу, война в Сирии подходит к концу, и что не менее важно с точки зрения меняющегося миропорядка Россия продемонстрировала свою военную мощь и правильную стратегию.

Необходимо также помнить, что Россия на сегодняшний день является крупной мусульманской страной мира. Ислам — это вторая по численности религия в РФ, его исповедует около 12,5% ее населения. Несложно представить, к чему может привести попытка разыграть исламскую карту на территории нашего государства. Поэтому, очевидно, что высокую степень актуальности имеют вопросы, связанные с влиянием внешних факторов на распространение исламского экстремизма в России и других странах СНГ. Под этими факторами мы понимаем все политические и идеологические процессы, которые могут привести к нарушению достигнутой на

⁵ Данное деление не упоминается ни в Коране, ни в хадисах пророка Мухаммада. Впервые такое деление было предложено основателем ханафитской правовой школы (мазхаба) имамом Абу Ханифой. Современные исламские богословы указывают на неприемлемость подобного разделения мира ввиду отсутствия указания в Коране и Сунне пророка Мухаммада и ее несоответствие нынешней политической ситуации — Материалы Шестнадцатой сессии Европейского совета по фетвам и исследованиям.

сегодняшний день стабильности в российском исламском мире, переходу части верующих на позиции религиозной нетерпимости и политического экстремизма. В этом контексте термин «исламизм» употребляется для обозначения практики использования исламской религии в политических целях. Вот почему Россия готова сотрудничать со всеми здравомыслящими силами в исламском мире и выступает за разработку эффективных программ борьбы с терроризмом и экстремизмом на всех уровнях, в том числе и на международном. Российское руководство неоднократно подтверждает готовность к сотрудничеству с коалицией, которую возглавляют американцы. По мнению многих политиков (Стаффана де Мистуры⁶) и экспертов (директора политических программ Международного центра за справедливую политику Сергея Зацепилова, директора Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады Александра Шумилина⁷), принципиальное значение для эффективности действия мирового сообщества по сирийскому урегулированию имеет именно взаимодействие между РФ и США.

Таким образом, очевидно, что проблема деятельности ИГ, а точнее — определение тех идейно-политических оснований, на которых зиждется и расширяется деятельность данного квазигосударства, является весьма актуальной прежде всего в аспекте национальной безопасности, государственной целостности и стабильности развития государств, также данная проблема представляется недостаточно изученной и чрезвычайно актуальной для мирового сообщества.

Число фундаменталистских организаций невероятно велико. Несмотря на общую идеологическую базу, эти организации тем не менее различаются средствами претворения в жизнь своей политической доктрины. Существуют два главных типа фундаментализма: умеренный и радикальный. Представителями первого типа являются всем известные «Братья-мусульмане». Ко второму типу относятся «ал-Каида» и, безусловно, «Исламское государство». Как мы уже отметили, сегодня в регионе Ближнего и Среднего Востока фундаменталисты играют очень большую роль: деятельность таких организаций приводит к хаосу в регионе и открытым военным столкновениям. Сирия и Ирак страдают от открытого противостояния с самой мощной экстремистской организацией мира — «Исламским государством».

⁶ См.: Волков К. Де Мистура: Переговоры между США и Россией станут решающими для Сирии. URL: <https://rg.ru/2016/08/30/de-mistura-peregovory-mezhdusssha-i-rossiej-stanut-reshaiushchimi-dlia-sirii.html>; 2016.

⁷ См.: Владимирцов В. США — Россия: возможен ли компромисс на переговорах по Сирии? URL: <http://kontinentusa.com/usa-russia-vozmozen-li-kompromiss-na-peregovorah-po-sirii/>; 2016.

Эта организация является результатом политических, социальных и экономических кризисов на Ближнем Востоке. Если сравнивать ИГ с другими фундаменталистскими организациями, то мы увидим как схожие черты, так и ряд существенных отличий. Схожие черты заключаются, прежде всего в экстремистском характере деятельности, из которого вытекают соответствующие методы достижения провозглашенных целей, а также в ориентированной на радикальный ислам политической доктрине. Но более глубокий анализ идеологической базы ИГ позволяет увидеть, что основные отличия от других организаций подобного характера вытекают именно из политической доктрины⁸.

ИГ имеет целый ряд определенных целей и задач, в осуществлении которых оно демонстрирует поступательность и размеренность.

Во-первых, главная цель — это построение своего государства со всеми традиционными государственными атрибутами (территорией, населением, законодательством, валютой, налоговой системой и т.д.). Во-вторых, эта группировка стремится захватить как можно больше новых территорий и привлечь под свои знамена максимально возможное число сторонников. ИГ за довольно короткий промежуток времени успело создать разветвленную, хорошо функционирующую финансовую сеть, которая позволяет им получать огромные доходы на довольно стабильной основе. Последняя характеристика ИГ как квазигосударственного образования — «государственная» валюта. В «Исламском государстве» эту функцию выполняет золотой динар, чеканка которого началась летом 2015 г. По оценкам экспертов, курс динара на тот момент составлял порядка 139 долл. США⁹.

В ИГ имеется специализированный орган, занимающийся пропагандой, вербовкой боевиков за границей и работой с молодежью, — это Исламское управление общественной информации. Административный аппарат ИГ насчитывает порядка 25 тыс. человек, руководящие позиции принадлежат бывшим высокопоставленным функционерам партии БААС и офицерам иракской армии¹⁰.

Вообще, фундаменталисты стремятся к созданию единой унитарной империи в границах Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра и Египта, Средней Азии и на некоторых землях Европы. В перспективе они собираются «даровать свободу от власти России» народам Кавказа. Разумеется, идеологи этой орга-

⁸ См.: Богомолов А.В., Мансур Р., Мишин А.А. Исламское государство. Территория войны. URL: <http://www.liga.net/projects/igil/>; 2015.

⁹ Jambu J. La monnaie comme arme // Bulletin numismatique. 2016. № 152. P. 25–30.

¹⁰ См.: Орлов А.А. Исламское государство. Аналитические доклады. МГИМО Университет. М., 2016. Вып. 1 (45). С. 9–15.

низации связывают свои стремления с построением «истинного халифата» — государства, основанного на принципах и законах VII в. н.э., в котором мусульмане будут жить в мире, братстве и согласии.

Стремление к активному рекрутированию в свои ряды новых людей вызвано в первую очередь тем, что невозможно держать под контролем большие территории, население которых воспринимает власть не как опору и защитника, а как бандита и узурпатора. Недовольство населения — это бомба замедленного действия, которая обязательно взорвется. Такое государство не способно просуществовать долго. Идеологи ДАИШ это прекрасно понимают. Именно поэтому они активно используют методы агитации и пропаганды для привлечения добровольцев в свои ряды.

Не секрет, что любая пропаганда должна иметь в своей основе мощную идеологическую составляющую. В данном случае эту функцию выполняет ислам. Как мы указывали ранее, эта религия позволяет разделить весь мир по принципу: «свой-другой-чужой». Именно этот постулат активно используется идеологами ИГ для привлечения под свои знамена большего числа сторонников и для создания иллюзии, что их деятельность согласуется с классической исламской теорией.

У ИГ также есть большое количество второстепенных целей. Одна из них, например, уничтожение священного символа мусульман — Каабы в Мекке. По мнению фундаменталистов, Кааба должна быть разрушена, а многочисленные паломники, совершающие сюда хадж, — убиты. Лидеры ИГ объясняют это тем, что люди идут в Мекку, не чтобы молиться Аллаху, а чтобы коснуться камней. По их мнению, это — проявление язычества в чистом виде.

Кроме того, Исламское государство стремится искоренить следы всех культур, которые когда-либо существовали на территории Сирии, Ирака, Ирана, Турции до появления ислама. Они объясняют это тем, что все культурное и историческое наследие того времени, которое хранится в музеях Дамаска, Ирака, Мосула, Стамбула является носителем языческой культуры. А любые упоминания или элементы неисламской цивилизации, по их мнению, должны быть уничтожены.

Для более глубокого исследования политико-идеологических основ ИГ следует обратиться к современным трудам по корановедению и узнать, как действия этой организации соотносятся непосредственно с положениями Корана.

Начать нам хотелось бы с того, как современные исламские богословы относятся к проблеме защиты прав человека. Именно этот вопрос всегда вызывал острые дискуссии между видными мусульманскими учеными и специалистами в области междуна-

родного права. «Всеобщая декларация прав человека», принятая ГА ООН в декабре 1948 г., подверглась резкой критике со стороны ряда арабских государств за то, что провозглашает свободу вероисповедания и добровольность вступления в брак. В ответ на Всеобщую декларацию, в 1990 г. в Каире государствами-членами Организации исламского сотрудничества был принят документ под названием «Каирская декларация о правах человека в исламе» (**I'lan alqahira lihuquq ālinsan fy al-islām**). Документ во многом повторяет положения «Всеобщей декларации прав человека»¹¹, а другие положения сформулированы в соответствии с шариатом. Цель этого документа была определена так: разработка и принятие необходимых указаний для мусульманских стран в области защиты прав человека. Мы видим, что актуальность проблемы признают улемы большинства исламских государств и стремятся выработать единый подход к ее решению.

Мы считаем, что Египет не случайно был выбран местом принятия этой Декларации: Университет ал-Азхар, который находится в Каире, на протяжении многих веков является центром изучения исламского права и подготовки улемов в этой области для всего мира. На наш взгляд, Каирская декларация обладает особым моральным авторитетом для мусульман всего мира и не может быть проигнорирована ни одной страной, которая называет своей религией ислам.

Главный принцип этой Декларации: «Все люди составляют единую семью, которую объединяет рабство Божие и Адамово сыновство. Все люди равны в отношении человеческого достоинства... Нет превосходства кого-либо из них над другим, иначе как по благочестию и стремлению творить добро»¹². Декларация провозглашает недопустимость любой формы дискриминации по расовому, этническому или религиозному признаку. Она закрепляет, что святость жизни — основа шариата. Слабая же сторона данного документа заключается в том, что он не гарантирует свободу изменения религии и перехода из одной конфессии в другую. Но на наш взгляд, подобная процедура в принципе не может быть прописана в каком-либо исламском правовом документе, так как противоречит самой основе ислама.

Итак, мы видим, что крупные мусульманские ученые, которые придерживаются общепринятого (не-фундаменталистского) понимания ислама, стараются найти определенные возможности для

продуктивного диалога с представителями стран Запада для решения глобальных проблем. В отличие от них лидеры ИГ отказываются от какого бы то ни было диалога, настаивают на том, что их подход к устройству мира единственно верный и предпочитают использовать грубую силу для достижения своих целей.

На международной исламской конференции, прошедшей в Москве в 2012 г., заместитель председателя международного союза исламских ученых Абдалла ибн Байя заявил, что братоубийственная война, которая сейчас полыхает на Ближнем Востоке не отвечает интересам ислама и мусульман. Он отметил, что мусульмане и немусульмане, проживающие в одной стране или в одном регионе, совместно должны прикладывать усилия, чтобы остановить эскалацию этого социального кризиса.

Представитель Всемирной исламской лиги, которая имеет консультативный статус при ООН, Абдалла Басфар добавил, что главный способ противостояния радикализму — это использовать Коран и Сунну в их неискаженном виде. Он заявил, что тот, кто является экстремистом в религии, порывает с ней все связи, потому что, согласно исламской традиции, пророк Мухаммад был послан людям с миссией миролюбия. По его мнению, радикализм — это отступление от правильного, прямого пути, это возвращение на путь джахилии, и поэтому главная задача улемов во всем мире — разоблачать экстремизм и своим примером показывать, что исламская доктрина имеет только одну цель — счастье для всего человечества¹³.

Ярким примером, который подтверждает справедливость слов этих исламских ученых являются слова имама ан-Навави в комментариях к хадису № 2658 от Муслима, где он утверждает, что люди не перестанут быть верующими, не потеряют то благородное начало, которое присуще каждому истинно верующему, даже если они будут поклоняться Богу, обращаясь к нему разными именами¹⁴.

Невозможно оспорить тот факт, что человечество характеризуется многообразием во всех сферах общественной жизни. Именно поэтому религиозные различия есть, будут и должны быть в мире в любое время. Сам Коран неоднократно подчеркивает, что таковое не что-то неправильное или недопустимое, но обусловлено мудростью Всевышнего и соответствует Его плану мироустройства. Более того, Коран четко дает понять, что разнообразие религий определено Богом на веки веков:

¹³ Международная конференция Исламская доктрина против радикализма. Ч. 2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e6eGimAmFyE> . 2012

¹⁴ См.: *Ибрагим Т. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки.* М., 2015. С. 40.

¹¹ La Déclaration universelle des droits de l'Homme. Paris. 1948.

¹² Фрагмент дается в переводе автора:

¹³ *l-bashr dgamian usra wahida. Dgamaat beinahum al-ubudiya lilah wal-bunuwa liadam. Wa dgamiu an-nas mutsawawuna fi asl al-karama al-insaniya. Wa innahu la fadla lihad minhum ala al-ahr illa byl-takawa wa al-aml al-salih.*

Если бы твой Господь захотел,
То Он сделал бы человечество
Единой общиной верующих.
Но люди не перестают вступать в противоречия¹⁵. (11:118–119)

Кроме того, Всевышний требовал от Пророка удерживаться от мести и со смирением переносить оскорбления и обиды со стороны язычников или представителей других религий. О войне или вооруженном конфликте речи вообще не идет:

Вы непременно услышите от тех,
Кому было даровано Писание до вас
И от многобожников много неприятных слов;
Но если вы будете терпеливы и богобоязненны,
То в этих делах надлежит проявлять решимость¹⁶. (3:186)

Касательно тех, кто отпал от ислама, Всевышний наставляет пророка следующим образом:

О те, которые уверовали!
Позаботьтесь о себе.
Если вы последовали прямым путем,
То вам не причинит вреда от,
Кто впал в заблуждение¹⁷. (5:105)

Подводя итог, можно сказать, что идеологи ИГ используют ислам в извращенной форме. Они цитируют Коран отрывочно, не предоставляя контекста и толкования тем или иным словам и поступкам Пророка и его сподвижников. Правильное понимание коранических установок очень важно на сегодняшний день.

Вот почему главная задача любого государства сегодня — обеспечение и повышение религиозной грамотности своих граждан, активизация диалога между государственными и религиозными институтами. Данный вопрос особенно актуализируется в России как в многоконфессиональной стране со значительным процентом исламского населения. Россия, учитывая свое этническое, религиозное и культурное разнообразие, может стать «мостом» между мусульманским Востоком и христианским Западом, для того чтобы наладить межкультурный и межконфессиональный диалог, целью которого является совместный поиск решений, приемлемых для всех его участников, устранения нарастающих политических, экономических, гуманитарных и прочих угроз и рисков как внутри государства, так и на региональном и международном уровнях.

Под исламским радикализмом мы понимаем политическое течение, основу которого составляет религиозно-идеологическая

¹⁵ Alqur'ān ālkrým wtargāmat m'ānyh ilā allūga al-ruwsiya. Medina, 2012. P. 284.

¹⁶ Ibid. P. 88.

¹⁷ Ibid. P. 148.

доктрина, реализуемая в деятельности различных радикальных исламистских организаций умеренного и ультрарадикального толка.

Исламизм не имеет единой четкой концепции, он представляет собой совокупность теоретического наследия социально-политических учений многих мусульманских мыслителей, последователями которых и считают себя члены большинства радикальных исламистских организаций. Для них исламизм представляет главную стратегию развития мусульманских обществ, основу социально-политического и экономического развития. В связи с этим представляется особенно важным процесс дерадикализации, необходима разработка стратегии мировоззренческой трансформации радикалов, которая должна стать частью общей стратегии борьбы с терроризмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов А.В., Мансур Ренад, Мишин А.А. Исламское государство. Территория войны. URL: <http://www.liga.net/projects/igil/>; 2015.
2. Владимиров В. США — Россия: возможен ли компромисс на переговорах по Сирии? URL: <http://kontinentusa.com/usa-russia-vozmozen-li-kompromiss-na-peregovorah-po-sirii/>; 2016.
3. Волков К. Де Мистура: Переговоры между США и Россией станут решающими для Сирии. URL: <https://rg.ru/2016/08/30/de-mistura-peregovory-mezhdu-ssha-i-rossiej-stanut-reshaiushchimi-dlia-sirii.html>; 2016.
4. Гайнутдин Р. Введение в шариат. М., 2014.
5. Ибрагим Т. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. М., 2015.
6. Кожокин Е.М. Власть в исламской традиции // Свободная мысль. 2012. № 3/4 (1632). С. 94–105.
7. Материалы Шестнадцатой сессии Европейского совета по фетвам и исследованиям. МЕСТО ИЗДАНИЯ??? 2016.
8. Международная конференция Исламская доктрина против радикализма. Ч. 2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e6eGimAmFyE>. 2012.
9. Орлов А.А. Исламское государство: Аналитические доклады. МГИМО Университет. М., 2016. Вып. 1 (45). С. 9–15.
10. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия. Проблема исламского фундаментализма. М., 2014.
11. Санаи Мехди. Мусульманское право и политика. М., 2014.
12. Jambu J. La monnaie comme arme // Bulletin numismatique. 2016. № 152. P. 25–30.
13. La Déclaration universelle des droits de l'Homme. Paris, 1948.
14. l'an alqahira lihuquq ālinsan fy lislām (The Cairo Declaration of human rights). МЕСТО ИЗДАНИЯ???1990.
15. Alqur'ān ālkrým wtargāmat m'ānyh ilā allūga al-ruwsiya. Medina, 2012.

Alexander A. Burygin

THE IDEOLOGY OF THE ISLAMIC STATE AS AN EXAMPLE OF THE MISUSE OF THE MUSLIM RELIGION FOR POLITICAL PURPOSES

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

The article analyzes the ideological and political grounds for the genesis and activity of the Islamic state. The author examines the theoretical content of Islamic fundamentalism and analyzes picture of the world, which he offers to his followers. In his study the author answers the questions: what are the goals set by the supporters; can we say that ISIS is a principally new type of fundamentalist organization. The author examines the complex of the factors that allowed the supporters of this organization to fight long enough against national governments of Syria and Iraq, as well as the forces of the international coalition of States. The author explores the key sources of Islamic law and cites the comments of prominent theologians and scientists. In the end, the author proves that ISIS is using Islam in a perverted form. In this regard we come to conclusion that religious literacy is an important element of any national policy to counter extremism.

Key words: Islamic state; radicalism; Islamic fundamentalism; ideology.

About the author: *Alexander A. Burygin* — MA student of the Department of the Political Studies (Asia and Africa), Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aa95burygin@mail.ru).

REFERENCES

1. Bogomolov A.V., Mansur Renad, Mishin A.A. *Islamskoe gosudarstvo. Territorija vojny. (The Islamic state. The territory of the war)*. URL: <http://www.liga.net/projects/igil/>; 2015.
2. Gajnutdin Ravil'. *Vvedenie v shariat (Introduction to Sharia)*. Moscow, 2014.
3. Ibragim T. *Koranicheskiy humanizm. Tolerantno-pluralisticheskie ustanovki (The Quranic humanism. Tolerant-pluralistic settings)*. Moscow, 2015.
4. Jambu J. La monnaie comme arme. *Bulletin numismatique*. 2016. № 152. P. 25–30.
5. Kozhokin E.M. *Vlast' v islamskoj tradicii. Svobodnaya mysl' (The power in Islamic tradition. The free thought)*. 2012. № 3–4 (1632). P. 94–105.
6. *La Déclaration universelle des droits de l'Homme*. Paris, 1948.
7. *Materialy Shestnadcatoy sessii Evropejskogo soveta po fetvam i issledovanijam (The Materials of the Sixteenth Session of the European Council for fatwas and researches)*. 2016.
8. *Mezhdunarodnaja konferencija Islamskaja doktrina protiv radikalizma. Chast' 2 (The International conference Islamic doctrine against radicalism. Part 2)*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e6eGimAmFyE>. 2012.
9. Orlov A.A. *Islamskoe gosudarstvo. Analiticheskie doklady (The Islamic state. The analytical reports)*. MGIMO Universitet. Moscow, 2016. № 1 (45), pp. 9–15.
10. Poljakov K.I. *Arabskij Vostok i Rossija. Problema islamskogo fundamentalizma. (The Arab East and Russia. The problem of Islamic fundamentalism)*. Moscow, 2014.
11. Sanai Mehdi. *Musul'manskoe pravo i politika (The Islamic Law and Politics)*. Sadra. Moscow, 2014.
12. Vladimirov V. SSHA — Rossiya: vozmozen li kompromiss na peregovorakh po Sirii? (The United States — Russia: Is there a compromise in negotiations on Syria?). URL: <http://kontinentusa.com/usa-russia-vozmozen-li-kompromiss-na-peregovorah-po-sirii/>; 2016.
13. Volkov K. De Mistura: Peregovory mezhdu SSHA i Rossiej stanut reshayushimi dlya Sirii. (De Mistura: the Negotiations between the US and Russia will be decisive for Syria). URL: <https://rg.ru/2016/08/30/de-mistura-peregovory-mezhdu-ssha-i-rossiej-stanut-reshaiushchimi-dlia-sirii.html>; 2016.
14. *I'lan alqāhira lihuqu ālinsān fy ālislām. (The Cairo Declaration of human rights)*. Cairo, 1990.
15. *Alqur'ān ālkrym wtargamat m'ānyh ilā alluḡa al-ruwsiya. (The Blessed Koran. Translation of the meanings into the Russian language)*. Saudi Arabia, 2012.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
Институт стран Азии и Африки МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Брагинский В.И., докт. филол. наук, проф. Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, Великобритания (SOAS, University of London, UK); **Ильбер Ортайли**, проф. университета Стамбула, Турция (Istanbul University, Turkey); **Панчанан Моханти**, проф. университета Хайдарабада, Индия (Haiderabad University, India); **Ху Аньган**, проф. университета Цинхуа, Китай (Tsinghua University, China); **Экехард Шульц**, докт. филол. наук, проф. института Восточных исследований Лейпцигского университета, Германия (Institute of Oriental Studies, Leipzig University, Germany); **Ямасита Марико**, почетный профессор университета Токай, Япония (Tokai University, Japan)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Мейер М.С. (гл. редактор), докт. ист. наук, проф., президент ИСАА МГУ, **Гевелинг Л.В.** (зам. гл. редактора), докт. полит. наук, проф.; **Захарьин Б.А.** (зам. гл. редактора), докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой индийской филологии; **Волчкова Е.В.** (отв. секретарь), канд. ист. наук, доц. кафедры истории Китая

Члены редколлегии:

Абрамова И.О., директор Института Африки РАН, чл.-корр. РАН; **Басс И.И.**, проф., зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского ин-та культуры; **Быкова С.А.**, доцент, зав. кафедрой японской филологии; **Видясова М.Ф.**, проф.; **Громова Н.В.**, проф., зав. кафедрой африканистики; **Деоник Д.В.**, проф. кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; **Карапетьянц А.М.**, проф. кафедры китайской филологии; **Кулешова Н.С.**, зам. директора по науке, проф. кафедры политологии; **Лапина З.Г.**, проф.; **Мельянец В.А.**, проф., зав. кафедрой международных экономических отношений; **Орлов В.В.**, проф. кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Писарев А.А.**, проф. ф-та русского языка и международ. отношений Тамканского университета (Тайвань); **Репенкова М.М.**, проф., зав. кафедрой тюркской филологии; **Сафронова А.Л.**, проф., зав. кафедрой истории Южной Азии; **Фридман Л.А.**, проф. кафедры экономики и экономгеографии; **Фролов Д.В.**, проф., зав. кафедрой арабской филологии, чл.-корр. РАН

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1563 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 103009, Моховая, 11, стр. 1. Тел. 8 (495) 629-55-48.

Подписано в печать 25.05.2018. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж экз. Изд. № 11 022. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: (495)939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

*Требования к **формату** текста статей:*

- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полупропорционный межстрочный интервал;
- поля: 2,54 и 3,17 см;
- **объем рукописи до 25 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов — строго до 17 тыс. знаков с пробелами).**

*Требования к **форме** предоставления статей:*

- текст присылается на электронный адрес редколлегии в формате RTF (rich text format);
- если в статье используются дополнительные шрифты, то они должны быть записаны на отдельном файле;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами в формате .tif.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- аннотации на русском и английском языке (200-300 слов) и ключевые слова (до 20 слов) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название и адрес научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- приставочные библиографические списки (ссылки на цитируемые исследования должны быть оформлены в тексте в виде внутритекстовых ссылок; ссылки на источники оформляются в виде подстрочных сносок, список процитированных исследований должен быть вынесен в конец статьи в виде **списка литературы и references**).

Помните, что несоблюдение требований к оформлению может существенным образом усложнить процесс публикации статьи. **Подробнее требования изложены на сайте журнала** <http://iaas.msu.ru/index.php/ru/vestnik-vostok>

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.